

Полли Эванс Китай Искусство есть палочками

Посвящается Софи и Ли с пожеланием счастья

Глава 1 Председатель Мао умер, да здравствует председатель!

Я с омерзением смотрела на иссохший труп, похожий на восковую куклу. Покатый лоб, известный на весь мир, казалось, уменьшился в размерах, а некогда пухлые щеки, красовавшиеся на пропагандистских плакатах, сдулись и стали похожими на печеные яблоки. Забальзамированный труп Великого Кормчего был облачен в военную форму. Руки Мао чинно сложил на груди. Тускло-оранжевый свет в полутьме освещал сморщенную кожу. Лицо зловеще поблескивало в полутьме, словно тыква в Хэллоуин.

По залу мавзолея расплзался благоговейный трепет. Все разговаривали исключительно шепотом. Волнение толпы казалось просто физически ощутимым. Мое сердце заколотилось быстрее обычного, и волоски на теле встали дыбом. Я почувствовала непреодолимое желание остановиться и получше рассмотреть жуткую картину — останки человека, который обладал абсолютной властью над самой густонаселенной страной в мире. Несколько десятилетий назад одного слова, слетевшего с этих набухших теперь от формальдегида губ, было достаточно, чтобы решить чью-то судьбу, а в этой голове рождались ужасные идеи, из-за которых в мучениях погибли десятки миллионов. Но в то же время под ныне высохшей тугой кожей билось некогда сердце человека, способного, несмотря ни на что, зажечь столь яркий огонь в душах верноподданных, что жители огромной разношерстной страны, невзирая на бедность, все как один объединились и справились с нависшей над их родиной угрозой со стороны сверхдержав.

По словам Ли Чжисуя, лечащего врача Мао, бальзамирование тела Председателя доставило много хлопот. Господин Ли подробно описал эту процедуру в своей книге «Личная жизнь Председателя Мао». Проблема заключалась в том, что ни он сам, ни кто-либо другой в Китае до сих пор не пробовал бальзамировать трупы. За несколько лет до этого Ли лично посетил мавзолеи Сталина и Ленина и про себя отметил, что тела великих вождей сморщились и выглядят не лучшим образом. Ему по секрету сказали, что у Ленина сгнили нос и уши, и пришлось изготовить восковые копии, а у Иосифа Виссарионовича отвалились усы. Команда медиков пыталась выиграть время, накачав тело Мао формальдегидом.

«Мы путем инъекций ввели в общей сложности двадцать два литра раствора, — писал Ли. — Результат шокировал нас самих. Лицо Мао раздулось, словно мяч, а шея практически исчезла, став по ширине такой же, как голова. Кожа лоснилась, а формальдегид сочился из пор, будто пот. Уши тоже разбухли и торчали в стороны под прямым углом к черепу. Получился просто какой-то шарж».

Медики пришли в ужас, ведь кто-то должен был понести наказание за осквернение святыни, и попытались с помощью массажа вызвать отток жидкости из тканей лица в ткани тела, поскольку отек тела можно было скрыть одеждой. Один из врачей нажал чуть сильнее, чем требовалось, и у Мао лопнула щека. В конце концов, им удалось восстановить нормальные размеры лица, но теперь одежда не подходила по размеру, и пришлось распарывать куртку и брюки сзади, чтобы застегнуть их.

Перед тем как провести последние приготовления, Ли отправил двух специалистов в Ханой, чтобы разузнать, какие манипуляции проделывали с трупом Хо Ши Мина, однако

вьетнамские власти отказались выдавать свои секреты и даже не допустили китайцев к телу, хотя в кулуарах кто-то из вьетнамских коллег признался, что они тоже не добились особых успехов — у Хо сгнил нос и отвалились усы.

В итоге Ли разработал собственную методику — он удалил все внутренние органы и заполнил образовавшуюся пустоту ватными тампонами, вымоченными в формальдегиде, а тем временем еще одна группа специалистов трудилась дено и ночно, создавая восковую копию на случай, если все пойдет не так и им потребуется фальшивый труп на замену настоящего.

Мне вдруг стало интересно, что передо мной — настоящее тело или его восковая копия? После смерти Мао прошло уже около тридцати лет, так что вполне возможно, что подлинник уже давным-давно сгнил, и его втихаря заменили искусно сделанной восковой статуей.

Но замедлить шаг мне никто не позволил. Служащий в темной военной форме жестом показывал, чтобы очередь не задерживалась, и меня вместе с десятком других туристов быстро выгнали из темного мавзолея прошлого на свет божий, на современную площадь Тяньаньмэнь.

— А ну-ка, за мной, бы-сы-ты-ло! Бы-сы-ты-ло!

Китаец в замызанной спортивной куртке, мешковатых тренировочных штанах и потертых туфлях-лодочках заорал на туриста, который стоял в очереди, извивавшейся, словно змея вокруг квадратного мавзолея. Толпа туристов, приехавших в Пекин на один день, галдела и щелкала фотоаппаратами со скоростью света. Посреди этого гама иностранец явно растерялся: он судорожно сглотнул и нервно прижал сумку к себе. Китаец схватил его за плечо и попытался вытащить из очереди, чем привел беднягу в ужас.

На самом деле беспокоиться не стоило. Я пару минут назад прошла через то же самое испытание. В мавзолее запрещалось проносить сумки, а камера хранения располагалась на другой стороне оживленной улицы. Увидев мою сумку, китаец точно так же схватил меня и заверещал на ломаном английском:

— Бы-сы-ты-ло за мной!

Мы понеслись через всю площадь, увертываясь от парочек в теплых куртках и распугивая семейные группы. Я изо всех сил старалась не отстать, и тут Мистер Лодочки бросился наперерез прямо через проезжую часть. Я встала как вкопанная.

— Бы-сы-ты-ло-о-о! — заорал неугомонный китаец через завесу выхлопных газов, перекрикивая автомобильные гудки.

Всерьез опасаясь за собственную жизнь, я помчалась через дорогу что было сил, и через пару метров мы оказались у «камеры хранения».

Мистер Лодочки сгрел мою сумку.

— Десять юаней! Бы-сы-ты-ло!

Я выудила из кошелька требуемую сумму.

— И еще десять мне! — скомандовал Мистер Лодочки.

Вот такой вот новый Китай: место, где нужно уметь быстро бегать, ведь время — деньги. Если бы Мао вдруг проснулся в своем мавзолее всего-то в паре десятков метров от нас, то не узнал бы страну. В прошлое ушли коммуны. «Общие котлы» расплавлены или отправлены в утиль. На место старой системы, гарантировавшей пожизненную трудовую занятость, пришел «социализм с китайской спецификой», в рамках которого предпринимательская жилка только приветствовалась. «Быть богатым хорошо», — провозгласил преемник Мао Цзэдуна, Дэн Сяопин. После долгих лет голода и страха Китай вдруг получил возможность сколотить состояние.

Площадь Тяньаньмэнь стала сердцем культа Мао. Именно здесь он первого октября 1949 года под одобрительные крики уставших от войны китайцев объявил о создании Китайской Народной Республики. Тяньаньмэнь — самая большая площадь в мире. Шутка ли, это огромное пятно из серых плит и прямоугольных монументов, строго ориентированных по сторонам света, расплодилось аж на сорок гектаров. Изначально

площадь, правда, куда менее впечатляющих размеров, построили еще в пятнадцатом веке как проход к Запретному городу, где обитали императоры правящего дома, но в 50-х годах двадцатого столетия Мао решил увеличить размеры Тяньаньмэнь, чтобы сделать ее отличительным знаком собственного режима. Площадь должна была стать огромной, незыблемой и целиком серой.

Великий Кормчий решил приурочить открытие новой площади к пятнадцатой годовщине создания КНР. Работы начались в ноябре 1958 года, таким образом, до намеченной даты оставалось всего около десяти месяцев. На стройку мобилизовали около двадцати тысяч «добровольцев». Они работали круглосуточно, сменами по шестнадцать часов, чтобы расчистить территорию, затем отстроили здание Всекитайского собрания народных представителей с залом на десять тысяч человек и банкетным залом на пять тысяч гостей.

Теперь все изменилось. В двадцать первом веке монументы, правда, все еще стояли на своих местах, но пекинцы сняли унылую синюю униформу времен Мао и вовсю запускали на площади воздушных змеев, переодевшись в модные джинсы и разноцветные пиджаки. По дорогам вокруг площади, где в 60-е маршировал миллион *хунвэйбинов*, «красных охранников», чтобы получить от Мао приказ безжалостно перетрясти всю страну, ныне рассекали новые БМВ и «фольксвагены». Ожидалось, что в 2003 году объем продаж автомобилей вырастет на восемьдесят процентов. Сияющие автомагистрали блестели в тумане. За какие-то десять лет в Китае построили столько дорог, что хватило бы обогнуть земной шар по экватору шестнадцать раз. В Шанхае поезда на магнитной подушке неслись в нескольких миллиметрах над рельсами со скоростью четыреста тридцать километров в час. Двести пятьдесят миллионов китайцев без умолку трещали по мобильным телефонам.

А в столице радостно ровняли с землей *хутуны*, старинные переулки, чтобы расчистить место под новый, чистый, полный зелени город, каким хотели видеть Пекин к Олимпийским играм 2008 года. Речь шла уже не просто о подтяжке лица. Нет, столице сделали инъекцию ботокса, перекроили нос и закачали силикон. Чтобы выглядеть наилучшим образом, она подверглась всем мыслимым косметическим процедурам, какие только предлагались на рынке. Сносились целые микрорайоны, чтобы на их месте разбить парки. Когда я в последний раз была в Пекине два с половиной года назад, там имелось две кольцевых дороги, а теперь их уже шесть. Только за 2002 год здесь посадили два миллиона деревьев. В воздухе постоянно висели цементная пыль и песок. Рабочие сновали туда-сюда с кирками и лопатами. Китай находился в процессе перестройки.

А высоко-высоко над моей головой в этот самый день, пятнадцатого октября 2003 года, у первого китайского космонавта в прямом смысле слова летали звездочки перед глазами. Пока я пялилась на маринованный труп Мао, лейтенант Ян Ливэй любовался космосом и, возможно, перекусывал какой-нибудь специальной едой для космонавтов, устроившись на орбите Земли. Тридцативосьмилетний бывший летчик-истребитель по спутниковой связи пообщался с партийным руководством, а потом поболтал с женой и восьмилетним сынишкой. Через двадцать один час, совершив четырнадцать витков вокруг Земли, новоиспеченный герой приземлился уже в новом качестве — суперзвезды. Выбравшись из корабля, он заявил, что чувствует себя хорошо.

Да, знаю-знаю. Русские и американцы отправили своих космонавтов и астронавтов в открытый космос еще сорок два года назад. И сейчас некоторые циники бурчали, что вся эта затея — выброшенные на ветер деньги, ведь в стране большая часть населения едва сводит концы с концами, а полеты в космос вышли из моды вместе с юбками трапецевидной формы, да и вообще, круто быть только первым. Китайцы плевать хотели на недоброжелателей, поскольку их родина все-таки вступила в космический век. После десятилетий нестабильности, раздоров и голода Китай поправился и теперь, чиркнув по небу черным следом от ракетного горючего, заявил всему миру, что с ним отныне стоит считаться.

Вместе с экономическим и техническим прогрессом произошла и культурная

революция, правда, на этот раз в ином обличье. Различные культурные ценности матерей и дочерей вывели привычный спор между поколениями на совершенно новый уровень. По статистике, в 1980 году только пятнадцать процентов пекинцев практиковали добрый секс, а через двадцать лет эта цифра выросла до восьмидесяти процентов. Разводы стали обычным делом. В стране, где власти испокон веков пытались жестко контролировать иностранное влияние, как грибы после дождя появлялись интернет-кафе. Китайцы получили доступ к интернет-страницам иностранных газет, а еще чаще заглядывали на сайты кабельного телевидения и Си-эн-эн.

Все вышеизложенное и стало причиной моего визита в эту страну. Китай несся в новую эру, словно скоростной поезд, внезапно потерявший управление. При этом, как я слышала, пока горожане мчались по своей автостраде в светлое будущее, в некоторых деревнях продолжали жить по старинке — неспешно ездили в тележках, запряженных ослами, тряслись по разбитым дорогам в автобусах со сломанными сиденьями и подвеской, которая держится на честном слове. Китай населяют полтора миллиарда человек, но для большей части жителей скачок в современность, с поездами на магнитных подушках и сверхзвуковыми ракетами, мало что менял. И я рассудила, что, если хочу увидеть странную двойственность в этой двухъярусной стране, то сейчас самое время туда поехать.

Чтобы увидеть происходящее глазами простых китайцев, я решила путешествовать вместе с ними — добираться до исторических достопримечательностей исключительно на поездах и автобусах дальнего следования, изъездить пекинские переулки на велике и проплыть на корабле вниз по Великому каналу¹.

Это не первое мое путешествие в Китай. Вообще-то я прожила в Гонконге почти четыре года и пару раз пересекала границу. В бывшую британскую колонию я приехала через семь месяцев после того, как исконно китайскую территорию вернули Китаю. Еще свежа была память об азиатском экономическом кризисе, разразившемся в октябре 2007 года, и вспышке птичьего гриппа, из-за которого погибли около полутора миллионов птиц.

Китайцы, жившие в Гонконге, разделились на два лагеря. Одни искренне радовались воссоединению с родиной и избавлению от колониального господства, другие считали, что хрен, в роли которого выступало коммунистическое правительство, не слаще колониальной редьки. После печально известных событий на площади Тяньаньмэнь, когда в июне 1989 года власти жестоко подавили там студенческие волнения, что привело к гибели сотен, а может быть, и тысяч мирных демонстрантов, Гонконг запаниковал. Те, кто обладал достаточным капиталом или востребованной профессией, выстроились в очередь перед воротами консульств готовых их приютить иностранных держав. Большинство стран требовали от претендующих на гражданство лиц прожить на их территории какое-то время, потому средний класс разъехался по всему миру, и большая часть гонконгцев так и не вернулись обратно.

Отношения с материковым Китаем осложнились еще и тем, что большинство гонконгских семей в свое время иммигрировали из Китая. В 1945 году население послевоенного Гонконга составляло всего лишь шестьсот тысяч, а сегодня там живут более семи миллионов, и деторождение тут особо ни при чем. Гонконгцы всегда считали своих родственников, оставшихся по ту сторону границы, необразованными и, что еще хуже, бедными, и смотрели на них сверху вниз.

Ну а у иностранцев, даже у тех, кто считали себя истинными фанатами Китая, это государство вызывало смешанные чувства — любовь и ненависть. С одной стороны, это потрясающе интересная страна с богатейшей историей, но она в то же время славилась и ужасной жестокостью — культурное наследие безжалостно уничтожалось самими китайцами в попытке избавиться от пережитков феодального прошлого. Здесь очень

¹ Судходный канал, одно из древнейших ныне действующих гидротехнических сооружений мира, соединяет крупные порты Китая — Шанхай и Тяньцзинь. (Здесь и далее — примеч. пер)

интересно, но кругом ужасная грязь и тяжело путешествовать, и даже сейчас, в век глобализации, Китай остается своего рода закрытой книгой и местом, где чертовски сложно вести дела.

Зная об этих особенностях Китая, я пришла к выводу, что если хочу объехать Поднебесную на общественном транспорте, то мне стоит попытаться выучить язык. Было бы здорово знать пару фраз типа «Да этот автобус ползет медленнее, чем моя бабушка» или «Простите, а в этом поезде вообще убирались со времен династии Мин?» и т. д.

Я записалась в Школу востоковедения и африканистики при Лондонском университете и перед тем, как отправиться в путь, два семестра по средам таскалась на площадь Рассела, чтобы присоединиться там к небольшой группе заблудших душ, с какого-то перепугу решивших, будто изучать китайский — это увлекательно. Мы сидели и, вытаращив глаза, смотрели на нашу преподавательницу Вэй Сань, пытаюсь понять, что за странные звуки вырываются из ее рта. Все остальные дни я пыхтела над тетрадками в клеточку и коряво выводила иероглифы, пытаюсь точно перевести скучные предложения, в которые добрые составители учебника ухитрились втиснуть весь набор грамматических трудностей: «Мистер Ли позвонил мне вчера вечером и сказал, что сегодня не придет»; «Знаешь ли ты, что та дама, которая заходила к нему на прошлой неделе, это его старшая сестра?».

Разве такая банальщина способна разжечь огонь в сердцах учащихся и пробудить интерес к предмету? Почему бы не придумать что-нибудь позавлекательней, например: «Рябой Чжан позвонил мне вчера ночью и сказал, что передумал и не придет сегодня вырезать мою семью» или «Знаешь ли ты, что та дама, которая заходила к нему на прошлой неделе, это его старшая сестра, и он, между прочим, отец ее чудаковатого ребенка?».

Однако недели шли, и постепенно иероглифы перестали казаться мне набором палочек и черточек, а обрели смысл. Я научилась спрашивать по-китайски, сколько стоит билет из Пекина до Шанхая, и узнавать время отправления поезда. Освоила, как выражать удивление по поводу цен на сливы и восклицать, что они нынче непомерно дороги, а еще я выучила такие полезные слова, как «пиво», «вино» и «шоколад».

И вот, наконец, я, все еще не уверенная, стоит ли вообще это делать, собрала чемодан, положив туда разговорник и пачку влажных салфеток, и отправилась в загадочную и страшно притягательную Поднебесную.

Глава 2

«Может быть немножко больно...»

Я сидела на элегантном белом диване и отчаянно чихала. Первые несколько дней в Китае я провела у своих друзей Гая и Нэнси. Они жили в Пекине уже семь лет и обзавелись собственной турфирмой «Империал турс»: организовывали путешествия для богатых клиентов. Люди, способные пробиться сквозь безумные бюрократические препоны и при этом остаться психически здоровыми, на мой взгляд, уже заслуживают медали за героизм, по крайней мере, мне это точно не по зубам.

Путешествие по Китаю не обещало быть легким, так что мне показалось разумным погружаться в эту авантюру постепенно. И вот сейчас, оказавшись в квартире Гая и Нэнси, отделанной в невозмутимо-белой гамме, я поймала себя на мысли, что можно начать с того, чтобы просто *смотреть* на хаос внизу из окна двенадцатого этажа, куда можно подняться на нормальном лифте.

Гай и Нэнси хорошо знали страну. Они вполне могли бы подсказать мне, куда поехать и как туда добраться. Много лет мои друзья инспектировали отели по всему Китаю, дабы удостовериться, отвечает ли тамошний сервис запросам их капризных клиентов, так что оба в курсе, где именно простыни меняют чаще, чем раз в месяц. Они не только знают хорошие рестораны во всех крупных городах, но даже могут порекомендовать, какие именно блюда стоит заказывать в каждом из них. Кроме того, друзья поведали мне такие тонкости, о которых я, будучи в Китае новичком, и не подозревала: нельзя, оказывается, покупать в

поездах билеты на нижние полки, если я только не хочу делить свое место с толпой китайцев, курящих в режиме нон-стоп и постоянно лопающих растворимую лапшу, поскольку на нижней полке днем сидят все купе. Нужно заранее обговорить стоимость номера в отеле, поскольку та цифра, которая указана на стойке регистрации, сильно завышена ради забавы персонала. Ну а если я хочу выжить, то не реже, чем раз в десять минут, необходимо справляться с целой армией микробов-убийц, которые поселились на моих руках. Ребята лично сопроводили меня в аптеку и заставили купить несколько бутылок антибактериального геля для рук на случай, если в пределах досягаемости вдруг не окажется ни мыла, ни воды. Я отметила про себя, что после переезда в Пекин у моих друзей развилась какая-то мания, связанная с мытьем рук. Дурной знак. Остается только надеяться, что вирусы здесь не меняются с той же скоростью, как все остальное вокруг.

Но хуже всего было то, что один из вирусов уже обосновался в моем организме. Я постоянно кашляла и сморкалась. Так что из белоснежных чашек, сделанных из тончайшего фарфора, пришлось пить не знаменитый жасминовый чай, а ядерно-желтое лекарство от простуды. Я умудрилась простудиться сразу же после приезда, но заболеть на первом же этапе игры не входило в мои планы.

Гай обеспокоенно посмотрел на меня. Может, он волновался за мое здоровье, а может, боялся, что я надолго обоснуюсь на его диване, не знаю. А потом он подал мне идею.

— Некоторые наши друзья в таком случае ходят на специальный массаж, — сообщил он. — Называется *гуа ша*. Там тебе поскребут... разотрут спину... э-э-э... куском коровьего рога.

Честно говоря, само название пугало, но «Фервекс», по-видимому, не мог прогнать орды азиатских микробов из моего чахлого тела, так что меня уже начинало одолевает отчаяние. Через пару дней мне предстояло на поезде отправиться из Пекина в Датун, и совершенно не хотелось познавать радости китайских железных дорог с высокой температурой. Кроме того, вряд ли опасно растирать спину куском коровьего рога, хотя и довольно странно... Короче, я с готовностью согласилась попробовать, после чего Гай и Нэнси отвели меня в ближайшую больницу.

Меня проводили в комнату, украшенную шелками и парчовыми драпировками на стенах. Молодая девушка, ни слова не знавшая по-английски, протянула мне высокий стакан с зеленым чаем и жестом попросила раздеться до пояса. Я сделала, как мне велели, а потом улеглась на массажный стол лицом вниз. Вошел массажист. Совсем молоденький, но мускулистый, и, как я вскоре поняла, в этих сухощавых руках таилась недюжинная сила. Он улыбнулся. Мне показалось, что парень слегка нервничает.

— М-м-м... вы впервые делать *гуа ша*? — спросил он по-английски с сильным акцентом и нервно рассмеялся. Такая манера вести себя свойственна людям, которые оказались в сложной, а возможно даже и в неловкой ситуации. Что-то подсказывало: зря я пришла, стоило бы одеться и смыться.

— Да! — ответила я слишком уверенным тоном.

— Ах! — Улыбка сменилась выражением, похожим на гримасу ужаса.

Он размял свои крепкие пальцы. Потом еще раз. И еще. Похоже, массажист чувствовал себя не в своей тарелке.

— М-м-м, — промычал он, поморщившись, потом прикусил губу и добавил: — Может быть немного больно.

Где-то в глубине души у меня начинали зарождаться смутные подозрения, но не успели они оформиться в полномасштабную панику, как массажист осторожно взял с подноса рядом со столом какую-то коричневую пластину и начал, как и предупреждал Гай, скрести мне спину.

Но не просто скрести. Он яростно тер ее, терзал, драл. Снова и снова. Прижимал острый край коричневой пластины, которая с успехом могла оказаться как коровьим рогом, так и просто куском пластика, к пояснице, а потом с силой проводил одним рывком по всей длине спины к шее. Боль была мучительной.

С трудом сдерживаясь, чтобы не заорать в голос, я вцепилась зубами в полотенце, которым накрыли массажный стол.

— Можете кричать, если хотите, — сказал массажист деловым тоном и продолжил экзекуцию.

У меня на спине есть пара родинок. Каждый раз, когда пластинка попадала на них, становилось не по себе. Массажист давил с такой силой, что я всерьез опасалась за судьбу родинок, как бы не оторвались, но китаец и не думал останавливаться. Он скреб и скреб, как маляр, который отскребаёт со стены старую краску, или судомойка, пытающаяся отмыть особо грязную сковороду, или мясник, сдирающий кожу с туши.

Я призадумалась: не начать ли плакать, или, может, издать хоть один крик, но такой, чтобы кровь стыла в жилах? И тут до меня дошла вся абсурдность ситуации. Черт, у меня всего лишь какая-то ерундовая простуда! Еще пара порций «Фервекса», и стала бы как новенькая! А вместо этого я лежу по пояс голая в пекинской пыточной камере, пусть и красиво декорированной, и позволяю какому-то тощему парню терзать мою несчастную спину с помощью подозрительного предмета. Да уж, отличный выбор, ничего не скажешь. Если так в Китае лечат простуду, то какие, интересно, орудия пыток здесь используют в случае пневмонии или плеврита? Дыбу? Или сразу «железную деву»? А может, чего уж мелочиться, прямиком на гильотину, и болезни конец, правда, вместе с пациентом.

Я не стала кричать, а вместо этого залилась истерическим смехом. На мгновение удивленный массажист прекратил пытку, а потом сначала захихикал, а потом откровенно заржал. Да уж, оригинальное чувство юмора.

Через двадцать минут он, наконец, остановился и весело сказал:

— Ну, все. Можете одеваться.

Массажист вышел. Я сползла со стола и, шатаясь от легкой головной боли, подошла к противоположной стене, где висело зеркало в золотистой раме. Я повернулась спиной к зеркалу и выгнула шею, чтобы рассмотреть, какой ущерб причинен несчастной пациентке.

Боже! Я не поверила своим глазам. Вся спина была покрыта темно-красными кровоподтеками и синяками. Все пространство от талии до шеи превратилось в сплошное красно-фиолетовое пятно. Я выглядела как жертва пожара. Или как человек, подвергшийся телесному наказанию. Или как выживший в серьезном ДТП. Ужас! За двадцать минут кожа на спине из идеально гладкой превратилась в кровавую кашу, какую увидишь только по телевизору в сериалах про больницы.

Как ни странно, спина не болела. Она выглядела устрашающим образом и слегка ныла, если дотронуться, но при этом не болела. Я оделась, а потом доковыляла до дома Нэнси и Гая, чтобы продемонстрировать им результат хваленного гуа ша.

— Господи! — присвистнул Гай и тут же вытащил камеру, чтобы сделать пару фоток.

Ночью мне не стало лучше. Симптомы простуды никуда не делись, разве что поднялось настроение. Так обычно чувствует себя человек, который чудом избежал смерти. Однако наутро я проснулась совершенно здоровой. Простуду зарубили на корню. Я перестала сморкаться, чувствовала себя обновленной, полной сил и энергии, а через пару дней исчезли и синяки. Ничего не скажешь, очень впечатляет. Обычно простуда развивается по привычной схеме. Сначала болит голова, потом начинаются кашель и насморк, а дальше уже жар, все тело ломит, после чего целую вечность ходишь с соплями до пупа. Но в этот раз простуде не дали развиваться дальше первой стадии. Я сделала *гуа ша* и, словно по мановению волшебной палочки, простуда испарилась. Удивительно!

Как я выяснила, «ша» обозначает застой крови под кожей, так называемая «дурная кровь», а «гуа» переводится как «скрести», так что принцип массажа — разогнать застоявшуюся кровь и улучшить ее циркуляцию. Страшные красные отметины — это кровоизлияния, выход «ша». Традиционная китайская медицина прибегает к массажу *гуа ша* при лечении любых заболеваний, начиная от жара и заканчивая инфекционными болезнями и расстройствами пищеварения. По-видимому, если в крови нет токсинов, то и красных пятен не появится. Очевидно, я была серьезно больна.

Совершенно оправившись от простуды, я почувствовала в себе силы проститься с уютным белым диванчиком и начать исследовать Китай за пределами квартиры Гая и Нэнси. Для начала, зная о любви местного населения к велосипедам, я решила окунуться в жизнь столицы, проехав по Пекину на двух колесах.

Мы с Гаем пошли за велосипедом. Гай сказал, что все равно собирался купить себе велик, а я смогу одолжить его на вечер.

За последние пару лет у Гая украли два горных велосипеда. В этот раз, по его словам, он собирался купить дешевую грудку металла, так, по крайней мере, есть шанс сохранить велосипед подольше.

На той же самой улице, на которой жили Нэнси и Гай, мы обнаружили лавку, где некий господин Цзя коротал время в компании старых покрывал и автомобильных камер. Снаружи сиротливо стояли несколько жалкого вида велосипедов. Господин Цзя, говорливый энергичный круглолицый мужчина с блестящими черными глазками и подвижными бровями, щеголял в спортивной куртке, якобы произведенной известной фирмой, хотя, скорее всего, ее сшили на соседней улице.

Господин Цзя успел в своей жизни проехаться на разных видах транспорта. В свое время даже поработал на итальянском пассажирском лайнере, где был единственным китайцем, — эти сведения он сообщил нам на еле понятном английском, который звучал как мешанина слов, соединенных друг с дружкой как придется. Даже плавал в Нью-Йорк, Майами, Финляндию и Англию. Последовал взрыв хохота. Тонкие бровки буквально летали по всему лбу, пока он рассказывал нам о своих приключениях.

Новые блестящие велосипеды, как весело признался господин Цзя, это не то. Блестеть-то они блестят, вот только когда придется сражаться против мопедов и лететь на красный свет на улицах Пекина, то толку от них, как от пони на скачках.

Бровки на минуту горестно сдвинулись, а потом живо порхнули к линии роста волос, отчего лоб пошел глубокими складками.

— Но вот этот очень хороший! — торжественно заявил Цзя, его крошечные глазки засияли от радости.

Он прошел в самый конец очереди из велосипедов, где чуть поодаль от злорадных блестящих товарищей притулился усталый красный уродец. Он и рад бы прикинуться горным велосипедом с прямыми ручками и шипованными шинами, да вот только никак не вписывался в команду. Это был дряхлый скрипучий велик, который постоянно пытался шлепнуться на бок. Огромные буквы на раме гласили, что его когда-то (вероятно, давным-давным-давно) произвел завод «Гигант», а рядом курсивом сообщалось, что развалюха носит гордое имя «Охотник». Ха-ха, интересно, на кого может охотиться такой «охотник». Даже самые флегматичные ежики наверняка успеют убежать за тридевять земель, заслышав скрип и скрежет колес вдалеке.

Господин Цзя кивнул, усмехнулся и снова кивнул.

«Охотник», как он заверил нас уверенным тоном, просто легендарная модель. Да уж, велосипед явно знавал лучшие времена, а роспись на боку наверняка датируется годами правления династии Цин, хотя это все еще крепкая и надежная машина. Цзя снова кивнул, как будто убеждая самого себя, а не только нас, и я заметила, что его лицо слегка порозовело.

Мы с Гаем с сомнением поглядели на легендарного «Охотника», потом переглянулись.

— Думаю, это то, что надо, — мрачно сказал Гай, чьи представления о дизайне и стиле разбились о чахлая каркас «Охотника». — Похож на обычный китайский велик. По крайней мере, его не сопрут.

Он предложил мне взять велосипед на тест-драйв. Я, виляя из стороны в сторону, поехала по улице. Переключатель передач не работал, но Пекин довольно ровный город, так что это не столь важно. Тормоза, судя по всему, функционировали. Но самым лучшим во всем велосипеде был звонок. Когда я нажала кнопку на ручке, из динамика с ревом вырвался

целый репертуар популярных мелодий, сыгранных на синтезаторе, при этом красные лампочки на ручке мигали в такт музыке.

Звуковое сопровождение стало решающим аргументом в пользу покупки. Гай протянул господину Цзя двести шестьдесят юаней (в тот момент курс фунта к юаню составлял один к четырнадцати), и я под громкую музыку, переливаясь огнями, как рождественская елка, отправилась в путь, присоединившись к десяти миллионам пекинских велосипедистов и несколькими сотням тысяч неумех.

Десять лет назад на машинах ездили только правительственные чиновники, но в день, когда мы с «Охотником» выехали на улицы столицы, в Китае уже насчитывалось около десяти миллионов личных автомобилей. В эту среду в одном только Пекине выдали около двух тысяч новых номерных знаков. И за рулем почти каждого из новых автомобилей сидел новичок, недавно получивший права.

Возможно по неопытности, пекинские водители практически не обращали внимания на светофоры.

«Ага, красный... Уверен, это неспроста, — видимо, думали они, подъезжая к светофору. — Так... а что я должен был делать? Ой, надо ж было остановиться! Интересно, а где тут тормоз?»

К этому моменту светофор остается далеко позади, а закаленные в боях водилы, успевшие уже отъездить по полгода, шипя сквозь зубы: «Чертовы „чайники“!» и уверенно сигналив, идут на обгон. В итоге на улицах, где снуют туда-сюда несколько миллионов велосипедистов, считающих, что технологические новшества типа светофоров их не касаются, царит полный хаос.

На некоторых перекрестках стояли регулировщики. Но, как ни странно, они почти ничего не делали. Казалось бы, в стране, где правительство контролирует буквально все сферы жизни, регулировщикам будет легко контролировать транспортный поток. Если уж здесь к смертной казни приговаривают любого, кто утаит, что болен атипичной пневмонией, то можно было бы придумать что-нибудь устрашающее и для любителей ездить на красный свет. Но, по-видимому, страх и уважение не распространялись на дорожную полицию. На красный свет кое-кто, конечно, притормаживал, но далеко не все. Перпендикулярные потоки машин, автобусов, велосипедов и мопедов медленно, но верно наползали друг на друга, а звуки автомобильных гудков и велосипедных звонков сливались в какофонию.

В конечном счете, выяснилось, что проехаться по Пекину не так страшно, как казалось. К счастью, на основных магистралях велосипедистам отводились специальные полосы, что значительно облегчало жизнь. Никто особо не гнал. Пекинцы неспешно крутили педали, направляясь на работу, с работы или просто по делам. Было приятно лениво катиться, даже скорее неспешно плыть по волнам городской жизни. Старики на трехколесных велосипедах везли свои товары на продажу. Дети возвращались из школы на своих шустрых великах, шипованными шинами напоминающих горные велосипеды. Женщины в строгих деловых костюмах и черных туфлях-лодочках сохраняли хладнокровие и невозмутимость даже в облаках смога среди дикого рева автомобильных гудков. При этом их одежда каким-то образом оставалась чистой, несмотря на пыль и грязь пекинских улиц.

Мои же брюки уже через пару минут оказались забрызганы какой-то гадостью, но, тем не менее, я испытывала удовлетворение. Ну, для начала, ни я, ни «Охотник» не пали смертью храбрых под колесами какого-нибудь «чайника». Во-вторых, мне удалось перебороть топографический кретинизм, и я вырулила на небольшую улочку, ведущую к озеру Хоухай, которое и являлось пунктом назначения. Это один из самых известных старинных районов Пекина, лабиринт узеньких переулочков и квадратных дворишков, обнесенных стеной, который возвели после того, как Чингисхан галопом пронесся по городу в тринадцатом веке, буквально сровняв его с землей.

Несмотря на то, что Пекин в срочном порядке вылизывали и озеленяли, некоторые *хутуны* все же выстояли. Это оживленные маленькие улочки, в которые не вписываются случайно заезжающие сюда машины, но где зато полно велосипедов и ребятишек в

одинаковых спортивных костюмах, бегущих вприпрыжку из школы домой. Низкие здания из серого кирпича вместе с серым асфальтом и таким же тусклым небом делали окружающую действительность монотонной, однако ее оживляли крошечные лавочки на углу, солнце, которое время от времени пробивалось все-таки через листву деревьев, и нескончаемая болтовня прохожих.

Я добралась до берега озера, где чинно прохаживались парочки, а туристы в сумерках фотографировали пейзажи. Свет от окон баров и ресторанчиков отражался в воде, поблескивавшей серебром и золотом, а над ней склонялись плакучие ивы.

Солнце было уже совсем низко. Я решила вернуться к Гаю и Нэнси. С фасадов ресторанов по обе стороны улицы свисали ряды красных фонарей. Люди сидели на корточках на тротуаре, ели и болтали. Местные лавочки бойко торговали едой и напитками. Орды велосипедов и гудящих автомобилей устремились домой, люди торопились на ужин.

Внезапно стало совсем темно, и я перестала ориентироваться. Пришлось развернуть карту. Я нашла указатели с названием улиц, но, увы, не смогла соотнести их с названиями на карте. Тогда я остановилась рядом с киоском и попыталась завести беседу с китайцем, впервые в жизни мне пришлось говорить на этом языке за пределами классной комнаты.

— Где я? — спросила я у продавца по-китайски и для наглядности пожала плечами, глядя на карту.

Представляете, он понял! Вообще-то я боялась, что, несмотря на все мои старания, я перевру все тоны, и простой вопрос приобретет совсем другое значение. Китайский язык тональный, скажешь слово в другом тоне, и получится другое слово. То есть, допустим, решишь спросить, как пройти в библиотеку, а в итоге выйдет что-нибудь типа «Мой дядя муравьед».

Но продавец и не подумал надо мной смеяться. Он вежливо ответил, что мне нужно поехать направо. Там я, окончательно осмелев, снова спросила дорогу. В этот раз мне велели ехать налево, а потом прямо. Я понятия не имела, где я нахожусь. На улицах теснились автомобили и велосипеды без фар. Включая и моего доблестного «Охотника». Видимо, он знал какие-то другие хитрости.

В конце концов, я сдалась, позвонила Гаю и попыталась описать, что вижу вокруг: толпы людей, кучи машин и великов без фар...

— Рядом кто-нибудь есть? — деловито осведомился Гай. Хо-хо, у меня был богатый выбор из пары миллионов пекинцев. — Дай кому-нибудь трубку.

Я выбрала смуглого низкорослого сутулого парня в темно-синем переднике, который жарил блины на самодельной жаровне прямо на тротуаре.

— *Ни хао*. Здравствуйте, — поздоровалась я, протянула ему трубку и добавила по-китайски: — Это мой друг.

Парень озадаченно посмотрел на меня, потом на телефон и прижал трубку к уху, затем улыбнулся и засмеялся. Вернув мне телефон, он, не переставая хихикать, показал бедной заблудшей иностранке, какая улица ведет к дому.

В последний мой день в Пекине мы отправились утром на Великую китайскую стену. Один из клиентов Гая и Нэнси приехал в Пекин в командировку.

Он уже был здесь год назад с женой и друзьями, но в тот раз на Великую китайскую стену съездить не успел, поскольку пришлось вернуться домой раньше намеченного. Друзья же его были под таким впечатлением от увиденного, что сказали, мол, он просто обязан попросить Гая и Нэнси отвезти его туда в следующий раз.

Великая китайская стена простирается на многие тысячи километров от восточного побережья до пустыни Гоби, однако изначально она не была возведена как единая монолитная стена. В древние времена отдельные царства строили неприступные стены, чтобы защититься от вторжений, а в 221 году до нашей эры Цинь Шихуан положил конец периоду Борющихся царств, завоевав шесть соседних царств и объединив Китай под своим началом. Именно от названия династии Цинь и происходит европейское название Китая.

Цинь Шихуан решил объединить отдельные стены в одну, очень длинную.

Первый император был жестоким правителем, и некоторые даже назвали бы его кровожадным тираном. На портретах этого человека обычно изображают так: узкие раскосые глаза, жестокий взгляд, большие мешки под глазами и длинная черная борода, кончик которой доходит едва ли не до пупка. Цинь Шихуан объединил не только разрозненные куски стены, он унифицировал денежную систему, а также систему мер и весов и письменность. За любое неповиновение виновных бросали в тюрьму. Миллионы простых людей согнали на строительные работы: возведение Великой китайской стены, дворцового комплекса и знаменитой гробницы, в которой захоронено терракотовое войско.

С рабочими особо не церемонились. По легенде, каждый кирпич в Великой китайской стене — это чья-то жизнь, якобы трупы замуровывали прямо в стену. Известное сказание про Мэн Цзян-ньюй повествует о несчастной женщине, мужа которой забрали на строительство стены сразу после свадьбы. Целыми днями новобрачная тосковала в своей спальне, напрочь лишившись сна и аппетита. Как-то раз она все-таки задремала, и ей приснилось, будто любимый муж зовет ее и жалуется, что ему холодно. Девушка собрала узел с теплой одеждой для возлюбленного и отправилась в путешествие на север. Однако когда Мэн добралась до стены, муж ее был уже давно мертв. Услышав страшную весть, она зарыдала так горько, что от слез отвалился кусок стены, и под ним оказались останки ее супруга. Окончилось все совсем грустно — несчастная вдова бросилась в реку и утопилась.

Во времена династии Мин (1368–1644) предпринимались попытки отремонтировать и расширить стену. Строительство продолжалось более ста лет.

В этот раз были заняты в основном солдаты, но здесь же на исправительных работах трудились и около двухсот преступников. Иногда приговор был пожизненным, а порой даже вечным — это означало, что в случае смерти преступника его место занимал сын, а если у злоумышленника не было сына — другой родственник мужского пола.

Правда, на экскурсии в турфирме Нэнси и Гая о таком не рассказывали. На самом деле прогулка была верхом комфорта. Гай забрал клиентов в отеле и неспешно повез их на микроавтобусе, а Нэнси в это время упаковала ланч, заскочила на цветочный рынок, а потом помчалась к месту экскурсии на более быстрой, но не такой модной машине. К тому моменту, когда туристы вышли из машины, сходили в туалет, разобрались со своими фотоаппаратами и, пыхтя, полезли по лестнице к первой смотровой вышке, Нэнси уже все приготовила: накрыла столы льняными скатертями, расставила белые фарфоровые тарелки и винные бокалы, а дополнила антураж вазами со свежими розами, разбросав также розовые лепестки по земле. Когда гости, размышлявшие о том, что неплохо бы перекусить, появились в пределах видимости, их уже ждали рулетики из копченого лосося, салат, картофель, бутылка охлажденного вина и официантка, готовая их обслужить.

Погода выдалась прекрасная. На ярко-синем небе ни облачка. Мы купили и себе пару рулетиков из лосося. Накрыв на стол и оставив Гая, туристов и официантку одних, мы с Нэнси пошли прогуляться. Великая китайская стена тянулась вдоль холмов. Над нами безмятежно высились сторожевые и оружейные башни, строительство которых стоило жизни многим людям. Стена убежала за линию горизонта, складываясь в причудливые геометрические композиции. Здесь кроме нас почти никого не было. Этот кусок стены восстановили, но туристы предпочитали ездить куда-нибудь поближе. Мы нашли уединенное местечко, присели и принялись лакомиться копченым лососем на фоне древнего памятника китайской инженерной мысли.

Глава 3

Небесные создания на фоне земного хаоса

Зал ожидания № 8 был огромным и походил на пещеру. Чахлые лампы на потолке давали грязновато-серый свет. Каждые несколько минут табло посреди зала вдруг оживало, начинало моргать, бросая на ожидающих пассажиров желтоватые отблески, а потом снова

умирало. По всему периметру зала тянулись ряды оранжевых пластиковых кресел, привинченных к полу. На креслах и на полу в полумраке сидели сотни людей. Они болтали, играли в карты и ждали отправления своего поезда.

Время от времени окружавшую меня серость прорезал голос из скрипучего динамика, делавший объявления по-английски и по-китайски. Учитывая, что на весь Западный вокзал я была единственной иностранкой, объявления на моем родном языке казались невероятной любезностью, хотя, скорее всего, являлись отчаянной попыткой вокзального начальства убедить в первую очередь самих себя, что вверенный им объект не что иное, как центр международного сообщения, куда стекаются толпы гостей из-за рубежа. Огромное несуразное здание в ночи подсвечивали оранжевым светом, что напомнило мне недавно увиденный труп Председателя Мао.

Сидя в оранжевом кресле, я снова задумалась, в чем секрет Великого Кормчего, почему он внушал простым людям столь верноподданнические чувства. Китайцы боготворили Мао. Именно он сумел объединить страну в 1949 году после десятилетий беспорядков и гражданской войны и управлял ей вплоть до своей смерти в 1976 году. Мао изгнал иностранные державы, которые с середины девятнадцатого века пытались урвать кусок пирога и создать собственные концессии. Он поклялся уничтожить коррупцию, которая отравила последнюю из правящих династий Цин, и националистический проамериканский режим, пришедший на смену Цин. При Мао китайцы перестали курить опиум, он изгнал «триады» и вернул простым людям чувство собственного достоинства. Китайцы пришли в дикий восторг. Хотя, возможно, их восторги сильно поутихли бы, узнай они пару малоизвестных фактов о Великом Кормчем.

Во-первых, Председатель никогда не чистил зубы. Как рассказывал личный врач Мао, о котором я уже упоминала, этому скучному занятию он предпочитал полоскание рта чаем по утрам, после чего жевал чайные листья.

«Однажды я заглянул ему в рот и увидел, что зубы покрыты зеленым налетом. Многие расшатались. Я легонько дотронулся до десен, и оттуда потек гной», — писал доктор Ли о том времени, когда Мао перешагнул шестидесятилетний рубеж.

Кроме того, Председатель страдал от запоров. Во время Великого похода в 1930-х годах, когда группа коммунистов перешла в северный район провинции Шэньси, Мао мучился так, что заставлял охрану засовывать пальцы в анус и прочищать кишечник вручную.

Мао периодически проводил совещания в спальне или у бассейна, прямо в пижаме, не переодеваясь. Его беспокоила бессонница, и Председатель частенько вызывал к себе подчиненных посреди ночи, а днем ложился спать, приняв снотворное, к которому здорово приохотился.

Напуганные до полусмерти подхалимы, окружавшие Мао, не оспаривали его методов и не сомневались в правильности его планов. В конце 50-х Мао вдруг объявил, что отныне необходимо все силы направить на коллективизацию. Начался так называемый «Большой скачок». Мао заявил, что если всем отказаться от частной собственности и вступить в коммуны, то это пойдет на пользу экономике страны. Коммуны должны были помочь государству не только собрать невиданный урожай, но и вывести Китай в лидеры по производству стали. Мао считал, что за пятнадцать лет его страна догонит и перегонит Великобританию по этому показателю. Всем учреждениям и организациям предписывалось приобрести мартеновские печи и установить их на заднем дворе, чтобы в свободное от основной деятельности время выплавлять сталь. Поскольку железной руды не хватало, то простые китайцы приносили свои кастрюли, сковородки и ножи и бросали их в печи, чтобы выполнить план. Весь уголь уходил на топливо для печей, поэтому в ход шли деревянные кровати, столы и стулья. Крестьяне не могли добиться тех объемов производства, которые требовали партия и правительство, и в ажитации отложили тяпки и полностью сосредоточились на плавке стали. Обрабатывать поля стало некому, рабочая сила требовалась у плавильных котлов.

Урожай 1958 года сгнил на полях, при этом коммунам надо было платить налоги зерном. Местные власти, опасаясь репрессий, намеренно завышали цифры в отчетах, в итоге коммунам приходилось отдавать практически весь урожай. На следующий год во многих районах зерновые не уродились, а в других районах урожай снова не собрали. Начался массовый голод, в результате которого погибло больше тридцати миллионов человек, хотя некоторые историки считают, что эта цифра сильно занижена. Низкокачественный чугун, который выплавляли ценой стольких жертв в доморощенных мартезовских печах, оказался бесполезным.

Из-за провала «Большого скачка» Мао вынужден был отказаться от ведущей роли в принятии экономических решений и уйти с поста главы государства, оставшись при этом председателем коммунистической партии. Возникла новая проблема — в высших эшелонах власти начался период фракционализма. Рыба гнила с головы. Мао всегда страдал манией величия, которая со временем усилилась, и когда он осознал, что власть ускользает из рук, то это, вкупе с извечной классовой борьбой, привело в конечном итоге к страшной трагедии, разыгравшейся спустя десятилетие, — к «Культурной революции».

Однажды Председатель увидел пьесу, в которой содержалась скрытая критика его деяний. Он пришел в ярость и объявил войну интеллектуальной элите. Эту идею радостно подхватили его лакеи. Правительство подстрекало студентов выступить против преподавателей, спровоцировав в итоге молодежный бунт «красных охранников», или *хунвэйбинов*, которые буквально терроризировали страну своей неконтролируемой жестокостью, пока боролись с «четырьмя пережитками» — старыми идеями, старой культурой, традициями и привычками. «Культурная революция» привела к закрытию школ и университетов, студенты которых взяли за своих учителей и жестоко их наказывали, заклеив позором как «буржуазных реакционеров» и «капиталистических прихвостней». Встали заводы и фабрики, поскольку инженеров и ученых или сослали в деревни на перевоспитание, или бросили в тюрьму. Производственный процесс застопорился, поскольку рабочие постоянно ходили на занятия по политподготовке. Шайки *хунвэйбинов* оскверняли монастыри. Развлекательные и культурно-просветительские мероприятия находились под запретом. «Культурная революция» продлилась долгих десять лет, с 1966 года и вплоть до смерти Мао Цзэдуна.

Мао проповедовал перед народными массами аскетизм и простоту, а сам при этом ни в чем себе не отказывал и в последние годы жил на широкую ногу. Мао уже было под семьдесят, при этом он всюду волочился за женщинами, проверяя на практике даосскую теорию: якобы если спать с как можно большим количеством женщин и при этом не достигать оргазма, то можно сохранить силу и мужественность, впитывая влагилищный секрет. На пике «Культурной революции», когда за любое удовольствие могли запросто обвинить в контрреволюционных наклонностях и приверженности к буржуазному образу жизни, сам Мао, по словам доктора Ли, иногда ложился в постель сразу с пятью женщинами.

Простые люди ничего этого не знали. Они по-прежнему обожали своего кумира, а те, кто сомневался в Мао, предпочитали помалкивать, чтобы выжить. Когда в середине 1950-х вышел цитатник Великого Кормчего, более известный как «Маленькая красная книжка», то культ Мао достиг невиданных высот. На всех фабриках, во всех школах и коммунах книжку выучивали наизусть и постоянно цитировали слова Председателя. Появилось множество плакатов: маленькие дети, улыбаясь, воздевали к небу руки, в которых алела знакомая каждому китайцу книжица. Мао стал божеством.

Доктор Ли писал:

«Для большинства китайцев просто увидеть Мао, с бесстрастным лицом стоявшего на трибуне на площади Тяньаньмэнь, было верхом мечтаний, самым радостным моментом в жизни. Те счастливы, которые удостоились рукопожатия, неделями не мылись, а друзья и знакомые ехали к ним за несколько километров, чтобы прикоснуться к руке, которая дотронулась до вождя, и тем самым разделить это необыкновенное переживание».

Ли описывает необычный случай времен «Культурной революции». Мао утратил веру в

студентов, поскольку группировки *хунвэйбинов* враждовали между собой, и, решив продемонстрировать свою благосклонность рабочим, послал на пекинские фабрики в подарок плоды манго, которые ему преподнес министр иностранных дел Пакистана. Пекинская текстильная фабрика, на которой в тот момент оказался по делам службы доктор Ли, получила от щедрот одно манго.

«Рабочие устроили торжественную церемонию в честь прибытия манго, на которой цитировали слова Мао Цзэдуна, а потом поместили фрукт в воск в надежде сохранить его для потомков. Эти манго стали настоящими святынями, объектами поклонения. Манго поместили на импровизированный алтарь посреди актового зала, а рабочие выстраивались в очередь, чтобы пройти мимо священного плода и поклониться», — писал доктор Ли.

К несчастью, через пару дней фрукт начал гнить, поэтому партком завода принял решение очистить с манго шкурку и сварить гниющую реликвию в большом количестве воды, после чего устроили еще одно торжественное собрание, на котором каждый рабочий выпил по ложке священного отвара.

Я оглядела зал ожидания и прикинула, кто из старшего поколения сидевших рядом со мной пассажиров пережил те ужасные годы. Интересно, работал ли кто-то из них на текстильной фабрике, пил ли ту воду из-под манго? Любят ли они Мао до сих пор, или же ошибки, совершенные вождем в последние годы, настроили кого-то против него?

Девушка, сидевшая через два ряда, повернулась, пристально посмотрела на меня и захихикала. Она родилась уже в более благополучную эпоху. Завитые волосы, на которые она нанесла большое количество геля, спадали на плечи по обе стороны круглого личика, напоминая гофрированный металл. Казалось, мое присутствие ее забавляет. Через пару минут китайка под села на свободное кресло рядом. Откуда вы? Хи-хи. Как вас зовут? Хи-хи. Вам нравится Китай? Хи-хи-хи. При каждой фразе круглые щечки вспыхивали румянцем, отчего моя собеседница выделялась на фоне бледных китайцев, сидевших в зале ожидания, словно маяк.

Я отвлеклась от своих мыслей, попыталась изобразить улыбку и вежливо отвечала на ее вопросы. Часы показывали начало двенадцатого. Хотелось спать. К усталости примешивалась нервозность. Я заставила-таки себя покинуть безопасное гнездышко Гая и Нэнси и с головой нырнула в бесконечную неизвестность.

— Не волнуйся. Поезда тут нормальные. Все на них ездят, — успокоил меня Гай, забронировав для меня верхнюю полку.

Я не знала, стоит ли ему верить после массажа, но делать нечего, и вот я тут, сижу и жду посадки на ночной поезд до Датуна. Поезд отходил в половине двенадцатого, а прибывал в шесть тридцать утра.

Посадка на поезд в Китае — это целый процесс, не то, что в других странах, когда можно запросто примчаться на платформу за две минуты до отправления поезда и запрыгнуть в последний вагон. Нужно ведь трудоустроить всех верноподданных коммунистов! Посадка на поезд в Китае во многом напоминает посадку на самолет, с той лишь разницей, что грешную землю вы так и не покинете, если только случайно.

Сначала вам предстоит войти в здание вокзала через главный вход, продемонстрировав билет Работнику вокзала № 1, после чего нужно пройти через турникет, где заправляют Работник № 2, Работник № 3 и Работник № 4. После того как вы плюхнули тяжелый чемодан на ленту для проверки на предмет наличия запрещенных к перевозке предметов, следует пулей мчаться на другую сторону, чтобы успеть поймать свой багаж, пока его не затоптала орда пассажиров. При этом нужно сдержаться и не разозлиться на Работников № 2–4, которые стоят в паре метров от ленты, весело щебечут и не собираются вам помогать, как, впрочем, не собираются выискивать в багаже огнестрельное оружие, бомбы и взрывчатые вещества, да и рентген, по всей видимости, не работает.

Затем, воссоединившись с родным чемоданом, следует обнаружить табло с информацией об отходящих поездах и попытаться идентифицировать свой поезд, сравнивая иероглифическое название пункта назначения, которое вы нашли в путеводителе, с

закорючками на табло. Если попытки не увенчались успехом, всегда можно обратиться за помощью к Работнику № 5 или Работнику № 6, которых легко узнать в толпе — они стоят на небольшой подставочке посреди зала и ничего не делают. Номер справа от названия пункта назначения обозначает, в какой зал ожидания вам нужно пойти.

Примерно за полчаса до отправления поезда у турникета в дальнем конце зала появляются еще два работника вокзала. Это сигнал. Толпа пассажиров вскакивает и несет к турникету, прокладывая дорогу локтями, чтобы оказаться первыми в очереди. Самое важное в этот момент не поддаваться соблазну и не побежать вместе со всеми, если, конечно, вы не хотите подкорректировать форму своего тела путем уминания и сжатия со всех сторон. Наконец, когда драка у турникета окончена и все желающие прорвались на платформу, можно пройти через турникет.

Девушка с фальшивыми кудряшками снова улыбнулась:

— А куда вы едете?

— В Датун!

Внезапно хихиканье прекратилось, и китайка ахнула в голос. Ее румяное личико побледнело от ужаса.

— В Датун? В Датун? — завизжала она и замахала рукой в сторону потасовки, завязавшейся у турникета. Работники вокзала пока даже не появились, и очередь не двигалась.

— *Куай лэ!* — завопила девушка. — Быстрее!

Она орала так, будто моя жизнь висела на волоске. Еще бы! По ее представлениям, мне нужно было бежать в сторону застывшей очереди, чтобы весело толкаться, пихаться и орать. Я с дрожью поднялась с кресла и нехотя направилась в сторону турникета, чтобы присоединиться к сутолоке.

Примерно минут через пятнадцать, получив лишь пару поверхностных синяков, я очутилась на платформе. Поезд казался бесконечно длинным. Его хвост исчезал за горизонтом. Я нашла свой вагон, где меня встретили ряды полок в три яруса. Я без особого труда взгромоздилась на верхнюю полку, обитую мягким покрытием, на которой лежали сложенное одеяло, маленькое полотенце и подушка.

Попутчики мне попались с виду неплохие: женщина средних лет с дочерью, какой-то бизнесмен и пожилая пара. Все улыбались мне и помогли сложить багаж. Затем пассажиры расселись по полкам. В наш отсек вплыла проводница и в обмен на билеты выдала пластиковые жетоны. Свет погас. Разговоры постепенно стихли, и вагон погрузился в глубокий сон, порой прерывавшийся чьим-то громким храпом.

Глава 4

В черном-черном городе

Если Пекину срочно делали инъекции ботокса и торопливо выщипывали брови в преддверии Олимпиады, то Датун напоминал волосатую ногу с шишками на ступнях, никогда не знавших педикюра. Этот индустриальный город, расположенный к западу от Пекина, почти на границе с Внутренней Монголией, существовал благодаря шахтам и электростанциям. Четверть всего угля в Китае добывали в провинции Шаньси, и Датун считался одним из самых загрязненных городов в этой закоптелой стране. В 1998 году Всемирная Организация Здравоохранения в своем отчете сообщила, что из десяти самых грязных городов мира семь находятся в Китае. Страна эта по-прежнему три четверти энергии получает из угля, и почти двадцать пять процентов всех смертей тут происходят из-за заболеваний органов дыхания.

В шесть тридцать утра на вокзале было полно торговых агентов. При виде белого лица они пришли в ажитацию и начали активно предлагать мне такси, отели и экскурсии. Солдаты Народно-Освободительной армии, одетые в длинные темно-зеленые теплые пальто с воротниками из искусственного коричневого меха, мерзли под морозящим дождем,

сгрудившись вокруг вещмешков. Я пробилась сквозь толпу к такси и попросила отвезти меня в отель, который забронировала заранее.

Мы ехали через весь город. На окраинах старые хибарки выплевывали в небо клубы едкого черного дыма из допотопных ветхих труб. Даже центр Датуна был окутан густым серым смогом.

Отель показался мне вполне сносным. Власть имущие от щедрот своих присвоили ему четыре звездочки. Комнаты были чистые, туалет исправно работал. Однако даже в таком приличном с виду месте я обнаружила в ванной набор средств, который предполагал, что некоторые занимаются тут бизнесом, не требующим костюмов и галстуков. Рядом с крошечными бутылочками с шампунями и гелями для душа лежали четыре упаковки влажных салфеток, на двух было написано «Мужчинам», на двух — «Женщинам». На тех, что предлагались прекрасному полу, я прочла: «Уничтожает патогенные бактерии, вызывающие вагинит, зуд, неприятный запах в области гениталий. Наш продукт был протестирован. Он уничтожает бактерии гонореи в 99,9 % случаев. Обработать область гениталий. Оставить на две-три минуты. Смыть чистой водой».

Салфетки игриво назывались «Птичка моя²», а на упаковке горделиво красовалась надпись «БЕСПЛОТНЫЕ» (вместо «бесплатные»).

Очень странно, скажу я вам. За организованную проституцию в Китае приговаривают к смертной казни, но, без сомнения, в отеле в открытую предлагали подобного рода услуги. Я окинула постель свежим взглядом и понадеялась, что простыни хорошенько прокипятили.

Вопрос о том, когда нарушать закон в Китае в порядке вещей, а когда это очень опасно, остается открытым. Китайцы не слишком-то боятся драконовских мер, которые власти предпринимают против злоумышленников. Никто точно не знает, сколько смертных приговоров приводят в исполнение ежегодно, но, по-видимому, речь идет о нескольких тысячах. Очень часто жирную точку в виде пули, пущенной в затылок, ставят уже через несколько часов после оглашения приговора.

Смертная казнь предусматривается здесь не только за серьезные преступления, но и за взяточничество, мошенничество, уклонение от налогов, распространение порнографии и многое другое. На самом деле подобная жестокость свойственна не только коммунистическому режиму. На протяжении всей истории в Китае вовсю закручивали гайки. К примеру, во времена династии Мин солдатам, дежурившим на крепостных стенах, разрешалось переместиться не более чем на пять шагов в каждом направлении. Если патрульный покидал свой пост, то ему отрубали голову прямо на месте, а за разговоры в строю — отрезали уши. Но, несмотря на суровые наказания, многие законы здесь наглым образом игнорируются. Судя по всему, на проституцию, которая процветала в отелях, власти смотрели сквозь пальцы.

Ну, прямо сейчас «Птичку» мне наносить не требовалось. Ночь в поезде прошла приятно, но не *настолько*. Я пропустила этот этап личной гигиены и направилась напрямик в пещерные храмы Юнга-на, поскольку туристы приезжали сюда именно ради них, а не из любви к углю.

По дорогам ослики тянули тележки, набитые черными глыбами. Какой-то парень ехал на мопеде, а одной рукой тянул за веревку ослика, который семенил сзади. Ослики показались мне приветливыми покорными созданиями с милыми пушистыми ушами и добрыми глазами. Интересно, каково им таскать тяжелые тележки и бегать галопом за мопедами в этой дыре? Темный и вязкий воздух вызывал приступы дурноты. Но когда я добралась до пещерных храмов, то от увиденного у меня перехватило дух.

Здесь на мягком песчанике вырезано около пятидесяти одной тысячи изображений Будды. Они датируются второй половиной пятого века нашей эры, то есть созданы полторы

² По всей видимости, название выбрано не случайно, поскольку в китайском языке слово «птица» также обозначает мужской половой орган

тысячи лет назад, и являются наиболее значимым памятником искусства династии Северная Вэй, столицей которой был Датун. Казалось невероятным, что в клоаке типа Датун создали такой шедевр. Возможно, впечатление усиливалось из-за контраста удивительных буддийских статуй с задымленным черным городом, а может, я просто не ожидала увидеть ничего подобного. Да, я знала, что здесь много изображений Будды, но ничего не стала читать заранее и не представляла грандиозного размаха. Короче, какова бы ни была причина, но пещерные храмы привели меня в полнейший восторг.

Я забыла и об угле, и о саже, и о лосьонах для области гениталий, и бродила, словно во сне, из пещеры в пещеру. Самый большой Будда достигал семнадцати метров в высоту и якобы имел портретное сходство с одним из императоров династии Северная Вэй. У крупных статуй, которые сохранились лучше, была золотистая кожа, поблескивавшая даже в такой пасмурный день, словно солнце на минутку заблудилось, спустилось с небес и решило для разнообразия посветить отсюда, из пещер. Облачения покрыли коричнево-красной краской, а волосы и длинные брови выкрасили в темно-синий. Простота одеяний и выражений лиц Будд контрастировала с богатыми украшениями, которые символизировали мирской статус окружавших их *бодхисатв* (так называется у буддистов наставник, ведущий людей по пути внутреннего совершенствования; это ступень на пути к состоянию высшего просветления и достижения нирваны, то есть к состоянию Будды).

На стенах и потолке переплетались затейливые разноцветные орнаменты — цветы и листья лотоса, драконы и другие животные. Многие резные изображения были крошечными. Миниатюрные статуи располагались каждая в своем углублении, которые словно соты заполняли все пространство стены пещеры. Крошечные Будды сложили крошечные ручки в так называемую *мудру абхая*³. По потолкам скользили небесные создания, а создания земные медитировали тут же, под резными деревьями. Индийские влияния переплетались с китайской традицией: многорукий Шива сидел на драконе, который в китайской культуре символизировал власть императора.

Фрески рассказывали историю происхождения буддизма. Вот юный принц Гаутама отправился в путь и встретил покрытого язвами больного, затем скорбленного годами дряхлого старика и, наконец, погребальную процессию. Осознав, что никто не может избежать страданий, Гаутама отказался от богатства, посвятил себя медитации и однажды, сидя под огромным баньяном, достиг просветления. Он снова отправился в путь, чтобы передать свое знание группе монахов, которые начали проповедовать его философию — жизнь есть страдание, и можно стать счастливым, лишь отказавшись от всех своих желаний — и обучать других медитации и аскезе.

Есть много версий, как именно буддизм проник в Китай. Некоторые считают, что якобы какой-то древний путешественник привез с собой сведения о новой религии, другие утверждают, что Китай познакомился с буддизмом в первом веке нашей эры во времена династии Хань, когда императору приснилось, что некое золотое божество пролетело мимо его дворца. Советники сказали, что это Будда явился ему во сне, и тогда император отправил посольство в Индию, чтобы привезти священные тексты. Однако бытует мнение, что в описываемый период небольшая буддийская община уже обосновалась в провинции Цзянсу на восточном побережье Китая.

Как бы то ни было, но уже в начале нашей эры китайские монахи ездили в Индию и привезли оттуда священные тексты, которые перевели с санскрита. Однако буддизму потребовалось несколько сот лет, чтобы закрепиться на новом месте. Призыв Будды отказаться от земных привязанностей, в том числе и разорвать семейные узы, шел вразрез с конфуцианскими ценностями. Проблема заключалась еще и в том, что первоначальный перевод сделали во многом, что называется, от балды, и переводчики допустили немало

³ Мудра — это символическое, ритуальное расположение кистей рук, ритуальный язык жестов, мудра абхая означает защиту, мир, доброжелательность, рассеяние страха, обычно выглядит следующим образом: кисть правой руки поднята на высоту плеч, рука наклонена, ладонь развернута наружу, пальцами вместе и вверх

ошибок. Тем не менее, к середине первого тысячелетия буддизм уже укоренился в Китае.

Меня до глубины души поразило, что полторы тысячи лет тому назад монахи на протяжении целых сорока лет долбили песчаник на холодных дождливых склонах, создавая эти прекрасные скульптуры во имя новой религии. Интересно, почему императоры династии Северная Вэй вообще выбрали Датун своей столицей? Скорее всего, в те времена здесь было не менее дождливо и холодно. Я представила, как монахи, зябко ежась в легких одеяниях, напоминали себе, что жизнь есть страдание, и мечтали о нирване. Да это какая же нужна приверженность религии, чтобы претерпевать такие лишения!

Я выглянула из пещер и посмотрела на железную дорогу, по которой товарные поезда с гулом везли бесконечные вагоны с углем через серую мглу. Они напоминали цепочку лишенных всякой надежды тюремных узников, связанных друг с дружкой кандалами. Шахты, поезда и грузовики с углем загрязняли воздух так, что пришлось проводить новую ветку железной дороги в обход, чтобы сохранить статуи в пещерных храмах, но, тем не менее, всепроникающее черное облако угольной пыли густо охватывало и Юньган.

Я вернулась в Датун на переполненном гроыхающем автобусе. Группа девушек лет двадцати громко щебетала по мобильникам. Автобус остановился перед шахтой, и в него села еще целая толпа мужчин с женами и маленькими детьми. Скорее всего, едут поразвлечься в Датун воскресным вечером. Дождь настойчиво стучал по крыше автобуса, заслоняя пеленой вид из окна. Мы проехали мимо здания с облупившейся краской, на котором висела покосившаяся вывеска «Отель „Солнечный“». Я вздрогнула. Ну и ну!

Автобус высадил меня на краю города, и мне пришлось довольно долго брести по улицам, на которых в воскресенье бурлила жизнь. Из магазинов орала музыка. Прямо на улице торговали фруктами с тележек — бананы, кумкват, вишня, грейпфруты и яблоки. Тут же жарили на огромных сковородах арахис или продавали печеный батат и засахаренные фрукты на палочке.

Из автобуса вывалилась куча подростков.

— Хэллоооооуууу! — радостно заверещали они при виде меня и раскатисто захохотали. Не очень-то похоже на приветствие, скорее на освистывание или насмешку. Или на отчаянный вой паршивого кобеля, который никак не может найти себе пару.

Какой-то тощий парень лет тридцати громко харкнул и выплюнул комок слизи на тротуар в паре сантиметров от моих ног. Несмотря на то, что он был одет в темно-зеленую шинель не по размеру, этот тип вряд ли мог с кем-то сражаться. Его хрупкая оболочка рассыпалась бы на молекулы при одном только виде боя. Должно быть, он один из тех бедняков, которые покупают армейскую форму на рынке, потому что она дешевая и долго носится. На всякий случай я обошла плевком стороной. Вряд ли безопасно проходить в непосредственной близости от любых жидкостей, источником которых является такое болезненное тело. Женщина средних лет с удовольствием ковырялась в недрах носа. А затем, чтобы достойно завершить эту вакханалию, какой-то старичок, проходя мимо меня, зажал одну ноздрю и громко высморкался, а потом повторил ту же процедуру и с другой ноздрей.

Вернувшись в отель, я рискнула пойти в ресторан на поиски съестного. Когда плохо знаешь китайский, то заказать еду — непосильная задача. Я решила, что ограничусь рисом и овощами, эти слова входят в мой лексический запас.

Официантка сунула мне меню с картинками. Я ткнула пальцем в овощи. Быстро, просто и понятно. Внезапно я поняла, что напрочь забыла, как будет «рис». Разумеется, картинка с рисом в меню отсутствовала, зачем рекламировать то, что есть в любом ресторане страны?

— Одни овощи? — с подозрением спросила официантка, подняв брови, а потом оглянулась на своих товарок, которые тут же захихикали. Официантки в одинаковых зеленых шелковых платьях *цитао* толкались у дверей кухни, видимо, на случай, если придется спасаться бегством.

— Рис? — спросила я слабым голосом. Но по-английски.

В итоге овощи прибыли в гордом одиночестве. Я держалась стойко и притворилась, что

овоци без всякого риса и были пределом моих мечтаний, мысленно пообещав себе больше никогда не ходить в ресторан без разговорника.

Затем я вернулась в номер, уселась на кровать и стала читать. В половине десятого вдруг зазвонил телефон.

— Алло?

Трубка молчала. Через несколько секунд телефон зазвонил в соседнем номере, а потом и дальше по коридору.

Через пятнадцать минут звонок повторился, а потом еще раз, уже в одиннадцатом часу. Внезапно я поняла, что дама, не пожелавшая со мной общаться, скорее всего, предлагает те услуги, для которых предусмотрен лосьон «Птичка», и просто вешает трубку, услышав женский голос.

Я с отвращением посмотрела на трубку, из которой доносились короткие гудки. Мой взгляд упал на список номеров в отеле. Напротив одного из четырехзначных номеров стояли две загадочные буквы «С» и «М». На этом этапе никаких приличных сочетаний в голову не приходило, только «садо-мазо»...

Глава 5 Добро пожаловать в Китай

— Где мне сесть на автобус до Утай Шань? — спросила я в семь тридцать на следующее утро у двух одинаковых девушек за стойкой регистрации, тщательно подбирая китайские слова.

Утай — одна из четырех наиболее почитаемых буддистами гор в Китае. Я собиралась провести там весь день, гуляя по храмам и наслаждаясь чистым воздухом.

— Нету, — ответили девушки хором и в унисон моргнули.

Появился менеджер, тучный мужчина в хорошо сшитом костюме.

— Нету, — повторил он по-китайски, а потом добавил на английском: — Автобус уехал в половине седьмого. Боюсь, придется поехать завтра.

Боже! Оказывается, тут есть люди, которые говорят по-английски! Где, черт побери, он был вчера, когда я отчаянно хотела заказать тарелку риса?!

— Или же вы можете взять напрокат машину. Это обойдется в пятьсот юаней.

М-да. Не слишком-то удачно все складывается. При мысли, что мне придется еще двадцать три часа торчать в Датуне с его пылью, моросью и вездесущими осликами, захотелось и самой забуриться в шахту да поглубже. С другой стороны, это был всего лишь второй день путешествия, а поскольку я поклялась перемещаться на общественном транспорте, то сдать так рано и поехать на такси показалось мне слабостью и безволием.

— А еще можно добраться на автобусе до Шахэ, — скрепя сердце предложил менеджер, — а оттуда уже поехать на машине.

Я села на такси. Минут через десять мы оказались на пустой унылой площади перед автовокзалом.

— А где мне сесть на автобус до Шахэ? — спросила я у таксиста.

— Нету, — ответил он, — но если хотите, я отвезу вас туда за четыреста пятьдесят юаней.

— Нет автобуса, — подтвердил работник автовокзала, потом сходил куда-то позвонить и, вернувшись, сообщил: — Автобус будет в час, а следующий в шесть утра завтра.

Мой таксист уже уехал, но поблизости были припаркованы еще две или три машины. Водители прислонились к капоту одного из автомобилей, курили и лениво ковыряли грязь носками ботинок. Увидев меня, они оживились.

— Пятьсот! — предложил один.

— Четыреста пятьдесят! — крикнул второй.

В конце концов, я сторговалась на трехстах пятидесяти и уселась в зеленую машину. Таксист, казалось, был просто счастлив, насколько же удачно все сложилось.

— Я еду на Утай Шань! Я еду на Утай Шань! У меня клиент до Утай Шань! — кричал он в экстазе по радию, пока мы отъезжали со стоянки, минуя ямы и трещины на асфальте.

— Где лучше, в Китае или в Англии? — спросил меня сей оптимистично настроенный таксист, пока мы тащились по колдобинам и рытвинам мимо полуразрушенных хибар на окраине Датуна.

— И там, и там хорошо, но наши страны очень отличаются, — ответила я под нервное постукивание подвески.

— А кто приятнее, китайцы или англичане?

— Э-э-э... м-м-м... китайцы очень дружелюбные и добрые.

На этом этапе я исчерпала свой запас китайских слов, в запасе осталась только пара предложений про передвижения некоего мифического господина Ли, но я не знала, как их вернуть, однако водитель не унимался.

— Китайцы и англичане... — многообещающе заявил он, а потом разразился непонятной мне тирадой.

— Я не понимаю, — честно призналась я на китайском.

— Не понимаешь? — Водила печально покачал головой и снова вылил на меня ушат китайских слогов.

— Я не понимаю, — снова сообщила я.

Но мой собеседник лишь пожал плечами и продолжил тараторить.

— Я не понимаю, — уныло повторила я.

Забавно, что он вроде как не воспринимал мои слова. Похоже, до него не доходило: тот факт, что я могу произнести одну-единственную фразу после долгих месяцев тренировки, еще не означает, что я готова вступить в жаркую дискуссию по поводу культурных отличий наших стран, и на самом деле я всего лишь никчемная куча жира, от которой никакой радости, кроме возможности попялиться в зеркало заднего вида на огромный нос. Водитель понял это лишь через пятнадцать минут монолога и нашел себе альтернативное развлечение — включил на всю громкость китайскую попсу по радио и закурил вонючую сигарету.

Мы выехали за пределы Датуна и теперь неслись, если, конечно, можно употребить такое слово, мимо бесконечных кукурузных полей, припорошенных вездесущей черной угольной пылью. Примерно через сорок пять минут вдруг показались лоскуты синего неба. Теперь мы ехали в гору, поднимаясь на холмы, покрытые серо-зеленой растительностью.

Дорога становилась все хуже и хуже. Ухабы были такими огромными, будто покрытие пыталось встать дыбом. Машина постанывала и ныряла в ямы, водитель петлял, стремясь объехать кратеры на асфальте. Я пару раз ударила головой о потолок.

— Китайские дороги хуже, чем ваши? — спросил водитель.

— Да.

После этого мы погрузились в долгое унылое молчание.

Мы остановились у висячего монастыря Хань-юань. По необъяснимой для меня причине группа монахов в шестом веке решила, что будет весело врезать монастырь в отвесную скалу, а не строить его на скучной ровной поверхности. Правда, позднее я выяснила, что причина все же имелась — наводнения, вызванные разливом реки, текущей внизу, в долине. Хрупкие четырехэтажные строения шириной всего несколько метров опасно притулились прямо на склоне. Резные балкончики и черепичные крыши крепились на опорных колоннах, а внутри сидели рядком Будда, Конфуций и Лао-цзы (основатель даосизма). Мне это показалось необычным, но потом я поняла, чем руководствовались монахи: когда ты вынужден жить в здании, буквально свисающем со скалы, то волей-неволей приходится молиться всем богам.

Примерно часа через четыре мы добрались до Шахэ. Теперь-то я поняла, что в Датуне имелись все основания назвать один из отелей «Солнечным». По сравнению с Шахэ Датун показался мне раем на земле. Жители Шахэ вполне могли бы ездить туда в отпуск на пару неделек. По улицам этого черного-пречерного городка непрерывным потоком ехали грузовики, груженные углем. На обочине группа черных от угольной пыли детей стояла в

ожидании возможности перейти через черную-черную дорогу. Господи, я и представить себе не могу, каково это — провести детство в таком городишке. Мне всегда казалось, что мой родной город Дэрби — это унылая дыра. Так вот, жители Дэрби, утешьтесь: вы обитаете просто в райских куцах.

На перекрестке мы повернули налево и ехали еще минуты две. Водила почесал затылок и пробормотал что-то непонятное. Я в ответ промолчала. Он еще немного поворчал. Хотя я понятия не имела, что он там бормочет, но, согласитесь, любые возгласы недовольства, доносящиеся с водительского кресла, не сулят ничего хорошего. В итоге мы припарковались у края дороги, водитель заглушил мотор и пошел спрашивать, куда нам дальше ехать. Только сейчас я поняла, что он никогда в жизни не был на Утай Шань.

Мы развернулись. Оказывается, нужно было поворачивать направо, а не налево. Дорога стала лучше. Какое-то время машина двигалась по ровной трассе, а затем снова начался подъем в гору. Макушки холмов на этот раз были округлыми, тут и там виднелась жиденькая колючая травка. Воздух стал чище, но водитель, чтобы исправить это недоразумение, тут же принялся курить одну сигарету за другой. Казалось, ему не хватает родной угольной копоти, а, может, от незнакомого ощущения кислорода в легких бедняге стало плохо. Мы поднимались выше и выше. Машина стонала все громче и громче по мере того, как увеличивался наклон дороги. На холмах поблескивали снежные шапки.

Водитель окончательно обалдел. Он дико выпучил глаза и ошалело вращал головой, глядя на пейзаж за окном, которого прежде никогда не видел. Его изумление порадовало меня даже больше, чем красота вокруг. На вид водителю было лет сорок, и он, видимо, сроду не выезжал за пределы родного города. Я очень живо представила, как он сегодня вечером вернется домой и будет взахлеб рассказывать родным о путешествии, а завтра, стоя возле автовокзала и лениво ковыряя грязь носком ботинка, убьет наповал своих коллег, заставит их зеленеть от зависти и ахать от удивления.

Мы добрались до перевала и поехали вниз, туда, где у подножия гор Утай, или Утай Шань («шань» по-китайски означает «гора»), раскинулся живописный городок Тайхуай. Внизу тянулись яркие крыши храмов, выкрашенные в приятный цвет меда. Собственно, это местечко и прославилось благодаря храмовым комплексам. С углов крыш свисали музыкальные подвески, наполнявшие воздух приятным мелодичным перезвоном, а наверху несли вахту блестящие керамические драконы. Балки украшали яркие красные и желтые цветы лотоса, а на карнизах переплетался орнамент из свастики, только направленной против часовой стрелки, нарисованный ярко-синей и зеленой красками. Свастика в буддизме символизирует вечный круговорот вселенной. Небо здесь, вдали от города, казалось пронзительно-голубым.

Таксист потерял дар речи, глядя на эту красоту, он даже перестал задавать вопросы и дергаться в такт радио, а сигарета свисала с губ, как приклеенная. Он впервые в жизни оказался в таком живописном месте. Я зарегистрировалась в отеле и попрощалась, а водиле предстояло трястись по разбитым дорогам до родного Датуна, который, как это ни грустно, с сегодняшнего дня перестанет ему нравиться.

Сейчас дорога в горы, видимо, намного лучше, чем сорок лет тому назад. Именно особенности местности и спасли храмовый комплекс Утай Шань от разорения во времена «Культурной революции». Даже сейчас власти Китая с недоверием относятся к религии. Любая конфессиональная принадлежность автоматически закрывает дверь для вступления в ряды Коммунистической партии. Католики могут служить мессы, но им не разрешается официально признать папу римского. А уж в начале становления республики коммунисты и вовсе питали отвращение к религии.

Когда Мао в 1949 году пришел к власти, он заклеил религию как пережиток феодализма и суеверие, но настоящая борьба с религией началась лишь двадцать лет спустя, во время «Культурной революции». *Хунвэйбины* рыскали по стране, сжигали монастыри, мечети и церкви, а монахов и священников отправляли в трудовые лагеря, где их зверски пытали и казнили. В результате большая часть храмовых комплексов современного Китая —

это не древние сооружения, а новодел. Утай Шань в этом плане исключение. Он избежал печальной участи, поскольку «красные охранники» просто не добрались сюда из-за трудного подъема в горы.

Правда, сегодня Утай переживает нашествие другого характера. В Китае в последние несколько лет начался бум так называемого «домашнего» туризма. Экономика страны вступила в новую эру процветания, и у многих китайцев впервые появились свободные деньги. В итоге толпы людей запрыгивают в туристические автобусы и мчатся полюбоваться чудесами Среднего государства, как они называют родину.

Мне пришлось прорываться сквозь орды жадных до впечатлений туристов, сжимающих в руках камеры. Но даже посреди этого гвалта бывали моменты спокойствия, когда, проходя через вычурно украшенные воротца, я вдруг оказывалась одна-одинешенька в маленьком дворике, выложенном брусчаткой. На ветру трепетали разноцветные молитвенные флажки с буддийской символикой, висящие на веревках, натянутых между углами зданий. Мелодичный звук музыкальных подвесок эхом отражался от стен. Время от времени появлялись монахи, которые, шурша одеяниями, разворачивали молитвенные барабаны⁴. Другие монахи в серых, ярко-красных или красновато-желтых одеяниях чинно подметали и без того чистые дворики бамбуковыми метлами. Пока я бродила из одного дворика в другой, из самих зданий доносились мелодичные песнопения, прерывающиеся перезвонами колокольчиков.

Темнело. Я поднялась по ступенькам последнего храма, а потом пошла обратно, мимо сувенирных лотков, с которых торговали изделиями из фарфора и крошечными статуэтками Мао Цзэдуна, которые здесь смотрелись как минимум странно.

Вечером я поужинала в отеле. Никакого меню на английском и в помине не было, и мне снова не удалось объясниться, правда, в этот раз я прихватила разговорники открыла книгу на странице «Пища», а официантка тыкала пальцем в те блюда, которые мне мог предложить их повар: цыпленок под острым соусом, салат из китайской капусты, рис. Да, прогресс по сравнению с днем вчерашним, когда я давилась овощами без всякого риса, налицо. Правда, если я не придумаю какой-то другой способ, то мне придется съесть тонну китайской капусты.

Кроме меня в ресторане засела еще целая куча туристов, оккупировавших в дальнем конце зала три больших круглых стола. Они без конца поднимали крошечные стаканчики за удачный отпуск.

— *Ганьбэй!* До дна! — провозглашали они снова и снова, а потом вскакивали с места и опрокидывали стаканчики, наполненные чистым спиртом. Лица их раскраснелись, а взгляды заволочла пьяная дымка. Китайцы в общей массе очень плохо переносят алкоголь, поскольку в печени у них не хватает необходимых ферментов для его расщепления, поэтому очень быстро наступает алкогольное отравление, тем не менее, все весело выпивают из напускной храбрости.

Я вернулась в номер. Зазвонил телефон. Я подняла трубку, но мне снова никто не ответил. Из ванны донесся шум. Слив в полу изрыгнул серую воду вперемешку с чужими короткими черными волосами.

Я решила, что в этот раз автобус не пропущу, поэтому на следующее утро встала ровно в половине седьмого. Мне предстоял путь на юг в Тайюань, отсюда я собиралась добраться на поезде до Пиньяо, единственного средневекового города, который сохранил свой исторический облик.

Стоило мне выйти на улицу, как откуда ни возьмись подъехал маленький белый микроавтобус. Двери его приветливо распахнулись, и оттуда высунулась голова.

⁴ Деревянный или железный барабан размером от нескольких сантиметров до нескольких метров, на котором написаны мантры. Считается, что, вращая барабан, человек очищает не только собственную карму, но и карму всех, кто находится поблизости

— Тайюань! Тайюань! Кому в Тайюань?

Я радостно запрыгнула внутрь. Остальные пассажиры пришли в восторг, увидев меня. Несколько человек вскочили с мест, помогли мне зафиксировать багаж на полку и настояли, чтобы я заняла переднее сиденье рядом с водителем.

Оказалось, что они радуются вовсе не оттого, что предвидят, сколько веселых минут проведут в моей компании, пока я буду блеять в ответ на их вопросы на плохом китайском, просто водитель не собирался никуда ехать, пока не наберется достаточно желающих. Мы плутали по городку в поисках потенциальных жертв. Как только водитель замечал на обочине кого-то с хоть каким-нибудь стоящим багажом, он гостеприимно распахивал двери и звучным голосом, которому позавидовал бы даже оперный певец, начинал рекламную кампанию:

— Тайюань! Та-а-а-айюань! Тайюа-а-а-ань!

Пару раз сердца нескольких пассажиров дрогнули, и они даже присоединились к призывным крикам, в результате получилось нечто, отдаленно напоминающее хор.

Спустя полчаса водитель решил, что спел достаточно серенад, и мы с облегчением покинули пределы города, но продолжали останавливаться через каждые две минуты, чтобы высадить кого-то у ветхих домишек или подобрать очередных пассажиров, которые ждали автобуса посреди пустырей, попав туда неведомым образом. Вскоре автобус был уже набит битком, и некоторым даже пришлось сидеть в проходе.

Я уже поняла, кто тут правит бал: водитель, кондуктор, который по совместительству помогал водителю зазывать публику, и приятель кондуктора. Кондуктор и его приятель сидели на крошечных шатких табуретах или стояли и курили одну сигарету за другой. Окно со стороны водителя было открыто, и мне прямо в лицо дул пронизывающий холодный ветер, но подобная вентиляция казалась благословением божьим.

Несмотря на сквозняк, я умудрилась задремать и проснулась уже на автовокзале. Приятель кондуктора что-то орал мне на китайском. Я не поняла ни слова из сказанного, но, судя по жестам, мне следовало покинуть нагретое кресло рядом с водителем, доставшееся мне по благу, взять багаж и выметаться из автобуса, чтобы пересесть в соседний.

Второй автобус был больше первого, но в нем страшно воняло: так несет изо рта курильщика, который выкуривал по шестьдесят сигарет в день в течение шестидесяти лет и при этом ни разу не удосужился почистить зубы. Занавески на окнах когда-то были серыми, но теперь приобрели коричневый оттенок и едва ли не стояли колом от въевшейся грязи. Клетки на обивке пассажирских кресел слились в невнятное бежевое пятно. Сама обивка казалась сальной. Интересно, не подхвачу ли я тут какую-нибудь кожную заразу?

Парень, сидевший позади меня, громко высморкался и зашелся лающим кашлем. Я порылась в сумке в поисках антибактериального геля для рук, вылила солидную порцию на ладони и нервно втерла жидкость в кожу.

Люди сморкались и харкали прямо в проход, а еще они с удовольствием чихали на любую доступную поверхность. Когда я оказалась в салоне, то все пассажиры как один уставились на меня. Один из бритых налысо монахов ткнул своего товарища локтем, а потом показал на меня пальцем. Я уселась на сиденье, втиснувшись между окном и третьим буддийским монахом, обернутым в несколько слоев ткани. Лицо моего соседа из-за выступающих скул напоминало треугольник. Шишковатые руки смахивали на коряги, но зато ногти выглядели на удивление чистыми. Вокруг запястья были в несколько витков обмотаны четки. Почти весь путь он провел, наклонившись и опершись руками и лбом о сиденье впереди. Не знаю, было ли ему просто плохо или же подобная поза как нельзя лучше подходила для медитации...

А вот лично мне было плохо. Все, кроме меня и монахов, курили без остановки. Ситуация усугублялась еще и технической неисправностью. Всякий раз, когда автобус приходил в движение, он дергал так, что я со всей силы билась головой о кресло, а это, смею вас заверить, не улучшает настроение и самочувствие.

Каждый раз, когда мы останавливались, мальчик-подросток выскакивал из автобуса, и

его тошнило на обочину. С бедняги градом катил пот, а лицо его приобрело нездоровый зеленый оттенок. Из-за густой завесы едкого дыма и постоянных ударов головой я вскоре и сама ощутила приступ дурноты. Помимо всего прочего наступило еще и обезвоживание организма. В пути не предполагалось санитарных остановок. Мужчины справлялись с этой проблемой легко. Время от времени они просили водителя остановиться, а потом выстраивались в шеренгу вдоль дороги и отливали, так сказать, не отходя от кассы. Но что делать несчастным представительницам прекрасного пола? Интересно, что произойдет, если я на радость всем присутствующим выползу из автобуса, присяду тут же на корточки и опорожню мочевой пузырь? При одной мысли о радостных криках, которые издадут попутчики при виде такой картины, я поежилась. Их приводил в восторг сам факт моего присутствия, а если вдруг я сниму с себя трусы и продемонстрирую свой молочно-белый зад (в этой части мира стратегически верно вдоль дороги не посадили ни одного даже самого чахлого кустика), то вокруг соберется толпа зевак, которые будут улюлюкать и показывать пальцем на мою удивительно объемную, на их взгляд, задницу. После походов в бассейн в Гонконге я пришла к выводу, что у китайок эта часть тела напрочь отсутствует и спина внезапно переходит в ноги. Других женщин в автобусе не было, так что надежда, что я могла бы поступить в этой ситуации, как поступают китайки, растаяла как дым. Единственное решение, которое я нашла, — ничего не пить. С одной стороны, это, конечно, помогло, но зато в голове разливалась острая пронзительная боль.

Меня тошнило. Мы ехали уже три часа, а впереди было еще столько же.

Мы ехали мимо крошечных огородиков, в которых росли латук, капуста и лук-порей. Между ними ютились полуразрушенные одноэтажные хибары, кирпичные стены которых выгорели на солнце. На плоских крышах сушили кукурузу.

В передней части салона автобуса с потолка свисал телевизор, демонстрировавший фильм «Сэм Хун — веселый дух». Это я узнала благодаря английским субтитрам. Некто Сэм Хун работал учителем в школе для девочек. Большую часть времени ученицы проводили на уроках физкультуры, судя по тому, что обычной формой одежды были крошечные спортивные шортики или розовые купальники с белыми поясками на талии. Надо сказать, девочки не могли похвастаться особыми достижениями, но им крайне повезло заполучить Сэма. Как только его подопечные проигрывали, Сэм с его сверхъестественными способностями спешил на помощь, превращая неуклюжих девиц в звезд художественной гимнастики или направляя баскетбольный мячик точно в корзину во время матча. Двум буддийским монахам, сидевшим напротив, фильм, судя по всему, понравился, а вот мой сосед так и не поднял головы. Я уж засомневалась, не умер ли он и не отправился ли прямиком в нирвану.

Через долгие шесть часов мы, наконец, добрались до пригородов Тайюаня. Пока мы преодолевали последнюю пару километров, объезжая кучи булыжников и минуя пробки, я обратила внимание на скоростное шоссе по правую руку. На новой автостраде не было ни одной машины. В чем, интересно, причина? Одно из двух. Или ее еще не открыли, или же это платная дорога, а владельцы старых развалюх, больше напоминающих груды металлолома, чем автомобили, просто не хотели раскошелиться. Из окна вонючего тряского автобуса эта автострада показалась мне раем.

Когда мы добрались до места, я с трудом выползла из автобуса, села в такси и попросила отвезти меня на вокзал. Водитель сообщил, что это будет стоить семь юаней. Загрузив мой багаж, он сел за руль и проехал от силы сто метров, а потом свернул на стоянку на другой стороне улицы, рядом с которой возвышалось огромное сооружение с часовой башней.

— Это вокзал? — сухо поинтересовалась я.

— Да.

Я вылезла из такси, взяла багаж и, поскольку не могла подобрать нужных слов на китайском, сообщила по-английски:

— Я не собираюсь платить вам семь юаней за то, что вы перевезете меня через дорогу,

нужно было просто показать мне, где вокзал.

Таксист рассмеялся, а потом повернул ключ в замке зажигания и уехал, все еще смеясь. Казалось, он отлично понял, что я сказала. М-да. Порой необходимость изучать иностранные языки сильно преувеличивают.

Я вошла в здание вокзала и купила билет на четырехчасовой поезд до Пиньяо, а потом сдала рюкзак в камеру хранения и пошла гулять по Тайюаню, вернее, искать, чем бы подкрепиться. Чувствовала я себя паршиво. Меня тошнило, хотелось пить, и страшно болела голова. Нужно было срочно перекусить.

Я шла вдоль главного проспекта, с обеих сторон которого зеленели деревья. С левой стороны раскинулся парк, в котором заманчиво шуршала трава. В первом же попавшемся мне ресторанчике не оказалось меню на английском. На этот раз тыкать было некуда, поскольку разговорник остался в багаже. Других посетителей, чтобы ткнуть в их тарелку и доверительно сказать официантке, что я хочу то же самое, в заведении также не оказалось. Официантки стояли чуть поодаль, сбившись в стайку, и хихикали. Единственный китаец, который забрел в это забытое богом местечко и ждал, когда ему принесут обед, уставился на меня так, словно я прилетела с Марса.

— Фиг с вами, — буркнула я по-английски и ушла.

Я вернулась на проспект, уставшая и голодная. В голове шумело. Глаза слезились. Меня все бесило. Одна-единственная поездка на китайском автобусе, и я уже разваливаюсь на части, а впереди меня ждало целых два месяца путешествий.

И тут, словно во сне, я увидела ИХ. На противоположной стороне проспекта над деревьями возвышались, словно ворота в Эдем, золотые арки — «Макдоналдс»! Вообще-то я туда не хожу, но сейчас вид улыбающегося Рональда Макдоналда наполнил мое сердце невыразимым восторгом. Я забежала внутрь, перепрыгивая через ступеньки, и, захлебываясь от радости и слюны, заказала чизбургер, картошку фри и самую большую «колу» из возможных. А еще я два раза сходила в туалет. Было бы глупо не воспользоваться такой возможностью. О, этот туалет! Сверкающий рай! В первый раз уборщица яростно драила зеркало, а во второй раз — пол. Интересно, а тут, в тайюанском «Макдоналдсе», уборщица работает полный день?

Я двигалась по проходу жесткого вагона поезда. Обычный для китайцев способ перемещаться по стране. Иногда они проводят на этих жестких скамьях по двадцать, тридцать и даже пятьдесят часов. К счастью, мне предстояло всего полтора часа пути до Пиньяо. Хотя мне и этого оказалось вполне достаточно, поскольку мое появление вызвало небывалый ажиотаж.

— *Вайгожэнь* ! — раздавались возгласы то тут, то там.

О, словосочетание «*вайгожэнь* » мне знакомо. Оно означает «иностранец». Тут зазвонил телефон. Это Гай решил поинтересоваться, жива ли я. Пока я болтала с ним, весь вагон замер, уставившись на странную белую женщину, говорящую на неизвестном языке.

Курить в вагоне запрещалось, но все равно все закурили. У паренька, сидевшего напротив меня, которому на вид было лет десять, тоже имелась пачка сигарет. Початая! Меня снова затошнило.

Тут появился проводник, крепкий мужик с громким голосом. Казалось, он упивается собственной властью. Едва переступив через порог, он начал что-то орать и свирепо размахивать руками. Некоторые пассажиры в страхе притворились, что отложили сигареты, другие открыли окна. Когда он проходил мимо, некоторые тайком вытаскивали руку из-под сиденья и делали пару затяжек. Ха-ха, как будто клубы едкого дыма, вырывающиеся из-под сидений, никто не видит! Я приняла две таблетки от головной боли, поблагодарила Господа и заодно Конфуция за вентиляцию. Дышать стало значительно легче.

Когда поезд прибыл в Пиньяо, я встала со своего места и присоединилась к очереди желающих выйти из вагона. Уже стемнело, а я не позаботилась заранее о номере в отеле, так что надеялась побыстрее пробиться сквозь толпу, плюхнуться в такси и поехать в одну из

гостиниц, рекомендованных путеводителем «Лоунли Планет», а вот если там не окажется свободных мест... Это станет достойным завершением ужасного дня.

Мои размышления прервала женщина, сидевшая рядом с тем местом, где я томила в очереди на выход. Она украдкой бросила на меня взгляд и застенчиво отвернулась.

— Как ты думаешь, откуда она? — спросил ее сосед.

— Из Америки! — с выражением ответила китаянка, а потом на ее лице промелькнула тень сомнений, и она, решив уточнить, спросила по-китайски: — А вы откуда?

— Из Англии, — ответила я. Тоже по-китайски.

Все вокруг вытаращили глаза.

— Англичанка... она англичанка... — зашушукались пассажиры, кивая и улыбаясь, словно мой ответ их порадовал.

Девушка, стоявшая впереди меня, обернулась. На вид ей было около двадцати, чистенькая и симпатичная. Ее прямые волосы, стянутые в безупречный хвост, сияли, словно лакированная поверхность, кожа была идеальной, а белоснежная куртка сверкала чистотой. Она искренне улыбнулась мне, а потом сказала на хорошем английском, только очень медленно:

— Добро пожаловать в Китай!

Глава 6 В гостях у Ванов

Я открыла старую скрипучую дверь маленького отеля и оказалась в холле, служившем одновременно и приемной со стойкой регистрации и рестораном. Вокруг лакированных квадратных столов стояли массивные скамьи из черного дерева. В центре каждого стола красовался деревянный подсвечник, в котором горела одинокая красная свеча. С потолочных балок свисали красные фонари с ярко-желтыми кисточками, а стены украшали свитки с каллиграфией.

— У вас есть свободные комнаты? — спросила я на китайском, тщательно выговаривая слова.

Женщина за стойкой широко улыбнулась:

— О! Вы говорите по-китайски! — И засмеялась так, словно удивилась моей наглости — попробовать изъясняться на ее родном языке. Впервые после Пекина мне встретился кто-то, более или менее сносно владеющий английским.

Женщина показала мне номер. Здесь тоже свисали с потолка красные фонари. В качестве кровати предлагалась старинная кушетка для курения опиума, рахитичного вида, зато с богатой историей. Все было безупречно чистым. Ни пятнышка! А в углу комнаты даже имелся автомат для розлива минеральной воды.

Я довольно долго стояла под обжигающе горячим душем в надежде уничтожить мириады бактерий, которые в этот самый миг проникали в глубь моих легких, намереваясь заразить страшной болезнью, от которой я буду долго чахнуть, исходя на кашель и мокроту. Уровень заболеваемости туберкулезом и прочими опасными инфекционными болезнями в Китае зашкаливает. Чуть ли не половина населения является носителями туберкулезной палочки, а гепатитом тут заражен каждый пятый.

Я три раза намылила голову шампунем, пытаюсь истребить голодных вшей, которые, как мне представлялось, с радостью перепрыгнули с грязного автобусного кресла на нового сочного хозяина. Я почистила ногти и до красноты надраила кожу мочалкой. Убедившись, что ни одной живой бактерии не осталось, я спустилась вниз.

Через пять минут я уже сидела за лакированным столиком и с наслаждением потягивала хризантемовый чай из изящной фарфоровой чашечки. Напиток этот мне принесли в огромном стеклянном чайнике. Сначала чай был почти бесцветным, слегка желтоватым. Через некоторое время я налила себе вторую, а потом третью чашку. Крошечные шарики, плававшие на поверхности, постепенно распустились, превратившись в

бело-розовые цветы, чай приобрел насыщенный цвет и вкус.

Музыкальный центр проигрывал песни «Бонни М» семидесятых годов. Мне торжественно вручили меню на английском, причем в меню предусмотрительно указали, какие из порций достаточны для ужина в одиночестве. Здесь я впервые после того, как простилась с Гаем, увидела других иностранцев. То облегчение, которое я при этом испытала, меня удивило и одновременно расстроило. Вообще-то во время своего путешествия я собиралась наблюдать за аборигенами, а вовсе не изучать поведение иностранцев за рубежом. Но после того как я побывала пару дней в шкуре единственного белого человека в городе, на которого все показывают пальцами и пялятся, да еще вдобавок смеются и орут, эти незнакомцы вдруг показались мне чуть ли не родными, хотя ничего удивительного здесь нет. На этот раз я с легкостью заказала себе еду — огромную тарелку пельменей, утопавших в соевом соусе и уксусе. Кроме того, я могла поддерживать беседу и сравнивать свои впечатления от путешествия. Да и к тому же я была не одна. Деревянные панели подрагивали от звуков «Бонни М», усиливая ощущение защищенности от чуждого мира, бушевавшего за стенами этого крошечного зала.

Я прекрасно выпалась на опиумной кушетке, а на следующее утро полчаса смаковала блинчики с бананами и кофе в ресторане отеля, под звуки все того же «Бонни М», после чего отправилась изучать улочки Пинъяо. Если бы не линии электропередач, натянутые между столбами, Пинъяо с легкостью можно было бы принять за город, сошедший со страниц учебника по истории. Именно это и привлекало сюда толпы туристов.

Как я уже говорила, Пинъяо один из немногих городов династии Мин, сохранивших свой исторический облик. На протяжении нескольких веков здесь проходил торговый путь из Пекина в Сиань. Именно в Пинъяо появился первый в стране коммерческий банк, «Жишэнчан», который в 1820 году основало семейство Лю. Банк долгое время оставался монополистом в Китае и даже открыл свои отделения в Америке и Европе, правда, после падения династии Цин, когда разразилась революция, торговлю в Пинъяо зарубили на корню. Город обнищал. Денег на переделку не было, поэтому старые дома не сносили, чтобы очистить место новостройкам, и люди жили здесь так же, как и много столетий назад. Потом, в 1997 году, ЮНЕСКО внесла Пинъяо в список объектов исторического наследия, поэтому деньги, которые приносил туристический бизнес, теперь шли на реконструкцию. Правда, и здесь не обошлось без проблем. Обратной стороной медали стало выселение большого числа местных жителей, которых приводила в ярость крошечная компенсация, предложенная правительством.

Я бродила по старинным улочкам, где время и многие тысячи ног отшлифовали до гладкости булыжники на мостовой. Ряды открытых лавочек украшали деревянные решетки темно-красного цвета, расписанные цветами. На одном прилавке высились горы разнообразных орешков — арахис, кешью, фисташки, семечки, а продавщица в розовом *ципао* насыпала товар в крошечный бумажный кулечек покупательнице, которая подъехала прямо к прилавку на велосипеде. А по соседству крошечный сморщенный старичок, который весил не более пятидесяти кило, торговал ароматическими палочками и бумажными подношениями⁵. Другие лавки предлагали обычные сувениры — резных будд, потрепанные цитатники Мао, которые успели пролистать сотни рук, латунные подсвечники «под старину» и рисунки акварелью на рисовой бумаге.

Группы китайских туристов с гулом проносились мимо в специальных электромобилях, напоминающих инвалидные кресла, в которых в аэропортах возят старых и немощных. Они редко вылезали из своих уютных машинок, а если и вылезали, то в основном ради того, чтобы сфотографироваться с рикшами. Рикши в шелковых халатах проводили весь день, сидя на корточках рядом со своими хитроумными транспортными средствами.

⁵ По китайской традиции принято делать духам бумажные подарки, которые сжигают во время жертвоприношения

Когда на горизонте появлялась группа туристов, то среди них обычно находился желающий оплатить «поездку». Под шутки и одобрительные крики товарищей он забирался в повозку, напялив мягкую фетровую шляпу и очки в проволочной оправе, которые ему одалживал рикша. Сам рикша подхватывал деревянные ручки повозки и изображал, что везет куда-то клиента, смахивая со лба воображаемый пот. Счастливый обладатель шляпы с достоинством махал рукой, а его товарищи щелкали фотоаппаратами со скоростью света. Забавная сцена. Интересно, как бы отнеслись к веселью потомков рикши прошлых веков, им-то действительно приходилось тягать тяжелые повозки, в которых восседали иностранцы или зажиточные соотечественники.

А вдали от центральных улочек тянулись, вплоть до самых крепостных стен, окружающих город, изрезанные колеями узкие грунтовые дороги. Даже здесь, в той части Пинъяо, которая не предназначалась для проезда древних банкиров или современных туристов, дома строились по традиционной модели: темно-серые крыши с полукруглой черепицей с загнутыми краями, каменная кладка на верху высоких кирпичных стен с росписью: ослики, запряженные в тележку. Цвет их шкур гармонировал со светло-коричневой дорогой и темно-коричневым кирпичом. На обочине были свалены кучи угля, а из старинных узорных труб в чистое синее небо вырывались клубы черного дыма.

А еще все вокруг ездил на великах. У многих велосипедов над задним колесом была закреплена багажная корзинка, частенько набитая свежими овощами, которые ярко-зеленым пятном выделялись на фоне серого и коричневого. Я поднялась на крепостную стену и посмотрела на город сверху. Кругом красовались надписи, призывающие туристов не кидать мусор со стен, в том числе и на корявом английском: «Нет мусоренью!».

С помощью услужливой девушки за стойкой регистрации я вызвала себе такси, чтобы съездить в особняк семьи Ван. Водитель явно был зажиточным типом: он сидел за рулем «фольксвагена». Правда, в его вкусе я усомнилась, глядя на розовый чехол для рычага коробки передач, который плотно обхватывал рукоятку, а потом расходился веселой юбочкой.

Мы проехали мимо шикарно одетой женщины-полицейского, которая возвышалась, гордо выпятив грудь, на небольшой платформе прямо посреди проезжей части. Она стояла навтыжку, раскинув руки в стороны, и регулировала потоки машин. Взмахом руки китайка приказала нашей полосе остановиться, а машинам справа — пересечь перекресток. Никто из водителей, правда, и ухом не повел. Мой таксист последовал примеру остальных и, громко просигналив, промчался мимо. Однако полицейскую это ничуть не удивило, словно так и надо. Казалось, все участники этого броуновского движения вполне довольны.

Мы выехали на шоссе. Тощенькие деревца пытались прижиться на узкой полоске земли, отделяющей шоссе от полей, где изможденные крестьяне обрабатывали не менее изможденные посевы. Мимо мчались тяжелые грузовики, доверху груженные углем, и трусили транспортные средства помельче — ослики, запряженные в тележку с углем. Кто-то преодолевал путь на велосипедах. Два парня рассекали на мопедах, а сзади с ними ехали жены или подруги, которым непостижимым образом удавалось сохранить прически и макияж. Меня также поразил выбор обуви, сделанный прекрасными дамами. На одной красовались красные замшевые сапожки на шпильках, а вторая щеголяла в черных лакированных лодочках на высоком каблуке. Мы проскочили мимо. Кстати, водитель всю дорогу не утруждал себя всякой ерундой, вроде того, чтобы посмотреть в зеркало заднего вида. Один раз, обгоняя грузовик с углем, мы чуть не врезались в машину, которая на всех парах неслась по встречке. Я непроизвольно охнула, а потом смутилась и попробовала замаскировать всплеск эмоций, притворившись, что кашляю.

Особняк семейства Ван на самом деле никакой не особняк. Как я обнаружила по приезде, это целый город — огромный лабиринт узеньких аллеек и двориков, пустых домов и заброшенных мостиков. За пять столетий особняк разросся и теперь занимал три гектара.

Здесь были свои школы, сады, рестораны, а также специальные учебные заведения для желающих сдать государственный экзамен, залы собраний и залы, специально предназначенные для чтения стихов.

Все китайцы в мире, носящие фамилию Ван, видимо, являются потомками тайюанских Ванов, хозяев всего здешнего великолепия. В переводе с китайского «ван» означает «правитель». Как гласит легенда, один из предков клана Ван (которого звали не Ван, а как-то иначе) был внуком императора, но он оставил свой пост и перебрался с семьей в Тайюань. Ну... прямо скажем, паршивый выбор. Однако, так или иначе, местные жители начали звать новеньких Ванами, намекая на их высокое происхождение. Ваны плодились и размножались, и теперь более ста миллионов Ванов рассеяны по свету: ездят на осликах в Тайюане, держат китайские ресторанчики в Ванкувере, работают банкирами на Манхэттене и т. д.

Для Ванов всего мира этот архитектурный ансамбль имеет особое значение. И мне вдруг подумалось: а ведь здорово иметь возможность прикоснуться к материальному свидетельству собственного происхождения и знать свои корни. М-да. Увы, история не знала рыцаря по фамилии Эванс, который избороздил бы в сверкающих доспехах простору Уэльса и отгрохал бы пару замков для своих потомков. Насколько мне известно, нигде в, скажем, Суонси не существует лабиринта мощеных улочек, элегантных дворики и изящных резных арок, куда могли бы стекаться Эвансы со всего мира и медитировать там над генеалогическим деревом. В долине Гламорган есть, правда, один Эванстаун, крошечная дырень в четыре улицы, зато с библиотекой, но, согласитесь, это не одно и то же.

Усилием воли я подавила обиду на предков и простила их оплошность, чтобы получить эстетическое удовольствие от созерцания наследия Ванов. Забавно, а вдруг все жители этого комплекса носили фамилию Ван. Я представила, сколько путаницы возникало, ведь китайцы очень редко зовут друг друга по имени, чаще по фамилии. Только представьте себе, подзывает Матушка Ван Маленького Вана, который пытался тайком улизнуть через расписную арку, и спрашивает строгим голосом:

— Ты куда это собрался?

— Поиграть с Большим Ваном, — на бегу кричит Маленький Ван, путаясь в длинном халате.

— С каким именно? Просто Большим или Большим-Пребольшим? — недоумевает Матушка Ван. — Забеги по дороге к Старому Вану и забери немножко *доуфу* к ужину! Ах, да! Доктор Ван порекомендовал морской огурец для лечения запоров Бабушки Ван, так что если сможешь заскочить в аптеку к Беззубому Вану...

К этому моменту Маленький Ван уже успел пробежать половину улицы, и догнать озорника у Матушки Ван нет шансов, потому что ступня у нее крохотная, всего восемь сантиметров.

Одним из плюсов имения Ванов была тишина. Большинство туристических групп отправлялись на экскурсию в дом семейства Цяо, к югу отсюда. Поместье Цяо было куда меньше, но приобрело популярность благодаря тому, что послужило декорациями для съемок знаменитого фильма «Зажги красный фонарь». В результате Вантаун оставили в покое. Я бродила по дворикам, проходя через резные ворота и ажурные деревянные дверцы. На коньках крыш сидели дракончики, а ворота охраняли каменные львы с распахнутыми пастьями. Колонны украшал орнамент из переплетающихся цветов и листьев папоротника. Художники не забыли ни одной балки, ни одного стропила. Я изучала узенькие переулки, поднималась и спускалась по лесенкам и вскоре заблудилась в лабиринте. Оказавшись в тихом дворике, где спокойствие нарушали лишь птичьи трели, я присела на нагретую солнцем каменную ступеньку и задумалась о том, как жили в восемнадцатом веке Ваны.

По этим самым улочкам ходили мужчины с туго заплетенными косицами. Имение построили во времена династии Цин (1644–1911), когда к власти пришли маньчжуры и заставили всех мужчин носить маньчжурскую косу как символ верноподданства.

В огромном зале главы семейства Ван принимали гостей в соответствии с традициями

того времени. На широких, ужасно жестких деревянных стульях старейшины сидели лицом друг к другу. Они были одеты в длинные шелковые халаты, расшитые драконами, от выпученных глаз и высунутых языков которых веяло властью. Поверх халата надевали *курму*, широкую кофту, застегивающуюся на груди, с рукавами до локтя, чтобы продемонстрировать яркий халат, на голову — круглую шапку с опушкой из меха и кисточкой, заимствованную у маньчжуров, а на ноги — черные сапоги с жесткой подошвой. Такая обувь тоже была частью кочевой культуры маньчжуров, поскольку в сапогах с негнушейся подошвой удобнее вставать в седле и стрелять из лука.

Возможно, здесь велись беседы о перспективах торговли между племенами кочевников из монгольских степей и китайцами, населявшими центральные равнины, а может быть, собравшиеся выражали недоумение по поводу новых учреждений, называемых банками: они как на дрожжах росли в соседнем городе, дорога до которого занимала меньше одного дня.

Вернувшись в отель, я с удовольствием съела цыпленка и рис с овощами, а потом отправилась на вокзал, чтобы сесть на ночной поезд в Сиань. Кроме меня на том же поезде ехали еще шесть постояльцев нашей гостиницы. Персонал отеля забронировал билеты, поскольку это входило в перечень услуг, и с нами даже поехал один из администраторов, чтобы удостовериться, что мы благополучно нашли места.

Малколм и Карен, супружеская чета средних лет из графства Чешир, путешествовали по Китаю перед тем, как отправиться в Ханчжоу и еще неделю проработать в университете. Молодой паренек лет двадцати с небольшим решил проехаться по стране после года безвылазного сидения в Шанхае, где он преподавал английский. Он говорил по-китайски еще хуже, чем я, и не считал необходимым учиться, поскольку все его друзья владели английским. Мне показалось, что это слабая отговорка, но тут я вспомнила, что после четырех лет в Гонконге едва могу связать два слова на кантонском.

Кроме этого была еще немецкая пара. Девушка очень плохо себя чувствовала, ее лицо казалось зеленым. По всей видимости, она пренебрегла советом обрабатывать руки большим количеством антибактериального геля. Однако ее бойфренд, вероятно, считал, что у подруги достаточно сил, чтобы самой таскать внушительный рюкзак, хотя бедняжка едва держалась на ногах. Если бы кто-то заставил меня вылезти из теплой кровати в таком состоянии, не говоря уж о том, чтобы трястись всю ночь в китайском поезде, да еще и с тяжеленным рюкзаком, я бы уже обдумывала план возмездия. Я представила, как девушка с посеревшим лицом, лежа без сна на своей полке, размышляет о мести. Например, они поедут на самом душном и тряском автобусе во всей Поднебесной, и девушка будет насвистывать себе под нос немецкие песенки, пока ее беспечного спутника будет выворачивать наизнанку в открытое окно. Или она нечаянно запрет парня в вонючем общественном сортире на пару часов.

Туалетная проблема встала особенно остро, пока я сидела в зале ожидания. Я наивно решила, что лучше посетить санузел до посадки на поезд, поскольку неподвижная дыра в полу все-таки лучше, чем туалет в вагоне, раскачивающемся из стороны в сторону.

Ха-ха. Как же я ошиблась!

Туалет на вокзале оказался закрыт, и администратор, который провожал нас, заботливо отвел меня в отель на другой стороне улицы. Снаружи отель вполне заслуживал доверия. Я от души надеялась, что и здешний туалет меня не разочарует.

Обогнув здание, я пересекла дворик, как мне и сказали. Запах ударил мне в нос раньше, чем я успела дойти до двери, вернее, до входа, поскольку двери как таковой не было. В полу был прорублен желоб, разделенный на отсеки, без всяких перегородок между ними. В итоге экскременты одного посетителя плавно текли в соседний отсек, а оттуда дальше и дальше, но если моча утекала достаточно быстро, то остальное застревало надолго. В итоге желоб заполнили кучи и кучки чьих-то экскрементов, которые создавали замысловатый рельеф. Некоторые элементы этой чудной картины, судя по всему, прождали тут меня довольно долго.

Запах был ужасным. Мерзким, тошнотворным, удушающим, сбивающим с ног. Он с

такой силой ударил в мой изнеженный европейский нос и проник в мои чувствительные легкие, что меня стала мучить паранойя — боже, да тут нечем дышать, а вдруг я задохнусь? Воздух казался таким спертым, что мне казалось, я вижу миазмы, витающие в нем. Такое впечатление, будто плывешь через густую коричневую лужу дерьма. Ужас! Что если здешняя вонь разъест мои легкие, как кислота? Что если я случайно до чего-нибудь дотронусь? Будет ли смерть быстрой и ужасной, как от лихорадки Эбола, либо же отравленный палец просто отвалится сам собой?

Хорошо одетых китайнок, которые зашли в этот туалет, приступы дурноты, похоже, не мучили. Они весело присели над желобом с блаженными лицами и даже не поморщились. Я с трудом успокоила разбушевавшийся в желудке ужин. Видимо, я вела слишком уединенный образ жизни и слишком много думала о гигиене.

Задержав дыхание и быстро сделав то, ради чего пришла сюда, я пулей бросилась к выходу. Тем временем одна из девушек присела на корточки почти у двери спиной ко мне. Мне открылся чудесный вид на ее белые ягодицы и... О, господи! Фу!

Вернувшись в зал ожидания, я нанесла антибактериальный гель аж три раза и втирала его несколько минут. Туалет был настолько омерзительным, что помыть после него руки один или два раза казалось недостаточным. Меня трясло от мысли, каких именно микробов я прихватила с собой. Правда, в этой части Китая грязными были не только уборные. Не прошло и недели, а моя одежда покрылась слоем грязи. Вокруг меня во всех направлениях летала мокрота, пока местные жители с шумом сморкались и отхаркивались. Хуже всего было то, что у меня тоже постоянно закладывало нос. Видимо, так мой организм пытался справиться с грязью.

«Не плевать. Помните о здоровье окружающих» — гласил плакат, оставшийся еще со времен атипичной пневмонии, но никто не обращал на призыв внимания.

Забавно, что в этой стране, где постоянно подвергаешься риску подхватить какую-нибудь инфекцию, еще требуется как-то ограничивать рождаемость, подумала я. Учитывая, какая тут дикая загазованность, хаос на дорогах, как распространены туберкулез, гепатит и туалеты-убийцы, вообще удивительно, что кто-то доживает до пяти лет. Тут впору приплачивать людям, чтобы они рожали как можно больше детей, а не штрафовать, если на свет появляется второй ребенок.

Подали поезд, и мы шестеро поднялись в вагон. В этот раз служащие отеля забронировали мне нижнюю полку. По китайским представлениям, нижняя полка — предел мечтаний, ведь днем на ней можно сидеть, орать в голос, играть в карты с попутчиками и жадно есть растворимую лапшу. Иностранцы почти всегда выбирают среднюю полку, поскольку только там можно спрятаться и не участвовать в вышеперечисленных безобразиях.

Пунктом отправления этого состава был Тайюань, поэтому к тому моменту, как я села в него в Пинъяо, мою полку уже оккупировала целая армия китайцев. Трое сидели рядком и с громким чавканьем тянули на вдохе лапшу из пластиковых тарелок: это напоминало работу огромного станка для переработки бумаги, только действующего в обратную сторону. Периодически лапша не достигала пищевода и оставалась грустно остывать на моей простыне. На столике стояла батарея банок с чаем. Зеленые листья плавали в желтоватой воде. В некоторых банках жидкость оставалась бледной, соломенного цвета, а в других настаивался настоящий чифирь. Китайцы почти всегда таскают с собой банку с чаем, в которую постоянно доливают воды. Я показала оккупантам свой билет. Они отмахнулись от меня палочками, и на пол брызнул коричневый соус.

— Нет, — переговаривались они между собой. — Иностранка не знает китайского и не понимает, что написано на билете, так что ей не сюда, а куда-то еще, — при этом они энергично тыкали в дальний конец коридора.

Я сделала глубокий вдох и промямлила на китайском:

— Мне кажется, это мое место.

Повисло неловкое молчание. Поедатели лапши замолчали и зашаркали тапочками, потом по очереди переглянулись. Казалось, в их взглядах читалось: господи, какая огромная тетка, и хотя нас трое, не факт, что мы одолеем эту бабищу. Самый трусливый из троих встал и позорно спасся бегством. В мгновение ока за ним последовали и товарищи. Я слышала только перешептывания: «*Вайгожэнь* ! Иностранка!»

Ну, поскольку я поняла только одно это слово, то не знаю точно, что они про меня говорили. Просто разносили по вагону весть, что среди пассажиров оказался чужак, или же предупреждали, что у меня вместо носа хобот, а вместо глаз — две репы навывкате, и лишь поэтому три смелых китайца бежали с поля боя, потеряв лицо.

Через несколько минут ко мне подсел какой-то смельчак.

— Привет, — сказал он по-английски, — а ты откуда?

Я сказала, что из Англии. Он с искренним интересом кивнул. Лицом парень напоминал панду: бледные круглые щеки и черные очки.

— Думаю, — тут он действительно задумался, — что ты едешь посмотреть знаменитый город Сиань.

Я подтвердила, что мои намерения именно таковы. Тут в проходе показался проводник с мусорным пакетом в руке. Он подметал скопившийся мусор: пустые пластиковые тарелки из-под лапши, одноразовые пенопластовые контейнеры для еды, горы шелухи от семечек, апельсиновые корки, яблочные огрызки и недоеденные куски пампушек. Вынуждена признать: в поезде поддерживали чистоту. Несмотря на отчаянные попытки пассажиров покрыть ковер слоем объедков, проводники тут как коршуны бросались к месту преступления. Раз в пять минут они проходили по проходу с мусорным мешком и боролись с мусором. Даже туалет здесь был чистым и не вонял. Эх, лучше было дотерпеть до поезда, а не ходить в ту пыточную при отеле.

Панда повернулся к столику и стряхнул с него яичную скорлупу. Я воспользовалась передышкой, чтобы потихоньку слинять в вагон-ресторан, где договорилась встретиться с Карен и Малколмом, которые путешествовали в спальном вагоне, и выпить пива.

Вагон-ресторан был оформлен в синей гамме. Стулья с синей обивкой стояли у столиков, накрытых синими клеенками. На окне висели голубые занавески из тонкой материи, а под ними — еще одни из пластикового «кружева». Полная женщина в белом ходила от столика к столику, принимая заказы и принося тарелки с едой. Всем своим видом официантка говорила, что у нее не забалуешь. Когда очередной клиент покидал ресторан, она тщательно протирала столик своими могучими руками.

Мы купили себе пару бутылок пива за несколько юаней и весело распили их, но в половине десятого вагон-ресторан закрылся. Бой-официантка силой отправила нас спать.

Когда я вернулась в свой отсек, то обнаружила, что на полку напротив посадили маленькую девочку. Ее волосы были завязаны в хвостики с бантиками, как у йоркширского терьера. На полу между нашими полками крутился волчок, игравший «Happy Birthday», что приводило малышку в восторг: она радостно повизгивала каждый раз, когда раздавалась музыка, и так продолжалось до тех пор, пока проводники не решили, что пора спать, и не выключили свет. Волчок остановился, и вместо мелодии теперь раздавался храп китайца с верхней полки.

Глава 7 Воины минувших дней

— Вы имеете в виду «Шератон»? Пятизвездочный отель? — переспросила Элен.

Я ответила утвердительно. Элен бросила на меня недоверчивый взгляд.

Благодаря Нэнси и ее контактам в туристическом бизнесе я забронировала номер в шикарном отеле класса «люкс», а Элен была гидом, которого Карен и Малколм наняли на день. Вечером они собирались отправиться в Шанхай и нашли гида с машиной, чтобы не нужно было нигде оставлять багаж. Вчера вечером мы, открыв по третьей бутылке пива,

заклучили сделку: я разрешаю им воспользоваться ванной в моем номере и даже делюсь бесплатными шампунями, а они за это подвезут меня до отеля, а потом подбросят за город, до музея, где выставлено терракотовое войско. Поскольку, когда Элен встретила нас на вокзале, часы показывали половину восьмого, мы изъявили желание сначала заехать в отель, привести себя в порядок и перекусить.

Элен нахмурилась и замолчала, а затем снова спросила:

— Простите, хочу еще раз удостовериться, вы имеете в виду «Шератон»?

Она окинула меня взглядом: мои заляпанные джинсы и красную куртку, постепенно менявшую цвет на манжетах и воротнике на черный, покрытые пылью кроссовки, спутанные волосы и бледное лицо.

— Ну да, — кивнула я и произнесла по слогам: — «Ше-ра-тон».

Снова молчание. Щеки Элен залились румянцем.

— «Ше-ра-тон»?

Сначала это было забавно, а теперь я уже занервничала. Может, я, конечно, выгляжу не лучшим образом и одета не очень элегантно, но неужели все *настолько* плохо?!

Я настаивала на «Шератоне».

— Простите, — виновато промямлила Элен, — просто мне нужно было удостовериться, что я ничего не напутала, вдруг вы назвали какой-то другой отель. Я не особенно сильна в английском.

Она быстро переговорила о чем-то с водителем, а потом снова повернулась к нам и сообщила:

— «Шератон» находится в тридцати километрах от города, мы туда будем очень долго добираться, может быть, лучше заедем позавтракать в другой отель?

Мы, конечно, расстроились. Тридцать километров — это намного больше, чем мы ожидали, но я забронировала там номер, сейчас только восьмой час, и у нас масса времени, так что мы все же настояли, что поедем в «Шератон».

Элен и водитель, судя по всему, не хотели нас туда везти, но делать нечего. Шофер повернул ключ в замке зажигания, и наш микроавтобус присоединился к потоку машин. Сделав пару поворотов, мы уже минут через пять подъехали к главному входу в «Шератон».

— Какие же это тридцать километров! — хором воскликнули мы. — Тут от силы два!

— Ох, я не знаю, — сбивчиво забормотала Элен, — мне так водитель сказал. — После чего она, краснея и бледнея, завела жалобную песнь: — Я тут ничего не решаю, делаю, что мне скажут, а не то наживу кучу проблем. Простите, простите меня. Я тут ничего не решаю. Я всего лишь мелкая сошка.

Забавный эпизод. Она определенно не хотела везти нас в «Шератон». Скорее всего, в другом отеле Элен платят комиссионные за то, что она привозит клиентов на завтрак, а при таком раскладе не видать ей комиссионных как собственных ушей.

В отличие от Элен, которая взирала на меня с явным недоумением, одетый с иголки администратор за мраморной стойкой в отеле «Шератон» лишь слегка приподнял идеально причесанные брови, глядя на мой потрепанный вид. Небось хотел отправить меня под душ как можно скорее, но процедура регистрации прошла быстро и безболезненно, и уже через пару минут я нырнула под душ. Потом мы позавтракали от пуза — суши, фрукты, яичница с беконом, пончики и слоеные булочки — и загрузились в микроавтобус, чтобы ехать смотреть терракотовое войско.

Сама идея создания терракотовой армии поражает до глубины души. Только представьте себе, две тысячи лет назад неизвестные мастера воссоздали настоящую армию из пехотинцев, лучников, офицеров, возникших в человеческий рост и коней в натуральную величину, а мы теперь можем запрыгнуть в самолет, полететь в Китай и увидеть это чудо своими глазами. Терракотовые воины должны были сопровождать в загробный мир императора Цинь Шихуанди, того самого тирана, по указке которого возвели Великую китайскую стену.

Император хотел обеспечить себе защиту и после смерти, поэтому мобилизовал

семьсот тысяч человек (в основном крестьян, взятых в плен), чтобы в течение тридцати восьми лет создать настоящую армию, которая отправится с ним в гробницу. Семь тысяч воинов похоронили к западу от могилы Цинь Шихуанди, положив их лицом к завоеванным им территориям. Масштаб проекта впечатляет, как и внимание к мелочам. Каждая статуя уникальна, у каждого воина своя поза и свое выражение лица. Чины легко узнаваемы по деталям одежды: пехотинцы в коротких халатах и обуви, типичной для древних китайцев: обмотки и башмаки с прямоугольными носками, на офицерах — особые шапки в виде трапеции, а на возницах — специальные доспехи, защищающие руки до запястий, чтобы избежать ранений в пылу битвы.

Не знаю почему, но оба раза, когда я видела воинов (а я уже приезжала в Сиань раньше), они показались мне скучноватыми. Зрелище должно было ошеломить меня, поразить до глубины души, удивить, и, тем не менее, я с трудом подавляла зевоту.

Однако не все так реагировали на увиденное. Некоторые действительно приходили в восторг. Мне кажется, проблема в самой организации выставки. Воины стояли в яме, куда посетители музея должны были заглядывать через забор из органического стекла, а само здание музея до боли напоминало железнодорожную сортировочную станцию. Здесь не чувствовалось духа истории. Воины, вырванные из контекста эпохи, скучно стояли рядами, казались серыми, пыльными и напоминали сувенирные фигурки, которые можно с легкостью купить на любой китайской улице. Археологи раскопали лишь часть терракотовой армии, многие статуи повреждены, поэтому тут же выставлены груды черепков. М-м-м... а может, я полный профан и ничего не понимаю? Не знаю. Но из всей экскурсии мне понравился только документальный фильм, рассказывающий о создании терракотовой армии. Мы увидели тяжкий труд простых людей, горящие печи для обжига глины, пот, что градом катился с мастеров, раскрашивающих статуи яркими красками. Впоследствии жаждавшие мести крестьяне, ненавидевшие императора и его тоталитарный режим, разграбили гробницу. Вот тут до нас, наконец, дошло все величие терракотового войска. Но к тому моменту, как нам показали фильм, я уже пялилась в яму с воинами около часа и порядком устала.

Как ни странно, терракотовая армия показалась мне куда интереснее, когда я вернулась домой и отыскала в местной библиотеке книгу по этому вопросу. На фотографиях видны были детали, которые невозможно разобрать экскурсантам в Сиане. На увеличенных снимках я наконец рассмотрела искусно сделанные пряжки на ремнях, прически, прорисованные в мельчайших деталях: элегантные завитки, собранные на затылке в пучок, спрятанные под специальную шапочку, завязанную под подбородком, или же широкие косицы сложного плетения.

Мисс Мелкая Сошка делала все, что от нее зависело. Она старательно рассказывала, чем генерал отличается от пехотинца, лишь бы угодить нам, при этом ее саму зрелище не сильно впечатляло: гид просто делала свою работу, на автомате. Правда, чтобы как-то сгладить инцидент с завтраком, она рассказала нам чуть ли не о каждом черепке в музее, но мне показалось, что под маской серьезности, за аккуратным хвостиком и важным видом скрывалась совсем другая Элен, наслаждающаяся местью.

Представляю, как она веселилась в глубине души:

«Ха-ха-ха! К концу экскурсии Цинь Шихуанди будет казаться этим придурком добрым Санта-Клаусом. Когда я закончу скучнейшее описание деталей обуви последнего из солдат в этой глиняной дыре, они будут молить отправить их до конца жизни в трудовой лагерь, лишь бы только смыться отсюда. Всю неделю их станут мучить кошмары о том, что их хоронят заживо, закапывая по шейку в глину, и еще лет тридцать они будут бледнеть при одном только упоминании терракоты. Ха, уж я-то сумею им отомстить!»

Вернувшись в город, я остаток дня гуляла по центру. Пока что из всех посещенных мной городов Сиань был самым современным после Пекина. Люди здесь плевались намного реже. Время от времени кто-то из прохожих кричал мне «хэллоу», но не таким насмешливым тоном, как в Датуне. Вечером улицы заполнились людьми, которые гуляли по магазинам,

причем кроме еды покупали аудиодиски и одежду. Все кругом говорили по мобильным телефонам. Это был растущий средний класс. У этих людей определенно имелись свободные деньги, которых я не заметила у жителей, скажем, того же Пиньяо.

Рядом с колокольной башней в самом сердце города я обнаружила супермаркет, где торговали весьма странной китайской выпечкой, типа «лунных пряников», которые на вид напоминали пирожки с мясом, и наивные иностранные обжоры, купившись на внешний вид, надкусывали это «чудо» и получали настоящий культурный шок, обнаружив внутри специфическую на вкус пасту из корня лотоса вперемешку с яичным желтком. На прилавках мясного отдела рядом с колбасами гордо возлежали холодные копченые утки с растопыренными лапами.

Побродив мимо этих диковин, я устремилась в винный отдел, намереваясь заодно прикупить каких-нибудь калорийных и вредных для фигуры вкусняшек. В ванной номера «Шератона» стояли напольные весы, и утром я обнаружила, что потеряла за первую неделю в Китае пару килограммов, после чего решила, что теперь можно и отъесться.

Наплевав на похмелье и калорийность, я для начала выбрала подозрительно дешевую бутылку вина с гордым названием «Великая стена», затем набила корзинку пакетами чипсов, печенюшек и шоколадных батончиков. Впервые за целую неделю я увидела в продаже иностранные товары и теперь рыскала вдоль прилавков с неистовой яростью, которая меня даже слегка беспокоила.

С наступлением темноты активизировалась торговля на улице. Внезапно узкие аллеи, ответвлявшиеся от главной улицы, залил свет фонарей. На переносных горелках кипел суп с лапшой, шкварчал в огромных сковородах лук, воздух наполнялся ароматами, от которых текли слюнки. Торговцы предлагали засахаренные фрукты на палочке, тут же жарили каштаны, и сладковатый запах смешивался с дымом. На тротуарах расставили пластиковые столы, за которыми расселись местные жители, они весело болтали и с жадностью набрасывались на ужин.

Я хотела было присоединиться к ним, чтобы по полной насладиться радостной картиной, но тут вспомнила о бутылке вина в рюкзаке и подумала, что могу в кои-то веки заказать что-нибудь в номер и вдоволь насмотреться родных англоязычных каналов, поэтому вернулась в отель, поставила вино в холодильник и приняла ванну с лавандовым маслом, после чего позвонила администратору, попросила принести «Шератон бургер», поудобнее устроилась в кресле с пультом от телевизора и на какое-то время позабыла, что там, за окном, шумит Китай.

Глава 8

Суперноски и древние скалы

Проводник явно получал истинное наслаждение, демонстрируя свои сверхпрочные жароустойчивые суперноски. Он пришел в наш вагон пару минут назад с зеленой корзиной для покупок, наполненной этими самыми носками, и устроил интерактивную рекламную кампанию прямо в проходе в надежде втюхать доверчивым пассажирам сомнительный товар.

— Итак, мадам, — доверительно сообщил он женщине, сидевшей слева, выудив из корзинки один носок, чтобы потенциальные покупатели могли полюбоваться, — я попрошу вас растянуть носок, дабы я продемонстрировал, что он действительно не горит.

Женщина смущенно огляделась по сторонам, хихикнула и потянула за один конец уродливого нейлонового носка, как было велено, а проводник потянул за другой. Остальные пассажиры оторвались от чая и карт и замерли в изумлении. Настало время для шоу. Мы все выпрямились и вытянули шеи, чтобы лучше видеть.

Проводник смело вытащил зажигалку. Зрители ахнули. Еще бы, такой волнительный момент! Выживет ли носок? Щелк! Проводник с гордым видом провел зажигалкой по всей длине носка. Мы затаили дыхание. И... ничего не случилось! Несмотря на опасность, носок

остался целехонек! Фантастика! Скорее всего, это специальный носок для того, чтобы гулять по тлеющим углям или чтобы выбегать из горящего дома. Как мы могли всю свою сознательную жизнь существовать без этого чудесного изобретения?!

Проводник радовался как дитя тому, насколько удачно прошло представление. На вид парню было около двадцати пяти, а его круглое лощеное лицо без всякой растительности напоминало дорогой фарфоровый чайник. Он горделиво выпрямился.

— А теперь, — скорее всего, сказал он, поскольку я не понимала точного значения слов, — я докажу, что этому носку все нипочем.

Проводник попросил одного из пассажиров поддержать чудо-носок, пока он будет яростно колотить по нему проволочной щеткой для волос с весьма острыми зубьями. Старик с удовольствием присоединился к представлению. Он натянул носок, что есть силы, а проводник размахнулся мускулистой рукой и начал выбивать душу из несчастного носка, однако тот снова не поддался! В конце концов, еще один зритель вызвался поучаствовать в перетягивании носка, но и из этого испытания носок вышел с честью.

Если честно, мне показалось странным, что проводник торгует чем-то, совершенно не связанным с железной дорогой. Я так и не поняла, входит ли торговля носками в его должностные обязанности, или он просто коротает таким образом время, развивая заодно актерский талант. Вы зря смеетесь. Политика китайских компаний не поддается логике. Сегодня утром, к примеру, я из окна такси наблюдала, как весь персонал одного из ресторанов вышел на утреннюю пробежку. В воскресенье в девять сорок пять утра они бежали дружной толпой, как армейский взвод на учениях. Впереди, громко выкрикивая приказы, неслась девица, встречающая гостей на входе, в красном парчовом платье до пола, а позади организованными рядами пыхтели повара и посудомойки в белых брюках и передниках.

На сегодня я запланировала путешествие в Лоян. Поскольку ехать предстояло всего шесть часов, да еще и днем, то я решила поехать в так называемой «сидячке». Правда, взяла билеты в мягкий вагон. Сиденье оказалось отнюдь не мягким, зато публика тут была более презентабельная, чем та, с которой мне пришлось ехать из Тайюаня в Пинъюань несколько дней назад.

Здесь собрались доброжелательные люди с хорошим чувством юмора. Некоторые из них даже купили себе чудо-носки после окончания представления. Когда я села в вагон, мне приветливо улыбнулись и помогли разложить багаж. Через проход от меня сидели пожилая пара и еще одна дама лет шестидесяти в красной водолазке, джинсах и черной куртке, ее блестящие черные волосы были убраны в безукоризненный пучок. Троица уставилась на меня с изрядной долей интереса.

— Как ты думаешь, откуда она? — спросил мужчина у своей спутницы.

— Из Америки, — уверенно ответила та.

Через пару минут я достала блокнот, чтобы записать пару мыслей.

— Она пишет! — ахнула дама с пучком.

Я успела написать пару предложений, и тут подросла проводница, услужливо подлившая всем желающим горячей воды, а потом, к моему удивлению, дама с пучком повернулась ко мне и заговорила на хорошем английском:

— Хотите воды?

— Нет, спасибо, у меня уже есть, — я доброжелательно улыбнулась и показала бутылку минеральной воды.

Дама просияла от удовольствия, под села ко мне и представилась. Ее звали госпожа Цин, она в 1966 году закончила Сианьский институт иностранных языков и преподавала английский в средней школе, но потом пришлось пойти работать на завод, где она и задержалась на двадцать пять лет.

— Я не разговаривала по-английски... больше двадцати лет, — сказала она, делая паузы между словами, пока ее мозг мучительно пытался вспомнить давно забытые слова. Госпожа Цин явно радовалась подвернувшейся возможности попрактиковаться в языке.

Придя к выводу, что странное бледнолицее существо не представляет угрозы, пожилой китаец тоже подсел к нам. Темную кожу господина Лю, как звали старика, изрезали глубокие морщины, через редкие волосы просвечивал череп, он носил большие квадратные очки в пластиковой оправе. Лицо господина Лю почему-то напомнило мне заливные поля, которые мелькали за окном. На плохом английском старик сообщил, что ему семьдесят три года и раньше он был переводчиком с русского, в 1953 году окончил институт иностранных языков в городе Чэнду, потом перебрался на север поближе к границе с СССР, где и проработал переводчиком двадцать пять лет, а выйдя на пенсию, вернулся в родную провинцию Сычуань, где когда-то преподавал в школе.

— В те дни мало кто хотел работать учителем иностранного языка, — сказал господин Лю, и они с госпожой Цин залились веселым смехом.

До того, как Дэн Сяопин начал проводить политику реформ и открытости (это произошло после смерти Мао в 1976 году), слишком явный интерес к иностранным языкам казался властям нездоровым. Во времена «Культурной революции» интеллектуалов заклеили как представителей низшей категории граждан и наказывали соответствующим образом: студенты шли и расправлялись с собственными учителями. Иностранцев считали капиталистами и буржуями, так что учителям иностранного языка не повезло особенно.

Недоверчивое отношение Мао к иностранцам вполне объяснимо, учитывая, что европейские державы и Штаты всячески пытались откусить свой кусок от Китая в последние десятилетия правления династии Цин.

Отношения императорской власти и «варваров» всегда складывались тяжело. Китайцы исторически считали себя лучше всех, недаром самоназвание Китая — Срединное государство, этакий пуп земли. Еще в 600 году до нашей эры. Конфуций выступал против путешествий в чужие земли, поскольку это противоречило его предписаниям о сыновней почтительности (простой человек слушается императора, сын — отца, а жена слушается всех, пока не обзаведется невесткой, на которой можно отыграться).

Иностранцы искали расположения Китая, поскольку жаждали заполучить чай, шелк и фарфор, а Китай не обращал внимания на мир за собственными пределами, никакая импортная шерсть их не интересовала. Когда в 1793 году лорд Макартни прибыл в Пекин как представитель британского правительства и потребовал разрешения основать там посольство, в ответ маньчжуры послали его куда подальше, заявив, что не нуждаются в иностранных товарах. Думаю, то, что Макартни отказался бить поклоны перед императором, тоже сыграло не последнюю роль в провале миссии. В итоге торговлю ограничили маленькой областью в Гуанчжоу (бывший Кантон), и иностранцам запретили свободно передвигаться по стране. Налицо был торговый дисбаланс: экспорт явно превышал импорт, в результате Западу пришлось расплачиваться за китайские товары чистым серебром.

В начале девятнадцатого века англичане нашли решение — опиум. Несмотря на то, что официально власти его запретили, китайцы частенько покуривали опиум, и британцы обнаружили, что сия пагубная привычка может оказаться для них прибыльной: если завозить в страну индийский опиум и продавать его дешевле, чем местный. Торговцы опиумом быстро богатели. Все больше и больше китайцев подсаживались на наркотик. Постепенно некогда великое Срединное государство стало слабеть и деградировать, и теперь уже китайцы тратили серебро на опиум.

Маньчжуры пытались занять в этом отношении жесткую позицию. Известный китайский комиссар Линь, наместник императора в провинциях Хунань и Хубэй, приказал отрезать курильщикам опиума часть верхней губы, чтобы они просто не могли держать трубку. Он даже написал королеве Виктории, потребовав положить конец торговле опиумом, которая так вредит Китаю. Он дал понять, что в случае отказа наложит вето на экспорт в Британию чая и — Господи, спаси нас! — корня ревеня, настойку которого англичане, страдающие запорами, употребляли, чтобы опорожнить кишечник.

Скорее всего королева письма не получила, в любом случае ответа не последовало. Обстановка накалилась. Западные державы продолжали настаивать на том, чтобы китайское

правительство сняло ограничения на торговлю, причем не только опиумную, а на торговлю в целом, китайцы же стойко держали оборону. Наконец, когда англичанам запретили торговать, они заблокировали порт Гуанчжоу, а после того как Линь в знак протеста сжег склады с опиумом, открыли огонь. Так началась Первая опиумная война. Как сказал Уильям Гладстон, выступая перед парламентом в апреле 1840 года: «Я не знаю войны более несправедливой, которая покрыла бы страну столь несмываемым позором».

Но, несмотря на все опасения британцев, Опиумная война шла своим чередом и завершилась безоговорочной победой Великобритании. По Нанкинскому мирному договору, подписанному в 1842 году, китайцы вынуждены были открыть пять портов для иностранной торговли, передать Гонконг Великобритании и выплатить значительную контрибуцию. За Нанкинским договором последовал еще целый ряд соглашений, которые вошли в историю как «неравноправные договоры», поскольку были составлены в пользу Запада, однако зачастую на них никто не обращал внимания, и напряженность нарастала.

Потом, в октябре 1856 года, китайские власти задержали корабль «Эрроу», занимавшийся под британским флагом контрабандной торговлей, и арестовали всю команду, утверждая, что на борту судна якобы видели известного пирата. Корабль был приписан к порту Гонконг, хотя все документы утратили силу с истечением срока. Губернатор Гонконга сэр Джон Боуринг вместе с Гарри Парксом, британским консулом в Гуанчжоу, сочли арест корабля оскорблением Великобритании и начали бомбардировку Гуанчжоу. Французы, которых привела в ярость недавняя казнь их соотечественников-миссионеров, присоединились к военным действиям. Союзные силы захватили Гуанчжоу и двинулись на север, на Пекин. За этими печальными для Китая событиями последовало подписание в 1858 году Тяньцзиньского договора, по которому для иностранной торговли открывали десять портов, а иностранцы, включая миссионеров, теперь могли свободно передвигаться по стране; кроме того, договор узаконил торговлю опиумом, а в Пекине даже обустроили резиденцию для британского министра. Весь следующий год союзники пытались ратифицировать договор, но их усилия наталкивались на глухую стену, пришлось применить силу. Китайцы схватили Гарри Паркса и бросили его в тюрьму, а союзники сожгли Летний дворец императора. Такое вот радушие.

Маньчжуры находились у власти с 1644 года, но сейчас в верхних эшелонах власти буйным цветом расцвела коррупция, и европейцы просочились во все уголки Китая вместе с наркотическим дурманом. Иностранные анклавы появились вдоль самой важной артерии Китая, реки Янцзы, а также вдоль береговой линии и границ. В 1864 году в четырнадцати портах Китая имелись таможни, которыми номинально руководили китайские власти, а фактически — англичане. К 1916 году собственными таможнями обзавелись уже около сорока городов по всему Китаю, начиная с холодного северного Харбина и вплоть до Сымао на границе с Бирмой. В этих городах европейцы жили по собственным законам, подчиняясь правительствам своих стран, а не китайским властям. Европейцы и некоторые китайцы, работающие на них, жирели и богатели, а среди простого населения росло недовольство.

Неудивительно, что, когда к власти пришел Мао, он стал с недоверием относиться к иностранцам, так долго унижавшим его родную страну. Отношениям не суждено было исправиться, тем более, что в гражданской войне Америка приняла сторону Чан Кайши, а после Корейской войны 1950–1953 годов наложила на Китай торговое эмбарго. Дипломатическая изоляция означала, что Китай успешно отгородился от капиталистического мира на несколько десятилетий. Только в 1972 году, незадолго до смерти Великого Кормчего, президент Никсон посетил с официальным визитом Китай (вслед за американской командой по пинг-понгу, которую пригласили годом раньше). Лед в отношениях начал таять. Одним словом, при Мао английский не был в чести.

Теперь все изменилось. Благодаря Олимпиаде-2008 и расширению делового сотрудничества, правительство Китая в двадцать первом веке настолько пропагандирует английский среди населения, что по радио и телевидению даже транслируют ежедневные уроки. Оказывается, господин Лю учился именно так.

— Каждое утро с половины седьмого до семи я слушаю радио, — с гордостью поведал он, широко улыбаясь, из-за чего во все стороны побежали морщинки. Удивительно! Старик учил язык всего-то полгода, но говорит довольно хорошо, пускай и с акцентом, и сегодня ему впервые выпала возможность поговорить с кем-то на английском.

Господин Лю оказался очень любознательным старичком. Что лично я думаю о ситуации на Ближнем Востоке? А как вообще к этой проблеме относятся англичане? Его интерес к международным делам казался искренним и неподдельным, и это живое любопытство резко контрастировало с экскурсией, которую на автомате проводила Элен, больше похожая на робота. Понятное дело, его собственная позиция не отличалась от официальных заявлений китайского правительства, но при этом он хотел услышать альтернативную точку зрения.

Сложно представить, что выпало на долю этого человека, ведь он родился в 1930 году и застал японскую оккупацию, стал свидетелем гражданской войны и победы коммунистов, пережил массовый голод во время «Большого скачка» и зверства во время «Культурной революции». Двадцать пять лет господину Лю пришлось проработать на севере на стройках переводчиком с русского языка, вряд ли тамошняя жизнь отличалась комфортом, но при этом в его глазах светились оптимизм и жажда знаний. Я заметила, что его жизнь, наверное, сильно переменилась.

— О, да! — сказал он и снова засмеялся.

Поезд, покачиваясь, ехал вперед. Поначалу за окном мелькал довольно скучный пейзаж: километры распаханых полей, тянувшиеся до самого горизонта, окутанного дымкой. Время от времени попадались жилища рабочих и унылые города, застроенные однотипными приземистыми домами.

Затем картинка за окном стала интереснее: по обе стороны от железнодорожной насыпи тянулись крутые обрывы, высохшие русла реки прорезали песчаник, которому всеильная природа придала самые причудливые формы, крошечные желтые цветочки росли прямо на каменистых скалах, в которых время от времени зияли чернотой входы в пещеры, кое-где попадались и террасные поля. Постепенно холмы снова сменились равнинами. Здесь шумели зеленью сады, и деревья гнулись под тяжестью ярко-красных яблок. Время от времени тихий сельский пейзаж разрезала пополам блестящая новенькая автострада, опять-таки пустая.

Мы проехали мимо станции Хуашань, и я вспомнила, как приезжала сюда пару лет назад. Тогда мой словарный запас был еще меньше, чем сейчас, а если быть точной, то я знала всего два слова: «*сесе*» (спасибо) и «*пицзю*» (пиво). Отличный набор, если хочешь заказать пиво, но в остальных случаях практически бесполезный.

Я вышла на перрон в надежде взять такси до городка Хуашань, что примерно в пятнадцати километрах отсюда. Я тогда гостила у Нэнси и Гая, мы вместе съездили в Сиань, а затем я несколько дней путешествовала по Китаю одна и заехала в Хуашань, чтобы подняться на святую для буддистов гору. Нэнси заранее позвонила и забронировала мне номер в отеле и написала название и адрес на листочке бумаги по-китайски. Мне нужно было просто выйти из поезда на нужной станции, найти такси и протянуть водителю бумажку.

План казался безупречным, но когда я добралась до Хуашаня, то оказалось, что никаких такси тут нет и в помине. Хуже всего, что я не могла спросить, где стоянка такси, поскольку понятия не имела, как это сказать по-китайски. Какая-то добрая душа предложила мне велик, но, учитывая, что я не знала, куда мне ехать, это вряд ли помогло бы.

Наконец я нашла какого-то парня на фургончике. Фургончик определенно не был такси, а у парня вряд ли имелась лицензия таксиста. Мы поехали по пыльной дороге, черт знает куда. Ситуация меня не радовала. Я, конечно, показала водителю клочок бумаги, исписанный иероглифами, но парень никоим образом не выдал свою способность прочесть написанное, более того, он не просто не понимал, что я говорю. Водитель даже не допускал

мысли, что на земле существуют какие-то другие языки, помимо китайского, и я — носитель одного из них, а потому пытался говорить со мной все громче и громче и искренне удивлялся, почему я не могу ответить.

Мы несколько минут ехали в весьма напряженной обстановке, а потом притормозили около скопления ветхих хибарок. Парень вышел из фургончика и разразился тирадой на китайском. Из домиков повыскакивали люди, они сгрудились вокруг нас, охали, ахали и показывали пальцем на странное существо в фургончике.

— Посмотрите, какая мне попалась диковина! — казалось, говорит водитель, а его друзья просто остолбенели от удивления.

После того как все на меня вдосталь полюбовались, а я в это время махала рукой и улыбалась самой приветливой из своих улыбок, мы поехали дальше, а когда добрались до следующего села и снова свернули на какую-то дорожку, я ожидала, что ситуация повторится, но из дома выскочил пухлый мальчуган лет восьми, распахнул заднюю дверцу фургона, запрыгнул внутрь и, сунув голову между водительским и пассажирским сиденьями, радостно объявил на английском:

— Привет, меня зовут Дэвид Джексон!

Разумеется, это не было его настоящим именем, мальчику просто понравилось, как оно звучит, и он выбрал себе английское имя вдобавок к китайскому. Оказалось, что Дэвиду Джексону вовсе не восемь лет, а целых тринадцать, о чем он поведал на отличном английском, просто он из-за гормонального сбоя очень маленького роста. Что природа недодала в росте, то она с лихвой восполнила в способности к изучению иностранных языков. В этом удаленном уголке Китая, где, казалось, никто не говорит по-английски, маленький вундеркинд вцеплялся мертвой хваткой в любого иностранца, который забредал сюда.

— Мои родители крестьяне, — с гордостью сообщил Дэвид Джексон.

Его занятия языком показались мне пустой тратой времени, даже учитывая его способности, ведь, скорее всего, у мальчика не будет возможности получить высшее образование, причем по самой банальной причине — родителям нечем платить.

Я сказала, что живу в Гонконге.

— Да ну! — просиял Дэвид. — Ты знакома с Джеки Чаном?

Чуть позже он поинтересовался:

— Хочешь кушать? Мы пойдем в ресторан моего дяди.

В итоге Дэвид Джексон ходил за мной хвостиком всю ту пару дней, что я провела в Хуашане. Когда бы я ни вышла из номера, он неизменно ждал меня внизу, у стойки регистрации. Мальчик заказывал мне еду, звонил по телефону, чтобы узнать расписание поездов, покупал билеты. Прощаясь, я оставила ему небольшую сумму, чтобы порадовать мальчика, но при этом не нарушить гармонию в его семье, ведь его родители, скорее всего, зарабатывали копейки. Очень странная встреча в забытом богом городишке на просторах необычной страны.

В душе мне ужасно хотелось прямо сейчас спрыгнуть с поезда и разыскать Дэвида Джексона, но этот поезд не останавливался в Хуашане. В любом случае мне нужно было продолжать путешествие, поскольку уже послезавтра меня ждали в школе *кун-фу* в Шаолине, а мне еще хотелось посмотреть пещерные храмы Лояна.

Полторы тысячи лет назад Лоян был чудесным городом. Императоры династии Северная Вэй перенесли сюда в 494 году нашей эры столицу из Датуна, и на тот момент население города насчитывало полмиллиона человек. Правители построили здесь величественные дворцы и более тысячи буддийских монастырей.

Пытаясь пробудить хоть какие-то воспоминания о былом величии города, я поселилась в «Гранд отеле», правда, вся грандиозность закончилась уже в вестибюле. Оказалось, что бассейн, который так призывно поблескивал на рекламном проспекте, не существует в природе. В бизнес-центре Интернет был таким вялым, что компьютер выдал системную

ошибку еще до того, как я успела получить хоть одно электронное послание. Я спросила девушку за стойкой регистрации, где у них спортзал. Мой вопрос ее обеспокоил:

— Вы хотите пойти туда прямо сейчас?

— Да.

Вообще-то нет, мне просто хотелось узнать, ведет ли куда-то загадочная дверь, запертая на амбарный замок, с надписью «Спортивный зал».

На лице девушки явственно читалась тревога. Она подняла телефонную трубку, несколько раз нервно стукнула по кнопкам и столь же нервно затрещала в трубку, а потом попросила меня пройти на шестнадцатый этаж, где расположен спортзал. Я поднялась на шестнадцатый этаж, постояла у закрытой двери, а потом сдалась и вернулась в номер.

На ужин я собиралась отправиться в китайский ресторан, но меня перехватили по дороге и обманом заманили в ресторан европейской кухни на первом этаже. Из всего многообразия блюд европейской кухни официантка смогла предложить мне скудный «шведский стол»: неаппетитные ломти остывшего темно-коричневого мяса, студенистые макароны и рыхлые скользкие овощи, которые, по всей видимости, прождали меня уже довольно долго. Выглядело все это, по меньшей мере, отвратительно и даже опасно для здоровья.

Я вернулась к себе и позвонила на рецепцию, желая заказать ужин в номер. Девушка на другом конце провода смутилась.

— У нас нет такой услуги, — вздохнула она.

Я тоже устало вздохнула и снова поплелась вниз, в китайский ресторан, где пришлось мрачно жевать холодный и жесткий рис и водянистые овощи. Когда официантки увидели меня, то пришли в ажитацию. Последовала бурная дискуссия, а затем, достигнув какого-то консенсуса, они делегировали одну из своих коллег к музыкальному центру, и из колонок снова раздались звуки «Бонни М». Играл тот же диск, что и в Пинъяо. Видимо, он есть в любом ресторане Китая на экстренный случай, если вдруг порог перешагнет носатая белая обезьяна.

Но сегодня даже пение «Бонни М» не смогло успокоить меня и поднять настроение. Я подписала счет и пошла восвояси, но на входе путь мне преградила девица, одетая в ядовито-розовый халат до пола, и с такими же ядовито-розовыми губами, похожими на вареные креветки.

— Вы должны подписать счет! — завизжала она. Ее креветкообразные губки несколько раз открылись и закрылись, а потом обиженно надулись.

— Я уже подписала! — огрызнулась я и ушла. Пора было ложиться спать.

На следующее утро я проснулась с симптомами простуды. Мне бы хотелось во всем обвинить китайский ресторан, в котором я имела неосторожность поужинать, но не припоминалось ни одного другого примера, когда плохая еда привела бы к небольшой температуре, головной боли и ломоте в суставах.

Черт, я простыла второй раз за три недели. Да, я, конечно, опасалась, когда отправлялась в путь, и предвидела, что, передвигаясь по Китаю в общественном транспорте, буду испытывать определенный дискомфорт, но не могла и подумать, что могу заболеть от близкого контакта с обычными китайцами.

«Это ядовитая страна, — написала я в дневнике, страдая вдали от дома, — даже при том, что я мою руки по — дцать раз на дню с маниакальной страстью, которой позавидовала бы сама леди Макбет».

Я провалялась все утро в постели, потягивая «Фервекс», а затем выкорчевала себя из-под одеяла и заставила поехать посмотреть на пещеры Лунмэнь.

Когда правители династии Северная Вэй перенесли столицу в Лоян, пещерные храмы все еще были в моде, так что монахи снова взялись за зубила и принялись терзать известняковые стены по обе стороны реки Фэн в шестнадцати километрах к югу от города. Работы велись более трехсот лет, как раз до падения династии Тан в девятом веке.

Здесь еще сильнее ощущается китайское влияние, чем в пещерах Юнгана. Огромные каменные истуканы со свирепыми лицами — глаза навывкате и злые оскалы — и мощными телами наводили на мысль о стиле, характерном для конца эпохи династии Тан. На потолке все так же цвели лотосы и парили *аснары*⁶, божественные музыканты играли на струнных инструментах, но изображения уже отошли от ранних индийских канонов и приобрели специфические китайские черты.

Считается, что моделью для одного из Будд якобы послужила сама императрица У. Императрица У Цзэтянь, один из самых зловещих персонажей в истории Китая, начинала свою «карьеру» простой наложницей императора Тайцзуна. После смерти Тайцзуна юную наложницу отправили в буддийский монастырь, чтобы там она и окончила свои дни, с обритой налысо головой, но эта женщина, даже находясь в монастыре, не прерывала связи с наследником императора Гаоцзуном, который в итоге увез ее в свой гарем, и она родила новому императору сына. Вернувшись во дворец, У Цзэтянь быстро избавилась от всех соперниц, включая супругу императора (она задушила сына Гаоцзуна и обставила дело так, что во всем обвинили императрицу), и узурпировала власть. Император испытывал угрызения совести по поводу того, что позволил жестоко обращаться со своей старшей женой и еще одной наложницей, а императрица У в ответ на это приказала отрезать обеим женщинам кисти рук и ступни, сварить из них бульон, который заставила выпить несчастных женщин. Вскоре император умер, и императрица У взяла бразды правления в свои руки, наплевав на традиции наследования власти по мужской линии. У Цзэтянь правила Китаем вплоть до 705 года нашей эры, когда в возрасте восьмидесяти лет отказалась от трона в пользу своего третьего сына, а через несколько месяцев умерла.

У статуи, якобы изображающей императрицу, огромные раскосые глаза, пухлые щеки, прямой нос, волевой подбородок и губы, сжатые в тонкую линию. Такую женщину опасно злить, а уж тем более не хочется брать из ее рук чашку супа. Однако современные историки считают, что легенды о ее злодеяниях сильно преувеличены по указке последующих поколений китайских правителей, которым сама идея того, что страной может править тетка, казалась дикостью, поэтому нужно было объяснить, что императрица У просто демон в женском обличье.

Так же как и имидж императрицы У, буддийское искусство постепенно подверглось уничижающей критике. Время от времени пещерные храмы разграбляли, кроме того, тяжелый урон нанесли землетрясения, оползни и наводнения, а в девятнадцатом и двадцатом веках сюда пришли иностранцы, которые вывозили все, что только могли вывезти, чтобы потом демонстрировать диковины в музеях у себя на родине. Возможно, сейчас нам стоит даже поблагодарить их за это, поскольку во времена «Культурной революции» сами китайцы разрушили немало того, что уцелело после грабительских набегов иностранцев.

В результате многие пещеры в Лунмэнь, к сожалению, остались пустыми. После пещерных храмов Юнгана, великолепие которых поразило меня до глубины души, пещеры Лояна уже не так впечатляли. Но все равно здесь было красиво, и вдобавок все содержалось в идеальной чистоте.

Вернувшись в Лоян, я бродила по улицам в поисках еды на завтра. Мне предстоял долгий день. Я заказала на половину шестого такси, которое через три часа привезет меня в Шаолинь, колыбель *кун-фу*. Весь день я буду учиться пинать что есть силы всех, кто посмеет меня обидеть, а потом снова прыгну в такси, чтобы добраться до Чжэнчжоу, это в нескольких часах езды на запад, к половине восьмого. Нужно было забрать билет, сесть на поезд и отправиться в девятнадцатичасовое путешествие в Ханчжоу.

Я купила себе сухой паек, а потом, решив, что больше ни секунды не проведу в этом

⁶ В индуистской мифологии полубогини, духи облаков или воды; изображались в виде прекрасных женщин, облаченных в богатые одежды и носящих драгоценности

ужасном ресторане при отеле под звуки «Бонни М», отправилась в один из ресторанов Лояна, который настойчиво рекомендовал путеводитель. Я не ела толком весь день: на завтрак выпила «Фервекса», на обед съела яблоко и пару печенюшек, и теперь желудок начал недовольно бурчать, и голова кружилась от голода. Ресторан вроде как располагался не очень далеко, и я решила пройтись пешком.

Прошло сорок пять минут, а я все так же брела по главному проспекту Лояна. Брать такси уже вряд ли имело смысл, я наверняка почти на месте. Так прошло еще пятнадцать минут. Хотелось есть, и я очень устала. М-да, я соприкоснулась с китайской историей куда ближе, чем хотелось бы: тут тебе и «Великий поход» и «Великий голод» в одном флаконе. Еще через пятнадцать минут я добралась-таки до ресторана.

Меню на английском у них не оказалось, но в этот раз я была нацелена на победу и только на победу.

— Пойдемте со мной, — велела я официантке и поднялась с места.

Девушка подняла брови, а потом обеспокоенно нахмурилась. Она понятия не имела, что у меня на уме, а я тем временем начала экскурсию по залу. Тут до официантки дошло, чего я хочу. Краснея и бледнея, она семенила за мной с блокнотиком. Вместе мы с ней пялились в чужие тарелки с супом, горками изумрудного шпината, приправленного чесноком, и другими, порой весьма странными субстанциями самых необычных расцветок.

За одним столиком какой-то пожилой китаец ужинал с женой. Он с удовольствием обмакнул палец прямо в чашку с чем-то дымящимся, потом облизнул его, причмокивая:

— Вкуснятина!

— Хочу то же самое, — сообщила я официантке.

Вскоре мне принесли глубокую миску с «тем же самым», даже не миску, а скорее фарфоровый дымящийся котел, из которого шел такой аромат, что у меня потекли слюнки. Истекая слюной в предвкушении, я вонзила в котел палочки (китайцы сначала едят гущу из супа палочками, а потом уже выпивают жидкость) и обнаружила в супе целые залежи лапши вперемешку с огромными кусками белого мяса крабов, ломтиками нежной свинины и свежайшие овощи. Я ела, и ела, и ела, а в паре метров от меня старик с женой, да и весь персонал ресторана замерли, выпучив глаза, и с удивлением наблюдали, как обжирается иностранка.

Глава 9 Хороший пинок

Честно говоря, шестилетние дети, которых я увидела во дворе школы, меня напугали. Все они находились в отличной физической форме и крутились вокруг своей оси на левой ноге, одновременно задирая правую до уровня уха, и издавали при этом оглушительный вопль, и не какое-нибудь там «Кия-я-я!» вполсилы, а настоящий кровожадный военный клич убийц-головорезов, которые слаженно отработывали удар ногой.

Я не рискнула выходить из машины и в безопасности дожидалась, пока придет госпожа Ван из отдела по работе с иностранными учащимися, стараясь никого ненароком не разозлить. В этой школе, самой крупной в Шаолине, обучались семь тысяч человек. Даже на спортивной площадке, где нормальные дети бездельничают или играют в футбол, эти прыгали, боролись, боксировали, причем с такими воинственными выражениями лиц, что заставили бы любого нервного наблюдателя затрепетать от страха. Все ученики были одеты в красные спортивные куртки, черные штаны и белые кеды, и в классы они маршировали не с ранцами, набитыми учебниками, а с мечами и палками.

Искусство *кун-фу* зародилось в монастыре Шаолинь, который находился чуть дальше по этой же дороге. В шестом веке нашей эры индийский монах по имени Бодхидхарма (что в переводе значит «Учение о просветлении») приехал в Шаолинь, где монахи по приказу императора переводили священные тексты с санскрита. Сначала настоятель монастыря отказался принять гостя, и тот отправился медитировать в пещеру, расположенную

поблизости. Видимо, он так напряженно всматривался в стену пещеры, что прожег ее взглядом. Монахи оценили пылкую веру Бодхидхармы и разрешили ему пожить в Шаолине.

Бодхидхарма обнаружил, что монахи, большую часть дня корпевшие над переводами, слишком слабы, чтобы эффективно медитировать, и тогда он разработал ряд упражнений, которые должны были придать им сил и заставить циркулировать жизненную энергию. Шаолинь славился на всю страну, и сюда приезжали медитировать вышедшие на покой полководцы, которые являлись специалистами в боевых искусствах. В конце концов, с их помощью упражнения Бодхидхармы превратились в целую систему, которую передавали из поколения в поколение, и так вплоть до шестилеток, размахивающих сейчас ногами на спортплощадке.

Я с нетерпением ждала, когда начнутся занятия. Я редко кому признаюсь в этом, но вообще-то очень люблю боевики, в которых демонстрируют восточные единоборства, правда, не за жестокость, а скорее за изящную хореографию. Стыдно сказать, но я хохотала, как ненормальная, когда смотрела «Убить Билла», получая удовольствие от созерцания мордобоя, сломанных конечностей и фонтанов искусственной крови. А знаете, о чем я мечтаю? Прикупить себе спортивный костюмчик канареечного цвета, как у Умы Турман.

Откровенно говоря, Ума мастерски владеет самурайским мечом, мне до нее о-о-о-ой как далеко. Тем не менее, было бы неплохо выходить из затруднительных положений, вылетев из-за стола и пару раз пнув противника по жизненно важным органам. Мне понравилось то, что я увидела на спортивной площадке. Дети выглядели так, словно каждый из них мог уложить на месте группу взрослых мужиков. У меня был всего один день на освоение новых приемчиков, так что, возможно, подобных высот я и не достигну. Вряд ли я смогу взбегать по вертикальным стенам, как герои фильма «Крадущийся тигр, затаившийся дракон», или опрокидывать носком ноги чашку с кофе, как Ума, но я надеялась научиться правильно дать обидчику по носу.

Мои размышления прервала госпожа Ван, которая отвела меня к тренеру.

— Один день? — переспросил Шоуянь. — Ты хочешь изучать *кун-фу* всего один день?!

Парень нахмурился. Сам он, выпускник местной школы, напряженно тренировался изо дня в день вот уже много лет. Шоуянь пожал плечами.

— Хорошо, я научу тебя базовым приемам.

Мы прошли в зал, где тренировались иностранные учащиеся. Два других иностранца уже приступили к своим ежедневным занятиям. Японец кувырчался через голову по периметру зала, а у окна американец с побритой налысо головой в белой свободной пижаме орал как резанный, пока тренер пытался добиться гибкости от его негнущихся американских конечностей. Я задумалась, насколько больно будет обучаться «базовым приемам».

— Бегай по залу кругами! — скомандовал Шоуянь.

Ну, учитывая все увиденное, бег трусцой не самое плохое, что со мной могли сделать. Я довольно долго бегала по залу, пыхла, но не жаловалась. Шоуянь тем временем разминался посреди зала: сначала завязывал конечности чуть ли не узлом, потом распрямился и играючи поднял прямую ногу, коснувшись коленом уха. Даже в мешковатых спортивных штанах и темно-синей футболке он казался очень стройным, если не сказать тощим. Сложно было предположить, что у него железные мускулы, но что-то в суровом выражении лица и решительно сжатых губах подсказывало противнику: с этим парнем не стоит связываться.

Американец продолжал подвывать у окна. Теперь он лежал на спине на матах, а безжалостный самодовольный тренер с силой сгибал вытянутые ноги несчастного ученика так, чтобы они коснулись лица, и давил при этом всем своим весом. В глубине души я надеялась, что мне ничего не угрожает, и я продолжу спокойно бегать по периметру зала. Может быть, Шоуянь и вовсе забыл о моем существовании.

Не тут-то было. Минут через пятнадцать он велел мне остановиться и подозвал к себе. Пришла пора попыток растяжками, причем не как в йоге, медленно, нежно и печально, о, нет,

кун-фу не предполагает таких сюсюканий. Если моя грудная клетка не касалась коленей, Шоуянь с силой пихал меня в спину, пока не добивался желаемого результата.

— Я не могу, — проблеяла я, пока тренер пытался вывернуть мои конечности.

Шоуянь нахмурился. В его лексиконе такое словосочетание отсутствовало. Он смутился и снова надавил на мои бедные ножки всем своим весом. Казалось, парень не в силах смириться с тем фактом, что я физически не могу так согнуться. Нормальных учеников здесь просто заставляют сесть на шпагат через «не могу». К моему облегчению, Шоуянь взглянул на мои слабые ноги с сомнением, а потом предложил пойти дальше.

Мне предстояло научиться самым простым приемам — прыжкам, пинкам, ударам кулаком и блокам. Не так уж много для одного дня. Однако вскоре оказалось, что у меня серьезные проблемы; взгляд не достаточно горящий, запястья слишком высоко, а руки слишком низко. *Кун-фу* — это точная наука, и это относится даже к ее азам. Прыжок вперед у меня получался просто отвратительно, потому что я физически не могла вытянуть ноги, как требовалось.

— Еще! — командовал Шоуянь.

Я прыгала снова.

— Нет! Нога слишком низко. Еще! Все сначала!

Я снова вставала лицом к тренеру, утыкала кулаки в бока и делала лицо посвирепее, тарасила глаза, прыгала вперед, ударяя кулаком в пустоту так, словно хотела проломить череп воображаемому противнику и отбросить его куда-нибудь на другой континент.

— Нет! Запястье слишком высоко! Еще раз! — рявкал тренер. — Еще раз! — снова орал он. Снова и снова, и снова.

Если быть до конца честной, то мне уже немного поднадоело. Я торчала в зале целых три часа, но не смогла освоить толком даже первую стойку. Более того, когда моему телу не удалось добиться от тренера ни единого слова похвалы, мозг тоже расслабился, превратившись в кисель. Чем чаще я слышала окрики Шоуяня, тем меньше из его объяснений я помнила. Вскоре я вместо того, чтобы исправить ошибку, повторяла упражнение еще хуже, чем в прошлый раз. Я ставила блок вместо того, чтобы наносить удар, прыгала вперед, когда нужно было отскочить, перевирала все движения, путаясь в собственных руках и ногах. Шоуянь заметно приуныл.

— Давайте передохнем десять минут, — предложила я.

Вздумай обычный ученик диктовать учителю, когда ему отдыхать, он был бы жестоко наказан за подобное нарушение субординации. В школе *кун-фу* все основано на дисциплине, без этого здесь никуда. Ходит множество легенд о том, как совсем маленьких деток заставляют стоять в причудливых позах с тарелками на голове и избивают, если тарелка упадет, хотя должна признаться: лично я ничего такого не видела. Когда я потребовала устроить перерыв, то Шоуянь удивился, но возражать не стал. Даже он понял, что я — безнадежный случай. Я собиралась пробыть в школе всего один день, так что тратить на меня столько усилий казалось тренеру бессмысленным.

Я присела на скамейку у стены и заговорила с американцем. Он тренировался здесь уже два месяца, а японец, по его словам, хотел стать звездой боевиков. Если верить американцу, то я еще легко отделалась, поскольку он провел первые две недели, занимаясь по четыре часа в день, оттачивая базовую стойку. Мы пришли к выводу, что вся проблема в том, что наши бедные западные мозги просто не приспособлены для подобного механического запоминания. Китайцев чуть ли не с рождения заставляют методично повторять материал, пока от зубов не станет отскакивать, и помалкивать. В нашей культуре детей воспитывают другим образом. Китаец, если ему велят выйти за рамки привычной модели, впадет в панику, а у меня, наоборот, мозг расплавился через два часа однообразных повторений.

А в другом конце зала японец явно делал успехи. Он летал туда-сюда, с силой рассекая воздух, и издавал крики, от которых кровь стыла в жилах. За окном группа детей крутилась на одной ножке, нанося убийственные удары воображаемым противникам. Ученики постарше тягали штанги, а несколько мальчиков лет семи учились боксировать, другие

садились на поперечный и продольный шпагат, даже не охнув.

Возможно, дети старались, поскольку понимали, на какие жертвы пришлось пойти родным, чтобы отправить их в престижную школу. Обучение тут, как объяснил Шоуянь, стоило от восьми до десяти тысяч юаней в год. Для большинства китайских семей это огромная сумма. Время здесь равномерно разделено между обычными уроками и занятиями по *кун-фу*. После окончания школы лучшие ученики могут остаться преподавать, другие идут работать охранниками или полицейскими или же просто возвращаются домой помогать родителям по хозяйству. Мало кто станет новым Брюсом Ли или Джеки Чаном. Даже Шоуянь, которого пригласили работать тренером, не ждал многого от жизни.

— *Кун-фу* это еще не все, — сказал он, сидя на скамейке и угрюмо глядя на деревянный пол спортзала.

Как выяснилось, мой тренер родился в маленьком городке в провинции Аньхуэй в семи часах езды отсюда, теперь он занимал койку в крошечной комнатке прямо за стеной этого спортзала. Платили мало, но он больше ничего не умел.

Плотно пообедав в местной столовой рисом и овощами, я вернулась в спортзал и стала отрабатывать разнообразные удары ногой ‒ из стороны в сторону, изнутри наружу, а также так называемый удар полумесяцем, а потом мы вернулись к базовым выпадам и ударам. Снова и снова. Снова и снова.

Согласно популярному мифу, Шаолинь дал прибежище не только гибким монахам. Здесь же зародилась еще одна печально знаменитая тайная армия, которая предпочитала более кровавые методы, чем удары кулаком, например, вонзить оппоненту кухонный нож в спину. Триста лет тому назад предки сегодняшних монахов стали первыми китайскими «*триадами*».

Легенда гласит, что в начале восемнадцатого века монгольские племена восстали против правления династии Цин. Шаолиньские монахи были настоящими экспертами в военном деле, они рвались применить свои знания на практике и предложили императору помощь в усмирении бунтовщиков, и через несколько месяцев, в прямом смысле слова надрав восставшим задницы, вернулись ко двору с победой. Император на радостях предложил им титулы и должности, но монахи отказались, предпочтя привычный монастырский уклад светской жизни. Правда, перед тем, как уехать, монахи умудрились насолить одному из советников императора, и тот, разозлившись, что Сын Неба так обласкал невестку кого (и, скорее всего, завидуя кубикам на их прессе), внушил императору, что монахи представляют угрозу официальной власти, а от должностей они отказались только потому, что планируют свергнуть законного правителя. В итоге советник убедил послать в монастырь войска. Поскольку в бою монахи превосходили императорские войска, то было принято самое простое, но действенное решение — сжечь монастырь дотла.

Уцелела лишь горстка монахов. Войска продолжали преследовать их, и через какое-то время монахов осталось всего пятеро. Они решили, что будут меньше бросаться в глаза, если разойдутся, так что каждый из пяти пошел своей дорогой, но все как один горели ненавистью к правящему дому. Эти пятеро монахов, путешествуя по просторам Китая, создали тайные общества, они обучали боевым искусствам и строили планы, как отомстить императору, разрушившему их родной монастырь. Они известны в истории «*триад*» как Пять Отцов-Основателей, и по сей день тайные общества повторяют их лозунг: «Свергнуть Цин, восстановить Мин».

Шли годы. Династия Цин пала, Шаолинь же отстроили заново, правда в 1920-х снова сожгли, а во времена «Культурной революции» и вовсе объявили вне закона. Монахи приходили и уходили. А «*триады*» тем временем всю развернули преступную деятельность, поскольку их члены горели желанием быстро заработать деньги нечестными способами. Религиозный и политический символизм, который члены «*триад*» использовали в своих церемониях, стал чисто ритуальным, поскольку теперь их в основном интересовали более прибыльные вещи — шантаж, отмывание денег, контрабанда наркотиков, подделка денег и проституция. К началу двадцатого века, когда династия Цин пала и в стране

воцарился хаос, «триады» обладали огромной властью, а боссы «*триад*», такие как Рябой Хуан и Большеухий Ду, стали в Шанхае полумифическими персонажами.

Илона Ральф Сьюз в своей книге «Плавник акулы» (*Ilona Ralf Sues «Shark's Fin and Millet»*) так вспоминала встречу с Большеухим Ду в 1930-х годах: «У него действительно были огромные уши и жестоко изогнутые губы, которые не скрывали желтые разрушенные зубы, а хилая фигура выдавала наркомана...

Я никогда не видела таких глаз, настолько темных, что казалось, будто у них нет зрачков. Взгляд у него был ничего не выражающий, словно передо мной труп, а не живой человек. Мистер Ду подал мне дряблую холодную руку, костлявую, с длинными ногтями, коричневыми от опиума».

Этого же человека описывал и Стерлинг Сигрейв (*Sterling Seagrave «The Soong Dynasty»*): «Отличительными чертами Ду были бритая налысо голова и огромные уши, которые торчали, словно два древесных гриба. Одутловатое лицо напоминало мешок с картошкой — результат драк в детстве. Челюсть так сильно выдавалась вперед, что Ду не мог толком сжать губы. Левый глаз подергивался, придавая лицу похотливое выражение».

Кристофер Ишервуд и У. Оден (*W. H. Auden and Christopher Isherwood «Journey to a War»*) встречались с Ду во время своего путешествия по Китаю в тридцатые годы, результатом которого стала их совместная книга «Путешествие на войну», увидевшая свет в 1939 году. Вот что они пишут: «Почему-то нам особенно пугающими показались его ноги в шелковых носках и остроносых европейских ботинках, торчавших из-под длинного халата».

Деятельность «*триад*» пронизывала всю жизнь и политику Китая, находившегося под контролем националистов, в первой половине двадцатого века.

Сам Сунь Ятсен, первый президент Китайской республики, которому Китай обязан свержением маньчжуров, являлся членом «*триады*». На самом деле, переворот в октябре 1895 года был осуществлен в основном силами «*триад*».

Чан Кайши, лидер националистов, который пытался управлять раздробленной страной после смерти Сунь Ятсена в 1925 году и вплоть до окончательной победы коммунистов в 1949-м, тоже был вовлечен в преступную деятельность. Денежные средства он получал не только от американского правительства, которое боялось коммунистов как огня, но и от торговли опиумом, шантажа и отмывания денег. Вот только после прихода к власти коммунистов подобный бизнес стал слишком опасен. Коммунисты поставили задачу ликвидировать тайные общества: членство в них в материковом Китае до сих пор карается смертной казнью. Члены «*триад*» спешно бежали в Гонконг, где уже существовала хорошо организованная сеть, или же последовали за Чан Кайши на Тайвань.

Поскольку большие деньги привлекают «*триады*», как голодных акул запах крови, то сейчас они возвращаются в Китай. А уж что касается иммигрантов, то здесь «*триады*» стали постоянными спутниками китайской диаспоры. За пределами Китая живет около шестидесяти миллионов китайцев, и «*триады*» управляют целыми империями в Лондоне, Сиднее, Нью-Йорке и Окленде.

Если честно, я не очень удивилась, узнав, что члены «*триад*» бросили занятия *кун-фу*, решив, что надежнее вонзить острый нож в спину оппоненту, хотя они не всегда прибегают к крайним мерам. Если им просто нужно предупредить кого-то и выразить недовольство, то ему всего лишь отрезают мизинец или же ограничиваются отрыванием рук.

Наверное, *кун-фу* все-таки не для меня, решила я, забираясь в теплую машину в половине пятого.

В руке я сжимала фотографию, подаренную на память Шоуянем. Снимок был сделан неделю назад: Шоуянь и его приятели кунфуисты поднимались на вершину одной из гор по соседству. На фотографии Шоуянь стоит на одной ноге на фоне ярко-голубого неба, задрав вторую ногу над головой, а пальцы свободной руки сложены в буддийском жесте, символизирующем защиту. Лицо у него спокойное, безмятежное и сконцентрированное. Со стороны кажется, словно поза не требует особых усилий и парень расслаблен, но сколько лет мучительных упражнений стоит за этой видимой простотой?

Мы покинули территорию школы и, миновав городок Дэнфэн, отправились в Чжэнчжоу, откуда мне предстояло ехать на поезде. В школе к тому времени уже закончились занятия. Ученики во множестве высыпали на улицу.

М-да. Наверняка есть какой-нибудь способ попроще стать звездой, подумала я, пока мы тряслись по очередным ухабам. После посещения школ *кун-фу* телепроекты типа «Минуты славы» кажутся просто сказкой. Зачем, спрашивается, в надежде стать новым Джеки Чаном изнурять себя тренировками, позволяя, чтобы тебя колотили как грушу и выкручивали тебе ноги и руки в немыслимых проекциях, если можно просто подать заявку на участие, потешить свое самолюбие и отдаться на милость скучающим судьям? По крайней мере, эта тропинка к славе короче.

Когда мы добрались до Чжэнчжоу, то первым делом отправились в туристическое бюро, где меня ждал некто господин Ли, любезно купивший для меня билет на поезд до Ханчжоу. Он пообещал подождать меня до половины восьмого, чтобы я успела забрать билет. Очень мило с его стороны. Не могу представить себе, чтобы кто-нибудь в Великобритании стал бы по доброй воле сидеть пару часов после окончания рабочего дня, чтобы помочь какому-то непонятному иностранцу. А китайцы часто именно так и делают. К примеру, водитель утром обыскал весь школьный двор, чтобы найти для меня госпожу Ван, а вечером, когда я зашла в ресторан поужинать перед дорогой, официантка помогла мне с багажом, а потом еще и сторожила его, пока я ходила в туалет. Как только я покинула совсем уж дикие места, люди, которые мне встречались, казалось, искренне хотели, чтобы гости увезли с собой хорошие впечатления от их страны. Они честно хотели помочь.

После ужина я снова уселась на жесткое пластиковое кресло в зале ожидания, пока вокруг давили и пихали друг друга локтями толпы пассажиров. Мне предстояла дорога в Ханчжоу, на восточное побережье Китая. Клайв, мой приятель из Гонконга, собирался приехать туда по делам на пару дней, и мы договорились встретиться завтра вечером и вместе попить пивка. Понимаю, вам, наверное, кажется безрассудством тащиться девятнадцать часов на китайском поезде, чтобы пропустить по кружке пива с другом — на самом деле, это и есть безрассудство — но я ждала этого вечера уже несколько дней.

Ко мне подседа какая-то девушка-студентка, ухватившись за возможность попрактиковаться в английском. Она тоже собиралась проделать девятнадцатичасовой путь в Ханчжоу ради собеседования.

Я спросила, а что потом? Она сразу же поедет обратно? Девушка пожала плечами. Ну, скорее всего, так оно и будет. Да, далековато бедняжке ехать на собеседование, а сама мысль о том, чтобы проделать такой долгий путь и сразу же возвращаться, показалась мне чудовищной, но времени обсуждать перипетии поездок на поезде не было, поскольку подали наш состав и мы протолкнулись через турникеты.

— Ваш вагон вон там, — сказала девушка, указав на плацкартные вагоны, а сама пошла в противоположном направлении.

Господи, подумала я, она едет в «сидячке»! В жестком вагоне! Бедняжка собирается провести девятнадцать часов среди фруктовой кожуры, яичной скорлупы и пластиковых коробок с остатками лапши, ехать сидя всю ночь, а потом еще все утро под звуки харканий и сморканий в удушающем дыму, после чего, не поспав и не приняв душ, явится на собеседование, чтобы через несколько часов повторить весь путь, но уже в обратную сторону.

Я забралась на верхнюю полку, впервые радуясь тому, что у меня есть узкая жесткая постель и подушка, наволочку на которой стирали в последний раз в лучшем случае в прошлом году. На нижней полке два бизнесмена готовились ко сну. Они сняли брюки, явив миру белые трусы по колено. Тот, который занимал полку наискосок от меня, снял заодно и рубашку. Это явно был человек, имевший достаточно денег и хорошо питавшийся, его живот каскадом ниспадал над поясом трусов. Он достал из чемодана аккуратно сложенную футболку. Все, теперь можно ложиться спать.

Забавно, насколько в этих вагонах меняются представления о приличиях. Вряд ли при

каких-то других обстоятельствах группа китайских бизнесменов покажет стриптиз, раздевшись передо мной до уродливых трусов, а здесь они оголились без всякой задней мысли, словно находились в собственной спальне и их никто не видел. Женщины, напротив, спали одетые, сняв только куртки и туфли.

Весомый Мужчина уселся на полке, спустив ноги, его живот колыхался на коленях. И тут он вытащил толстенную сигару и закурил.

Это было вопросом жизни и смерти. Если я проведу следующие девятнадцать часов в клубах едкого дыма, то, пожалуй, прибуду в Ханчжоу уже не такая здоровая и улыбающаяся. Окошко в купе было закрыто, и я не могла дотянуться до него со своей полки. Поскольку я не знала, как сказать по-китайски «Не могли бы вы приоткрыть окно», то пришлось прибегнуть к языку жестов. Я долго пялилась на китайца, пока не поймала его взгляд, поморщилась и помахала рукой перед носом, а затем ткнула пальцем в сторону окна.

Мой сосед пропустил ту часть, где я показывала на окно. Вообще-то в китайских поездах запрещено курить, поэтому Весомый Мужчина решил, что я выгоняю его дымить в тамбур. Это его не порадовало. Бизнесмен попытался рассмеяться, чтобы сгладить ситуацию — какая-то иностранная баба диктует ему, что делать, это потеря лица, — но смех вышел неискренним и коротким. Он сердито поднялся с места и прямо в трусах вышел в коридор, жестикулируя и что-то бормоча себе под нос. Я разобрала только до боли знакомое слово «*вайгожэнь*» («иностранка»), которое Весомый Мужчина периодически повторял. У меня возникло ощущение, что между этими повторами он вставлял еще по десятку ругательств, которым меня вряд ли когда-то научат на уроках китайского. Поскольку помыться после занятий *кун-фу* не было возможности, он мог, к примеру, говорить: «Чертова вонючая иностранка, приперлась тут в вагон, воняя, как бомж, я тайком закурил, чтобы хоть как-то перебить этот тошнотворный запах, а она... Вонючая иностранка!» И он, в принципе, был прав.

После этого эпизода никто в вагоне не хотел со мной говорить. Если честно, я не расстроилась. Жаль, конечно, что Весомый Мужчина принял все так близко к сердцу, но я была рада избавиться от сигаретного дыма, кроме того, меня грела мысль, что я стала персоной нон грата, а значит, никто не полезет ко мне практиковаться в английском и я смогу всю дорогу спокойно спать или читать. Я лежала с книжкой, пока бизнесмены внизу играли в карты и ужинали лапшой быстрого приготовления. Знакомая сцена!

А потом — бац! — свет погас, и вскоре все захрапели.

Было бы неплохо поваляться утром подольше, поскольку дорога предстояла дальняя, но, увы, в половине седьмого свет замигал и зажегся, а мои соседи с готовностью повскакивали с полок, чтобы поприветствовать новый день. Пассажиры энергично плескались в раковинах, установленных в обоих концах вагона, яростно растирая лица и шею полотенцами, смоченными в ледяной воде, словно очень-очень сильно запачкались, затем снова ели лапшу, играли в карты, лутили орехи, пили чай из термосов. Я позавтракала парой печенюшек и курагой и еще немного почитала.

В полдень я отправилась в вагон-ресторан пообедать. Официантка была очень любезной, она терпеливо ждала, пока я пыталась придумать, как заказать еду, и сочувственно улыбнулась, когда я плюнула на попытки объясниться и прибегла к старому трюку — стала ходить и тыкать в чужие тарелки. Мне удалось заказать себе рис, овощи и какое-то мясо. На столах лежали бело-голубые пластиковые скатерти и весьма потрепанные пластиковые салфетки, кроме этого тут же стояли алюминиевые держатели для бутылок, на которых горделиво лежали пыльные пивные бутылки. Интересный декораторский прием, ничего не скажешь. За столиками компании осушали бутылку за бутылкой, пытаясь скрасить долгое путешествие.

В чужих тарелках еда выглядела вполне сносно, но при ближайшем рассмотрении рис оказался серым и твердым, овощи безвольно плавали в какой-то черноватой жиже, как морские водоросли в борьбе за жизнь против нефтяных пятен, а вместо мяса мне принесли один жир. Я заставила себя съесть хоть немного, приказав мысленно: нельзя вставать из-за

стола, пока не съем четверть риса и половину овощей. Подцепив комок склизкого риса палочками, я запихивала его в рот, жевала и глотала. Официантка бегала по вагону, принимая заказы, задевая при этом тарелки на столах. Я смело набила рот жирными овощами и заставила себя проглотить их. Только я собиралась вернуться к пытке рисом, как вдруг рядом раздался весьма характерный звук. Я повернулась как раз вовремя, чтобы лицезреть, как мужик за столиком напротив со вкусом сморкается, и не просто сморкается, а прямо в тарелку с недоеденным рисом и овощами.

Подобное зрелище не способствует хорошему аппетиту, так что после увиденного есть расхотелось совершенно. Я вернулась в свой отсек и утешилась еще парой печенюшек, потом поднялась и отправилась в туалет. Женщина, стоявшая в очереди впереди меня, зашла, оставив в коридоре маленького сына, совсем кроху, он еще и говорить не умел. Ожидая маму, малыш повернул головку и увидел, что над ним возвышается огромное белое существо. Узенькие глазки распахнулись. Лицо исказилось от ужаса. В панике ребенок бросился к ближайшему представителю своей расы, ни в чем неповинному курильщику, оккупировавшему тамбур, и обвил его ногу ручонками. Мужчина с удивлением посмотрел вниз, их взгляды встретились, после чего ребенок поднял пухлый кулачок и заорал благим матом.

Мужчина смутился и рассмеялся. Я пожала плечами, мол, я здесь ни при чем и ничего такого не делала, а малыш продолжал верещать так, словно увидел привидение.

Его крики означали:

«Я не знаю, кто ты такая, но ты большая, белая и страшная, и ты мне ни капельки не нравишься».

Я попыталась улыбнуться как можно дружелюбнее, всем своим видом говоря:

«Ну да, я не принимала душ последние сутки, да и волосы у меня торчат во все стороны, как у пугала. Да, я голодна, но ты не волнуйся, я не стану есть маленьких мальчиков. По крайней мере, прямо сейчас».

И тут ребенок зашелся в таком диком плаче, что я, дабы не травмировать его психику, поспешила спрятаться, скрывшись из вида, пока не вернулась мать мальчика.

Глава 10

Загадочное послание

— Помню, я был здесь месяц назад, — сказал Клайв, когда мы с ним взяли по второй кружке пива, — и северо-восточный берег озера выглядел совсем не так. Все эти цветы, деревья и трава только что высажены. Мне объяснили, что планируется закончить озеленение к первому октября, но тогда здесь был просто пустырь. Я решил, что они не успеют. Надо же, успели!

Клайв много путешествовал по этой части Китая, поскольку работал на компанию, купившую франшизу у «Кока-колы», и Ханчжоу нравился ему больше всего.

Ханчжоу — современный город. Здесь есть современные торговые центры, где торгуют модными брендами и косметикой известных марок. И даже сеть кофеен «Старбакс».

Бурный рост сети «Старбакс» — показатель того, что китайская молодежь перенимает образ жизни западных потребителей. Первая кофейня этой сети открылась в Пекине в 1999 году, а к моменту моего приезда в октябре 2003 года в материковом Китае насчитывалось уже сто девятнадцать «Старбаксов», при этом китайцы жадно заглатывали биг-маки и запивали их колой со скоростью, от которой закружилась бы голова у предыдущего поколения их соотечественников, которые в голодные годы радовались тарелке пустого риса и чашке чая. С 1987 по 1997 год объем продаж кока-колы, который первоначально составлял 5,7 миллиона литров, вырос в десять раз, а еще через десять лет китайцы выпивали уже 3,5 миллиарда литров колы в год, то есть 10 миллиардов банок! Первый «Макдоналдс» открылся здесь в 1990 году, а к 2008 году корпорация планирует открыть свой тысячный ресторан. Самое забавное, создается впечатление, что китайцы относятся к этому не как к нашествию

иностранных брендов, а как к свидетельству прогресса собственной страны. В феврале 2002 года в «Нью-Йорк таймс» появилась статья, согласно которой около половины опрошенных двенадцатилетних китайских детей считают, что «Макдоналдс» — это китайский бренд.

Учитывая все вышесказанное, я решила, что будет неправильно не попробовать что-нибудь из ассортимента американского ресторана за время пребывания в Ханчжоу, так что на следующее утро я героически отказалась от завтрака в отеле (подозрительного вида пельмени с непонятной начинкой) и отправилась в местный «Старбакс». Это ужасно, но, сидя в кресле с кружкой кофе в руке и жадно вгрызаясь в странно черствый пончик с абрикосовым джемом под звуки джаза, который ненавязчиво играл где-то на заднем плане, я пребывала на седьмом небе от счастья. Я уехала из дома всего пару недель назад и пока что не столкнулась с особыми трудностями, и вот, пожалуйста, впала в экстаз при одном только виде «Старбакса». Не слишком-то стойкий из меня путешественник. Где заявленный «смелый этнографический эксперимент»? Ясно одно: придется вычеркнуть из списка потенциальных путешествий поездку на Северный полюс, а также спуск по Амазонке, поскольку ни там, ни там «Старбакс» пока не открылся. Однако в любом случае я испытала за завтраком несказанное удовольствие.

Получив заряд бодрости от кофеина, я два или три часа гуляла вдоль озера. Самым знаменитым в Ханчжоу является Западное озеро (Сиху), неоднократно воспетое поэтами. Озеро образовалось в восьмом столетии из лагуны реки, хотя по легенде появление Сиху связано с падением с небес огромной жемчужины. Живописное озеро на протяжении всей своей долгой истории притягивало к себе людей искусства, поэтов и живописцев, а недавно сюда добрались и пятизвездные отели.

Вокруг озера зеленели недавно посаженная трава и деревья. Дорожки блистали чистотой. Над озером склонялись плакучие ивы, на берегу бурно цвели цветы, рыбацкие лодочки сновали туда-сюда, на деревьях пели птички. Правда, когда я подошла поближе, то оказалось, что никаких птичек нет и в помине. Внимательно приглядевшись в надежде сквозь листву увидеть крылатые создания, открывающие маленькие клювы и поющие оду жизни, я увидела, что вместо птиц на деревьях висят огромные колонки. «Древние» пагоды, построенные три недели назад, красноречиво напомнили, что я все еще в Китае.

В траве тоже стояли колонки, на этот раз в форме декоративных грибков, из которых доносились популярные мелодии, типа «Не плачь по мне, Аргентина», и тут мне показалось, что Ханчжоу пытается передать некое загадочное политическое послание. Я находилась в коммунистической стране, но город этот с жадностью впитывал в себя капитализм в различных формах — туризма, супермаркетов, американского фаст-фуда, и все это под звуки мелодии, в которой Эндрю Ллойд Вебер приветствует крайне реакционную политику аргентинского президента Перона.

Я вернулась обратно в центр. Ханчжоу поразил меня. Он не был похож ни на один из тех китайских городов, что я увидела за две недели: там мне пришлось научиться уворачиваться от плевков и мыть руки с параноидальной частотой. Здесь же царил порядок. В местных магазинах можно было найти то, что я хотела купить. Например, я наткнулась на книжный, торговавший литературой на иностранных языках. К слову сказать, ассортимент не отличался свежестью и включал в себя глянцевого журналы полугодовой давности и несколько полок англоязычной классики, но меня грела мысль, что, если бы я захотела что-то почитать на родном языке, у меня был бы выбор, пусть и ограниченный.

Местные жители модно одевались. Этой осенью китайки носили джинсы-дудочки, подворачивая штанины, и высокие сапоги на шпильках и с заостренными носами. Женщины всех возрастов красили волосы, а также прибегали к мелированию и колорированию, например, щеголяли оранжевыми полосками на фоне черной шевелюры, некоторые не гнушались даже красным и розовым цветами. Короче, невысказанный окрас был последним писком моды.

Я изучала одежду в витринах одного из торговых центров, наблюдала за разодетыми в пух и прах стильными девушками, которые с самодовольным видом прогуливались по

магазинам, и даже посетила туалет в торговом центре. Здесь все было обустроено в европейском стиле, правда, на стульчаке красовались отпечатки грязных подошв, означавшие, что кто-то взгромоздился на него, чтобы по привычке сесть на корточки. Интересно, можно ли такое проделать на шпильках? Возможно, дама, которая оставила эти следы, обладает сказочной гибкостью и отлично развитым вестибулярным аппаратом благодаря тому, что долгие годы занималась *кун-фу*.

Я решила, что на следующий вечер сяду на паром и доплыву отсюда до Сучжоу по Великому каналу. Канал этот тянется от Ханчжоу и до Пекина, но некоторые его участки уже не судоходны. Нужно было отыскать билетную кассу. Я отправилась на север города, откуда, собственно, и начинался Великий канал, перейдя массу опасных дорог. Обратной стороной благосостояния Ханчжоу было то, что пешеход здесь подвергался даже большей опасности, чем в столице. В Пекине, по крайней мере, поток машин движется на перекрестках так медленно, что риск быть размазанным по асфальту сводится к минимуму. Здесь же проспекты широченные, в шесть, а то и в восемь полос, поскольку личное авто является самым модным аксессуаром, так что машины мчатся, как ветер. Местные жители просто перебегают дорогу под рев моторов и бибиканье водителей, не удосуживаясь посмотреть направо и налево, но это не для моих слабых нервов. Поэтому я ждала на тротуаре, пока не собиралось еще несколько человек, а затем, затесавшись между ними, галопом перебежала проезжую часть. Когда мы добирались до середины дороги, я внедрялась в толпу с другой стороны, чтобы выжить, если вдруг в нас кто-то врежется.

Через полчаса я оказалась рядом с коричневым грязным каналом, который не выглядел таким уж великим, как было заявлено в названии. На берегу дымили трубы заводов, а чуть дальше, насколько хватало глаз, тянулись высотки. У кромки воды стояли два парня в сильно поношенных костюмах. Я спросила, где можно купить билеты на паром.

— На паром? — недоверчиво переспросили они.

— Ну да, на паром до Сучжоу.

— А парома нет.

— Нет?

— Нет. Вам стоит поехать на автобусе.

Вечером я снова вернулась к озеру. Стемнело. На дорожках толкались китайские туристы, приехавшие посмотреть шоу фонтанов. Под звуки музыки струи воды окрашивались во все цвета радуги. Торговцы продавали воздушные шарики и марионеток. В изумрудной траве горели крошечные лампочки, свет которых окрашивал листву в цвет свежего лайма. На другой стороне озера поблескивали огоньками пагоды. На столиках в уличных кафешках горели свечи. Я присела за один такой столик, заказала пиво и стала наблюдать, как отдыхает новый Китай.

В тот вечер в гостиницу заселилась большая группа туристов. После ужина, когда по расписанию у них был «отдых в отеле», они бегали туда-сюда по коридору, хлопали дверьми, ходили друг к другу в гости, громко болтали и хихикали, как школьники, выехавшие на экскурсию.

Без четверти десять зазвонил телефон. Я рассказала Клайву об этих звонках. Он довольно часто останавливался в азиатских отелях, поэтому хорошо знал, что тут к чему. Оказалось, что в разных странах работники секс-индустрии используют разные эвфемизмы для обозначения своих услуг.

— На Тайване обычно спрашивают, не нужно ли тебе принести горячей воды, — объяснил мне бывалый Клайв.

Да, самое главное в этом вопросе — знать терминологию. Если кто-то позвонит мне и предложит горячей воды, то я могу опрометчиво согласиться, решив, что чашка чая не помешает.

— Проблема в том, — продолжил Клайв, — что у тебя иностранное имя, они смотрят на список постояльцев, но не знают, какого ты пола, мужчина или женщина.

Вспомнив об этом разговоре, я сняла трубку и сказала басом:

— Алло?

Трубка тут же защелкнулась женским голосом.

— Что угодно? — спросила я уже совершенно нормально. На том конце провода испугались и бросили трубку.

По совету Клайва я встала пораньше и уже к семи утра была на озере.

В то утро Сиху окутал туман. Стальная гладь воды почти сливалась с серым небом. На другом берегу за дымкой угадывались очертания холмов, словно нарисованные более темной краской. Мимо проплыла лодка, оставляя за собой серебристо-черную рябь и зыбь.

На бетонной дорожке, ведущей к озеру, пожилой китаец в черном спортивном костюме занимался гимнастикой *тайцзицюань*. Его движения были медленными и расслабленными, а выражение лица — безмятежным. Вытянув руки на ширине плеч, он медленно водил ладонями, словно управлял невидимыми марионетками, заставляя их прыгать и скользить по земле.

Около десяти человек собрались под навесом на каменной пристани. Шесть каменных колонн удерживали шестиугольную крышу с загнутыми краями. Члены группы о чем-то говорили, а их темные силуэты резко контрастировали с голубоватой дымкой над озером.

Люди расположились и в живописных садиках, разбитых вдоль берега озера. Каждый был занят чем-то своим. Шесть женщин занимались *ушу* под звуки переносного кассетного магнитофона, одна из них (видимо, тренер) была одета в свободный костюм из зеленого шелка, остальные в обычной одежде, подходящей для утренней прогулки, — брюки, свитера и куртки. Еще несколько женщин занимались аэробикой под веселую песенку, а их тренер стояла впереди и командовала, что делать.

Два пожилых китайца чуть за шестьдесят размахивали серебристыми мечами, с рукояток которых свисали яркие красные кисточки. Их движения были медленными и изящными, словно танец. Какой-то старичок занимался гимнастикой с длинным шестом, а в паре метров от него молодая женщина лет тридцати с завязанными в хвостик блестящими волосами, одетая в сиреневые шелковые брюки и рубашку с косой застежкой, оттачивала движения *тайцзи*.

На одной из дорожек какой-то парень, сгорбившись, сосредоточенно писал прямо на асфальте иероглифы водой, используя кисть на длинной ручке. Через несколько минут каллиграфия — не могу сказать, что это было, стихотворение или выражение протеста — испарялась в прямом смысле слова.

Я зашла в «Старбакс» позавтракать, заказала кофе и задумалась над десертом, но тут девушка за прилавком взяла на себя смелость помочь мне определиться с выбором.

— Возьмите вот эти, — сказала она по-английски, с гордостью указав на маленький поднос во втором ряду. — Это новые!

Сказано было таким тоном, будто речь шла о платьях прямо с подиумов Милана, а не о булочках с корицей.

— Новые? Сегодняшние? — уточнила я.

— Ага! — просияла девушка.

Днем я совершила прогулку на остров посреди озера. Туда вела довольно широкая дорога, но, тем не менее, это было спокойное место. Я гуляла по парку и наткнулась на пагоду, где музыканты играли на флейте и *эрху*, двухструнной скрипке, а певица исполняла арию.

На другой стороне острова я нашла лавочку и наблюдала, как ряды женихов и невест по очереди фотографируются на фоне Сиху. На самом деле это были ненастоящие свадебные фото, потому что никто из них сегодня не сочетался браком, свадьбы могли состояться через несколько месяцев или даже через год, фотографии были скорее модным штрихом, чтобы было чем хвастаться перед друзьями, а не попыткой увековечить счастливый день.

Пары, казалось, ждали своей очереди по несколько часов. Белоснежные платья невест блестели, а сами невесты потели под слоями макияжа. Девушки сидели неподвижно, как восковые куклы: одно неловкое движение, и весь процесс насмарку, не дай бог, тушь поплывет или тени осыплются. Женихи же ерзали в костюмах, взятых напрокат, словно рыба, бьющаяся на прилавке.

Но, тем не менее, они ждали, причем молча, и казались при этом сердитыми, усталыми и совершенно неромантичными. И вот, наконец, подходила их очередь. Счастливики поднимались и усаживались под дерево, листва которого меняла свой цвет с оранжевого на огненно-красный. Псевдоновобранцы на несколько секунд брали друг друга за руки и нежно улыбались. Щелк! Следующие!

Я вспомнила субботний вечер в Гонконге вскоре после моего приезда. Мой приятель-англичанин женился на китайке и пригласил меня на свадьбу. Мы ели молочного поросенка с вишенками вместо глаз. Никаких тебе речей и тостов. Вместо этого молодые стояли на небольшом подиуме в центре зала и выполняли смешные задания. Для начала невесте предстояло без помощи рук перекатить яблоко из одной штанины жениха в другую. А жениху нужно было, опять же без помощи рук, съесть две булочки, связанные ниткой, которые висели на груди невесты. Мучительное испытание, особенно в присутствии собственной бабушки.

Я выписалась из отеля. Несмотря на то, что накануне найти кассу, торговавшую билетами на паром, не удалось, оказалось, что паром все же существует. Бизнес-центр отеля забронировал для меня билеты без проблем. Надо было сразу спросить у них. Девушка-администратор поинтересовалась, хочу ли я плыть в четырехместной каюте или в двухместной. Я спросила, много ли будет народу. Если честно, я бы предпочла купить билет в двухместную каюту, вдруг мне повезет, и второй пассажир так и не объявится. С другой стороны, не очень-то приятно быть запертой в тесной каюте с совершенно незнакомым человеком. Девушка заверила меня, что народу будет мало, и как-то странно рассмеялась. Определенно, паром не пользовался бешеной популярностью и не входил в число модных способов добраться до Сучжоу. С какой стати уважающий себя человек будет тринадцать часов плыть на старой ржавой посудине, если можно всего за пять часов добраться до пункта назначения в комфортабельном автобусе с кондиционером?

— Я попрошу, чтобы вам выделили отдельную каюту, — сказала девушка.

Я взяла такси до пристани, которая, как оказалось, располагалась неподалеку от той набережной, где я побывала вчера. После пары дней в Ханчжоу, вкусной еды и нескольких литров кофе я расслабилась. Расплатившись с таксистом, я прошла в зал ожидания. Пребывая в отличном настроении, я с нетерпением ждала, как поплыву, уединившись в уютной каюте.

Глава 11

Вечер в приятном обществе

В мою каюту ввалился мордатый парень, похожий на быка, с глазами навывкате, и радостно плюхнул сумку на нижнюю койку. Я с тревогой вскинула голову. Ай-ай-ай, это не входило в мои планы! Я пришла заранее, нашла свою каюту, заняла верхнюю койку, а потом уселась в кресло в дальнем углу каюты и начала спокойно читать. И не нужны мне никакие попутчики!

— *Ни хао* . Здравствуйте, — парень нервно улыбнулся. Он снял ботинки и аккуратно поставил их под кровать, надев на ноги в темно-серых носках белые махровые тапочки, которые извлек из сумки.

— *Ни хао* , — вздохнула я. Мистер Тапочки посмотрел на меня с волнением и скрылся в коридоре, а через пару минут вернулся вместе с другом.

— *Ни хао* , — сказал тот.

— *Ни хао* , — эхом отозвалась я.

Друг Мистера Тапочки был одет в военную форму оливкового цвета. Он присел на нижнюю полку, а его толстомордый компаньон занял второе кресло.

— Мой друг служит в НОА⁷, — сообщил мой новоиспеченный сосед по каюте. Он говорил на английском с ужасным акцентом, показывая при этом на военную форму и застенчиво улыбаясь.

— Я вижу, — улыбнулась я.

Друг был маленького росточка, но довольно упитанный, со вздернутым носом, в маленьких круглых очечках и с армейской стрижкой. Форменные брюки цвета хаки были велики ему на пару размеров, поэтому на талии он затянул их черным пластиковым поясом.

— А как вас зовут? — спросил солдат.

— Полли.

— А что это значит?

— Ничего.

— Неужели совсем ничего?

Судя по всему, мои собеседники ужасно удивились, узнав, что человек может носить ничего не значащее имя, и обсудили это между собой на китайском.

— А вас как зовут? — поинтересовалась я у соседа по каюте.

— Мое имя по-английски значит «Бык», а моего друга в переводе зовут Герой. Мы оба солдаты НОА.

Вскоре я успокоилась, узнав, что Герой едет с женой в соседней каюте, так что вряд ли Бык в тапочках ночью забьет меня насмерть термосом; более того, попутчик мне даже начал нравиться. А забавно: Быку как нельзя лучше подходило его имя, да и его приятель в военной форме с говорящим именем Герой — это тоже в точку.

Как выяснилось, Бык и Герой жили в Пекине. Оба сейчас в отпуске: побывали в Ханчжоу, а теперь вот отправились в Сучжоу.

— А почему на вас военная форма, если вы в отпуске? — спросила я у Героя.

Они с Быком опять о чем-то зашептались, а потом Герой ответил:

— А я сегодня был на службе.

Мне показалось, что Герой лучше владеет английским, чем его товарищ.

— А почему вы плывете на пароме, а не едете на экспрессе? — задала я следующий вопрос.

Герой терпеливо улыбнулся, как улыбаются несмышленным детям, и принялся объяснять таким тоном, как если бы говорил с дауном.

— Понимаете, Великий канал — это история. — Он помолчал немного, восторженно глядя на грязно-коричневую гладь воды. — Вы знаете, когда его прорыли?

— Э-э-э... — Вообще-то я что-то читала в путеводителе, но все позабыла.

— Великий канал — самый старый и самый длинный канал в мире, — назидательно сообщил Герой и кивнул, довольный собой. — И его первый отрезок был построен... — тут он замолчал и подумал немного, — в пятом веке до нашей эры, а потом во времена правления династии Суй император Янди расширил его.

Точно, я ведь видела портреты этого императора, правившего примерно полторы тысячи лет назад: решительный мужик с суровым взглядом в черном халате, его лицо на картине казалось удивительно плоским, а по обе стороны рта свисали длиннющие усы. За его спиной художник изобразил двух придворных, которые выглядели крайне затюканными.

Герой забыл упомянуть, что император Янди был тот еще фрукт, ибо испытывал неумную тягу к спиртному и женщинам. Когда он путешествовал по воде, то его лодки, наверное, еле тащились из-за обилия юных красавиц на борту.

⁷ Народно-Освободительная армия Китая

А еще Герой умолчал о том, что один из придворных, руководивших строительством канала, по имени Ма Шумоу, по легенде, съедал каждый день двухлетнего ребенка. Не знаю, правда ли это или пустые рассказы, но одно понятно — канал дорого обошелся подданным императора. На строительстве были задействованы пять миллионов человек. Трудности, сопряженные с чисто техническим воплощением грандиозной задумки императора, вкупе с несколькими военными кампаниями сделали императора крайне непопулярным. В итоге в 618 году, когда Янди исполнилось пятьдесят лет, его убил собственный слуга. Пожалуй, императору стоило бы обратить внимание, с какими мрачными рожами слуги изображены на портрете.

В начале двадцатого века миссионеры добирались по Великому каналу до первого пункта назначения по пути на гору Могань, что в шестидесяти километрах от Ханчжоу. В их мемуарах описывается прохладная свежесть и то, как они окунали ноги в холодную воду, пока слуги усердно работали веслами, и лодка плыла мимо заливных полей и рыбацких джонок.

Времена изменились.

Ночью на канал спустился густой туман. К несчастью, каюта, которую я делила с Быком, располагалась ближе всего к рулевой рубке, а следовательно, к туманному горну. Это такая штука, которая должна была оповещать другие суда, что мы с Быком плывем им навстречу.

— Уууууууууу! — громкий гул врывался в мой сон.

Я просыпалась, но через некоторое время снова засыпала, и тут раздавалось очередное «у-у-у-у-уууууууу». В ночной тишине звук казался неестественно громким. Откуда-то издали нам отвечали другие корабли. И опять становилось тихо. Я снова проваливалась в сон под монотонное жужжание мотора и снова просыпалась через пару минут под неизменное «у-у-у-у-уууууууууууууууууууууууу!».

На следующее утро на канале было не протолкнуться, хотя накануне, до того, как сгустилась темнота, мы казались там единственным судном. Теперь же кругом теснились суда и суденышки разного калибра, которые выплевывали в небо клубы дыма. Некоторые были раскрашены в яркие цвета — бирюзовый, желтый, оливковый и оранжевый, правда, краска местами облупилась. В головной части перевозили грузы, а в задней порой жили целые семьи. Некоторые суда перевозили кучи ящиков с бутылками, другие — горы угля. Иногда несколько лодок были привязаны друг к другу и двигались в связке. Периодически я замечала одинокие фигуры, мужчин или женщин в теплой одежде, которые вглядывались в пасмурное утро или попивали чай из термоса.

— Некоторые семьи так и живут на воде, — объяснил Герой. — Даже целые общины.

Он по-прежнему был в военной форме. Скорее всего, на ночь он ее снимал, поэтому тот факт, что сегодня Герой не стал переодеваться в гражданскую одежду, поставил под сомнение его вчерашнюю отговорку. Мне это показалось странным. Вряд ли у этого парня нет другой одежды, раз он может позволить себе поехать в отпуск, да еще и оплатить двухместную каюту. Так что наверняка мог бы наскрести денег и на новые брюки. Может, просто его жена питает слабость к мужчинам в военной форме?

По мере того, как мы приближались к городу, вода воняла все сильнее и сильнее. Герой вздохнул:

— В Лондоне реки, небось, так не воняют, да?

Я согласилась, что обычно у нас так сильно не пахнет.

Герой продолжил:

— А вода у вас там, наверное, голубая и прозрачная, да?

Когда я сказала, что Темза такого же мерзко-коричневого цвета, как и Великий канал, бедняга так погрузился, словно я разбила вдребезги его мечту об идеальной реке.

Мы прибыли в Сучжоу с четырехчасовым опозданием из-за тумана, в одиннадцать вместо семи. Тем не менее, у меня была целая куча времени — вполне успею заселиться в

отель и потом погулять по зеленому городу. В отличие от Ханчжоу здесь деревья были по-настоящему старыми, а на их ветвях пели настоящие птицы. Я села за столик в маленьком кафе, где услужливая улыбающаяся официантка тут же принесла мне дымящуюся чашку вкуснейших пельменей со шпинатом и свининой и чайник зеленого чая.

Я решила привезти домой китайские чайники, только не абы какие, а самые лучшие. Самые известные чайники производят в Исине, примерно в сотне километров от Сучжоу. Говорят, что в старинный чайник из Исина можно просто налить кипятка, и все равно получится вкуснейший чай, так что я решила приобрести настоящий чайник, а не такой, которыми завалены сувенирные лавки в расчете на легковых туристов, поэтому я отправилась в самое сердце индустрии по производству чайников — в Исин.

Легенда гласит, что китайцы впервые попробовали чай около пяти тысяч лет назад. Император Шэнь Нун (в переводе «Божественный земледелец») был очень наблюдательным человеком: он подметил, что пить кипяченую воду полезнее для здоровья. Однажды во время путешествия он остановился перекусить. Слуги стали кипятить воду, и тут в чайник упало несколько сухих листочков, отчего жидкость окрасилась в желтый цвет. Император заинтересовался новым напитком и обнаружил, что он обладает тонизирующим свойством.

Если верить другой легенде, родоначальником чая является уже знакомый нам монах Бодхидхарма, тот самый, который приехал в монастырь Шаолинь и прожигал взглядом стены в пещере. Якобы однажды Бодхидхарма обрезал себе ресницы, чтобы не заснуть во время медитации, и в том месте, куда упали его ресницы, вырос первый чайный куст.

Как бы то ни было, чай, который в Китае называют «ча», постепенно приобрел популярность. В восьмом веке нашей эры некто по имени Лу Юй даже написал целый трактат в трех томах, посвященный искусству чаепития, «*Ча цзин*».

Англия услышала о новом напитке несколько веков спустя, только в середине семнадцатого века, но впоследствии англичане пристрастились к чаю настолько, что это сыграло немаловажную роль в отношениях между двумя странами. Импорт сундуков с чаем привел к торговому дисбалансу, который, в свою очередь, стал причиной опиумных войн. Да, невинный сухой листочек, нечаянно залетевший в чашку Шэнь Нуна, навел в истории такого шороху, что императору и в страшном сне не могло присниться. Однако бог с ним с императором, надо и себя пожалеть. После той ужасной поездки на Утай Шань я больше не ездила на китайских автобусах, а сегодня мне предстояло сделать пять (!) пересадок (и это не считая такси), и все для того лишь, чтобы выпить потом чашку хорошего чая из настоящего чайника.

В первом автобусе, который отвез меня из Сучжоу в Уси, имелся кондиционер, и я ехала с комфортом. Настроение поднялось. Возможно, в прошлый раз мне просто не повезло и печальный опыт поездки из Утай Шань до Тайюаня — это исключение, а в большинстве китайских автобусов есть нормальная вентиляция. Может быть, «Сэм Хун — веселый дух» — это плод моего воспаленного воображения из-за отравления никотином? Через два часа я прибыла в Уси.

И дальше все пошло как кривое колесо, хотя могло быть и хуже, если бы добрые пассажиры не подлетели ко мне, когда я села не в тот автобус, не подхватили меня и мой багаж и не дали мне уехать на другой конец страны и пропасть там без вести. Нужный мне автобус оказался набит битком и громыхал так, будто вот-вот развалится на части, дорога заняла два часа, а я до сих пор так и не добралась до столицы чайников. Мне предстоял еще один короткий переезд в Диншань. Выйдя из здания автовокзала, я стала искать третий автобус, но меня тут же окружили зазывалы.

— Нету, нету, — отвечали они на мои вопросы о наличии общественного транспорта. — Поедем на нашей машине. — И задирали цену чуть ли не до неба.

— Не, автобуса нету, — вторили им случайные прохожие, видимо, желая присоединиться к охоте на иностранку.

Настырные зазывалы пристали ко мне как банный лист. Среди них был один мужчина

лет сорока-сорока пяти. Тощий, как скелет. Его ключицы торчали под тонкой кожей, усеянной родимыми пятнами, словно палочки для еды, брошенные на тарелку, по которой разбрызган соевый соус, а голова со впалыми щеками покачивалась на тонкой, как у цыпленка, шейке. Он что-то орал на китайском прямо мне в ухо.

Я попыталась потихоньку смыться от него. Не тут-то было. Какая-то пухлая бабища, казавшаяся еще толще на фоне своего тощего коллеги, заржала как лошадь и вцепилась мне в руку железной хваткой. Я с трудом вырвалась и, отказавшись от мысли ехать на автобусе, сбежала от них на лицензированном такси. В итоге через четыре с половиной часа пути я добралась-таки до Диншаня.

Очень скоро я с грустью выяснила, что Диншань — это грязная дыра по обе стороны безликой автострады; правда, кругом виднелись груды или даже небольшие горы керамических изделий: маленькие чайнички, малюсенькие чайнички и совсем уж крошечные чайнички. Похоже, на продолжительное чаепитие рассчитывать нечего.

Чуть поодаль от автострады на грязной площади торговали с лотков керамикой всех цветов и форм: глянцевые цветочные горшки, фаянс, яркие кружки, кракелированные вазы «под старину», кофейные сервизы, глубокие и мелкие тарелки. Около часа я просто бродила и смотрела на эту красоту. Такое впечатление, что сегодня у всех прочих иностранцев кроме меня хватило ума сюда не ехать. Время от времени мне попадались и другие зеваки, бродившие вдоль торговых рядов, но никто ничего не покупал.

Я подумала, что в таком случае владельцы лавок будут рады потенциальному клиенту, но они на меня не обращали никакого внимания, или, может быть, удивились моему появлению настолько, что лишились дара речи (правда, непонятно, почему в таком случае они не отложили в сторону чашки с лапшой, которую продолжали молча поедать).

Я выбирала чайники около часа, обращая внимание на множество параметров: ширину, форму крышечки, а еще надо было убедиться, что они глиняные и ничем не покрашены — я читала, что это все и есть составляющие качества. Наконец-то миссия завершена. Больше делать в Диншане было нечего, так что я снова села в старый скрипучий автобус и поехала обратно в Исин.

На автовокзале мне даже не пришлось ждать вместе с другими пассажирами. Возможно, служащий автовокзала присутствовал при моей попытке сесть в Уси не на тот автобус. Как бы то ни было, в этот раз он не оставил мне ни единого шанса ошибиться, поскольку еще до того, как турникеты стали пропускать пассажиров, едущих тем же рейсом, лично отвел меня в автобус и заботливо усадил у окна, потом что-то сказал водителю, и тот кивнул и дружелюбно мне улыбнулся. Я не поняла, что именно сказал мой благодетель, небось, что-нибудь вроде: «Очередная бледнолицая, страдающая географическим кретинизмом. Ты присмотри за ней, ладно?»

Все искренне старались мне помочь. Благодаря заботе сотрудника автовокзала и под присмотром водителя, я добралась до Уси, где сделала последнюю на сегодня пересадку на автобус до Сучжоу. Это был вонючий загазованный автобус, который каждые две-три минуты останавливался, чтобы подобрать желающих сесть или высадить кого-то. Через полчаса в автобус вошли две бабульки с котомками, причем одной из них было хорошо за восемьдесят. Поскольку свободных мест не было, то они уселись прямо на полу и оттуда вступили в перепалку с кондуктором.

Я решила, что они спорят из-за платы на проезд. Я не понимала слов, но, основываясь на сердитом тоне и решительных взмахх руки кондуктора, сделала вывод, что старушки пытаются сторговаться и заплатить только за один билет, раз уж им приходится сидеть на полу. Остальные пассажиры явно наслаждались сценой. Они с радостью присоединились к спору, громко выкрикивая свои комментарии и вставляя ремарки. Спор то и дело затухал, и на пару минут воцарялось молчание, а потом кто-нибудь из пассажиров снова встревал. Например, бойкий сморщенный старикашка с третьего ряда скорее всего кричал: «Нет, ты только глянь, ей же восемьдесят четыре, а она сидит на полу! Позор!» А может, он выкрикивал что-то типа: «Да бедняга, наверное, и встать-то уже не сможет, так и будет

сидеть тут до конца своих дней, а ты еще требуешь, чтоб она заплатила по полной, стыдись!»

Остальные пассажиры заливались счастливым смехом, а троица начинала спор с новой силой.

Обратная дорога заняла пять с половиной часов. Учтывая, что до Диншаня я добралась за четыре с половиной, получается, что ради пары глиняных чайничков я в общей сложности провела десять часов в китайских автобусах. Я страшно устала. Но самое ужасное, как я сейчас понимаю, это, что чайники в сувенирных лавках ничем не отличались от тех, что я приобрела. Я купила ширпотреб, самые обычные, абсолютно непримечательные чайники. Вот облом!

На следующий день я планировала поехать в Чжоучжуан, симпатичный маленький городок, изрезанный каналами и мостиками, этакую крошечную Венецию. Герой, помнится, очень рекомендовал туда съездить. Но после марафона за чайниками я не нашла в себе сил снова сесть на автобус, а вместо этого весь день гуляла по знаменитым садам Сучжоу.

Сады эти были разбиты учеными, чиновниками и торговцами, которые переехали в Сучжоу, когда во времена династии Южная Сун император в 1127 году перенес столицу в соседний Ханчжоу, а также через пару веков, когда во времена Мин императорский двор обосновался в Нанкине. Сучжоу, помимо близости к столицам, привлекал торговцев и возможностью сколотить неплохой капитал, поскольку город являлся центром производства шелка. Пока бедняки потели в душных мастерских, богатеи велели озеленять территорию вокруг их домов.

В планировке сада нужно было достичь гармонии нескольких элементов: камней, воды, деревьев. Беседки строили таким образом, чтобы прекрасный вид открывался под любым углом, где бы ты ни сел. Дорожки мостили, чтобы ученый, гулявший по саду в поисках вдохновения, мог быть спокоен за свою обувь хоть в дождь, хоть в слякоть.

Я гуляла по самому маленькому из садов, носившему название Сад Мастера Сетей (Ваншиюань), где заботливые руки довели крошечное пространство до совершенства, и по Саду Скромного Чиновника. Голубое небо отражалось в бирюзовой воде прудиков, как и крыши беседок и кроны деревьев. Гуляя по мощеным дорожкам мимо речушек, бамбуковых рощиц, пагод и каменных мостиков, я задумалась о поэтах, которые приходили сюда в ожидании музыки, и заключила, что у них были крепкие задницы. Сады эти прекрасны, спору нет, но не слишком удобны для посетителей. Сидеть здесь можно только на каменных скамейках. Да моя муза мигом задохнулась бы под гнетом тяжелых мыслей о возможности заработать геморрой. Но, может, писатели в те дни отличались более крепким здоровьем, или же они приходили сюда со своими подушками.

Несмотря на неудобные каменные скамьи, сады привели меня в полный восторг. В Саду Скромного Чиновника в огромных бело-голубых фарфоровых чашах в зеленоватой воде плескались золотые рыбки; рядом с одной такой чашей красовалась надпись на корявом английском: «Рыбки плавают, веселятся». Ха-ха, интересно, как они узнали? Чуть дальше висели клетки с говорящими скворцами. Один из них, когда я проходила мимо, поздоровался по-китайски:

— *Ни хао* .

А второй пропищал:

— Хэллоу!

Боже, даже птицы пристают с приветствиями, подумала я.

Я вернулась в отель по узким улочкам, ведущим вдоль берегов извивающихся каналов, рядом с которыми притулились потрепанные домики; их жители, как в Венеции, сушили белье прямо за окном. Здесь царил покойствие, хотя всего в паре кварталов раскинулись новые районы с неизбежными автомобильными пробками и современными торговыми центрами.

В одном из переулочков под деревянным стульчиком свернулся клубочком белый пес, чьи владельцы слишком буквально восприняли моду красить волосы — у несчастного животного уши и хвост были выкрашены в ядовито-розовый цвет.

Глава 12

Политики и мореплаватели

Когда ешь яичницу палочками, важно, чтобы яичница была хорошо прожаренной, в таком случае она достаточно плотная и ее легко ухватить. Если же вы выберете глазунью, то готовьтесь к проблемам.

На следующее утро за завтраком мне пришлось решать головоломку. Я подумала, что было бы неплохо поплотнее подкрепиться перед поездкой на автобусе в Нанкин, и заказала себе яичницу. Глазунью. Каждый раз, когда я пыталась подцепить ее палочками, непрожаренный белок выскользывает и яичница радостно плюхалась обратно на тарелку. Я решила поднести тарелку ко рту и палочками направить всю скользкую субстанцию прямым себе в глотку, но потом передумала, побоявшись, что подавлюсь огромной яичницей. В итоге я вооружилась фарфоровой ложечкой, которой обычно китайцы едят суп, и, помогая себе пальцами, расправилась с непрожаренной частью яичницы, а остаток съела при помощи палочек. Когда мои мучения, наконец, закончились, появилась официантка с ножом и вилкой.

Позднее, когда я уже сидела в автобусе до Нанкина, мне пришло в голову, что борьба с яичницей символизирует те трудности, с которыми сталкивается иностранец, путешествуя по Китаю. Здесь часто попадаешь в нелепые ситуации. И на решение самых простых задач требуется куда больше времени, чем обычно. Иногда ты кажешься со стороны смешным, но, в конце концов, наступив на горло собственной гордости, потратив немало нервных клеток и, невзирая на трудности, достигаешь цели, и как раз в этот момент на сцене появляется кто-то из местных и, улыбаясь, указывает на более легкий путь, чем тот, что ты преодолел.

Однако, похоже, боги унижения, кто бы они ни были, потешили свое самолюбие, наблюдая за моими мучениями за завтраком, и решили, что этого на сегодня будет достаточно. Так или иначе, поездка в Нанкин принесла мне огромное удовольствие. Огромный удобный автобус, оснащенный кондиционером, с ревом несся по автостраде и сделал всего одну остановку, чтобы пассажиры могли посетить туалет. В этот раз я ехала по новенькому шоссе, одному из многих, которые китайцы понастроили в последнее время, а не смотрела на него из окна, трясясь по ухабам соседней дороги. Разделительная полоса была еще девственно-белоснежной, но при всей своей внешней привлекательности автострада почему-то совершенно не привлекала других автомобилистов, так что мы неслись как ветер и через пару часов без происшествий добрались до Нанкина.

Нанкин в переводе с китайского означает «Южная столица». Этот город действительно был столицей на протяжении нескольких периодов китайской истории. Династии менялись, императоры переносили столицу с места на место. Когда в 1368 году к власти пришла династия Мин, то император распорядился сделать столицей Нанкин, и именно отсюда начинается одно из увлекательнейших путешествий по морю, но обо всем по порядку.

В древние времена жившие на юге страны китайцы активно плавали по морю, однако Конфуций считал, что путешествия в чужие земли — зло, поскольку это идет вразрез с его доктриной о семейном долге. Начиная со второго века нашей эры учение Конфуция приобрело популярность, и потому мореплавание вышло из моды на несколько столетий. Вообще-то Конфуций родился в 551 году до нашей эры, но при жизни не был особо почитаем. Он много ездил по Китаю, пропагандируя свои идеи социального порядка, но сначала к нему не очень-то прислушивались. После смерти философа увидел свет сборник его изречений «Луньюй», и основы конфуцианства стали основой образования. Так или иначе, несмотря на возражения Конфуция, к шестому веку внешняя торговля процветала, к девятому веку в Китае появились рабы из Африки, а придворные дамы носили вуали на персидский манер.

Правда, дальние морские путешествия достигли апогея при Чжу Ди, императоре династии Мин. Несмотря на все увещания советников-приверженцев идей Конфуция, Чжу

Ди распорядился создать флотилию из торговых и военных судов, и эта армада известна в истории как «драгоценный флот».

В первом десятилетии пятнадцатого века по приказу императора построили около двух тысяч кораблей. Флотилией командовал внучек Чжэн Хэ по прозвищу Сань Бао, что в переводе обозначает «три драгоценности». Он отплыл из Нанкина и бороздил моря Юго-Восточной Азии, Индии, Ближнего Востока и Африки и даже стал прототипом легендарного Синдбада-Морехода. В последнее время Чжэн Хэ приписывают и открытие Америки. Отставной британский подводник Гэвин Мензис в своей книге «1421» (*Gavin Menzies «1421»*) утверждает, что Чжэн Хэ высадился на берегах Нового Света на семьдесят один год раньше Колумба.

Евнухов использовали для службы при дворе на протяжении двух тысячелетий, вплоть до падения последней династии Цин в 1911 году, поскольку императоров всегда беспокоил вопрос чистоты крови. Считалось, что императора, или Сына Неба, выбирают боги, и он, выполняя ряд необходимых ритуалов культа предков, обеспечивает гармонию между небом и землей, так что было крайне важным, чтобы в жилах наследника текла та же кровь. Поэтому слуг оскоряли, добываясь таким вот драконовским способом гарантии того, что жены и наложницы императора от скуки не закрутят роман со слугами.

К концу имперской истории Китая евнухами чаще всего становились добровольно, поскольку евнухи, благодаря близости к правителю, могли очень неплохо устроиться в жизни. Они зачастую предлагали себя в качестве сексуальной игрушки правителям, поскольку в древнем Китае гомосексуализм не являлся чем-то из ряда вон выходящим, и становились богатыми и влиятельными людьми.

Чаще всего евнухов кастрировали еще в детстве, поскольку более всего ценились те евнухи, которым операцию производили до достижения ими десяти лет. Отцы таким образом устраивали карьеру своих сыновей. Семья мальчика получала вознаграждение, но кроме того, родственники надеялись, что их отпрыск добьется влияния при дворе и им тоже что-нибудь перепадет. Странные люди. Быть евнухом не так уж весело. Только законченный оптимист может надеяться, что мальчик, повзрослев, поблагодарит родителей за то, что они позволили дядьке с ножом отчистить ему все самое нужное. Евнухи часто не могли контролировать мочеиспускание, кроме того, их душам предстояло потом голодать в загробном мире, поскольку, по китайским представлениям, кормить души предков способен лишь потомок мужского пола, принося жертву, а тут ни о каких сыновьях не могло быть и речи.

Сам процесс кастрации ужасен. В один судьбоносный день родители отводили несчастного ребенка к так называемому «резчику», клали на кушетку и в последний раз спрашивали, согласен ли он на кастрацию, после чего привязывали, чтобы не рыпался, опаивали настойкой опиума (такое вот садистское обезболивающее) и смазывали бедняге гениталии соусом чили. Затем «резчик» с помощью миниатюрного изогнутого ножа отрезал бедному мальчику яички и половой орган как можно ближе к основанию, чтобы даже обрубка не осталась, а в мочеиспускательный канал вводилась специальная металлическая затычка. Рану перевязывали, и ребенка заставляли два-три часа ходить, потом разрешали, наконец, лечь, но не давали ему в течение трех дней пить и мочиться. Все три дня бедняга, ясное дело, испытывал сильнейшие боли. Через три дня затычку вынимали, и, если повезет, наружу вырывалась струя мочи. Это было хорошим знаком — опасность для здоровья мальчика миновала. Если же мочеиспускательный канал зарастал, то бедолага, в конце концов, умирал медленной мучительной смертью.

Яички и пенис, которые по-китайски называли «три драгоценности», хранили в специальном сосуде всю жизнь, чтобы после смерти евнуха похоронить тело «в целостности».

В другой своей книге (*Sterling Seagrave «Dragon lady»*) Стерлинг Сигрейв рассказывает об одном евнухе, жившем во времена династии Мин, который держал наложницу. Он ублажал ее другими способами и отчаянно хотел сына. Бедняга долго искал способ разрешить проблему и в конце концов познакомился с врачом, который рассказал, что у

евнуха снова отрастет пенис, если тот съест мозг семи живых человек. Евнух велел доставить к нему семерых преступников, вскрыл их черепа и съел их мозг. Вот, правда, не осталось свидетельств, сработал ли рецепт.

Чжэн Хэ стал евнухом не по собственной воле. Он родился к югу от Куньмина, в провинции Юннань, и исповедовал ислам. Еще мальчиком Чжэн Хэ попал в плен, когда китайская армия оккупировала Юннань в 1382 году. Захватчики кастрировали Чжэн Хэ.

Тогда это была обычная практика, которую применяли к пленным мальчикам. После этого Чжэн Хэ отвезли в услужение к Чжу Ди, четвертому сыну императора.

Чжу Ди был военным, поэтому Чжэн Хэ рос в походах, постепенно став доверенным лицом своего господина и его правой рукой. Обычно евнухи, которых кастрировали в детстве, вырастали женоподобными, с высокими, писклявыми голосами. Чжэн Хэ разрушил стереотипы. По свидетельствам современников, он отличался огромным ростом и крепким телосложением, горящим взглядом, белоснежными зубами и громовым голосом. К тому моменту, как в 1402 году Чжу Ди взошел на трон, его любимый евнух уже стал очень влиятельной фигурой.

В 1405 году первая флотилия под командованием Чжэн Хэ отплыла от берегов Китая. Корабли ломались от груза золота, серебра, тончайшего шелка и фарфора. Несколько лет матросы сражались с пиратами и штормами и все ради того, чтобы выменять китайские товары на специи — кардамон, корицу и куркуму из Индии, а также на красное дерево из Сиам (ныне Таиланд), эбеновое дерево и алоэ из Малакки, каучук с Суматры и многое другое.

Из Бенгала (ныне Бангладеш) «драгоценный флот» привез в подарок императору удивительное существо с длинной шеей, которое, по китайским представлениям, подходило под описание *цилиндра*, одного из четырех божественных животных, появление которого сулит благоденствие. На самом деле это был, разумеется, жираф. Когда божественное создание привезли ко двору в 1414 году, чиновники пришли в восторг, после чего жираф присоединился к «райским лошадям» (зебрам) и «райским оленям» (предположительно сернобыкам), слонам, тиграм, леопардам, попугаям и павлинам, обитавшим в императорском зоопарке во дворце Чжу Ди.

Кроме того, матросы привезли в Китай массу впечатлений — они рассказывали невероятные вещи о жизни в других странах. В Индии они видели, как вдовы сжигают себя заживо на похоронах мужей.

В Сиаме их глазам предстало другое удивительное зрелище — там всем заправляли женщины, а богатые мужчины развлекали себя диковинным образом: когда они шли, то из области гениталий раздавался странный перезвон: как потом оказалось, в Сиаме было модно вшивать металлические шарики прямо в мошонку, именно они и издавали звон при ходьбе. Помимо заморских товаров и удивительных рассказов, корабли привозили с собой официальные делегации из других стран, которые отправлялись в Нанкин поклониться императору. Иностранцев селили в специально отведенном районе, где четыреста слуг готовили еду и выполняли все их прихоти, и там им было разрешено торговать.

Чжэн Хэ отплыл в свое последнее, седьмое по счету путешествие в 1431 году, уже под покровительством внука Чжу Ди, поскольку сам Чжу Ди скончался за семь лет до этого. Флот добрался до индийской гавани Каликут, а оттуда отправился в Африку, но в пути Чжэн Хэ умер в возрасте шестидесяти двух лет. Это путешествие стало последним и для его прославленной флотилии, поскольку в 1435 году внук Чжу Ди Чжу Чжаньци умер, а следующий император счел, что казне не по карману подобные экспедиции.

Судя по всему, отношение к путешествиям по воде несильно изменилось в Китае за последующие годы. Дело в том, что я хотела проплыть по реке Янцзы от Нанкина до Шанхая. Опыт показывает, что лучше сразу подумать о следующем переезде, как только добираться до очередного населенного пункта, поскольку не сразу удастся купить билеты на нужный поезд или откопать паром.

Поэтому в Нанкине я первым делом спросила у администратора за стойкой регистрации в отеле, как забронировать билет на паром до Шанхая. Девушка в ответ захихикала и предложила поехать на поезде. Тогда я отправилась туда, где, если верить путеводителю, располагалась билетная касса, торговавшая билетами на паром, но, как выяснилось, ее снесли. Действуя по проверенной схеме, я вернулась в отель и обратилась в бизнес-центр, но там мне насмешливо сообщили, что паром больше не курсирует.

Однако я уже пробыла в Китае достаточно долго, чтобы понять: отрицательный ответ не всегда означает, что чего-то действительно нет. Китайский этикет, а порой и простое желание не усложнять себе жизнь приводят к тому, что китайцы иной раз дают не совсем правдивые или совсем не правдивые ответы. Когда иностранец попадает в Китай впервые, эта особенность их менталитета его жутко раздражает, а китайцы со своей стороны считают иностранцев грубиянами, когда те режут правду-матку.

В данном случае мне показалось подозрительным то, как именно мне говорят, что паром не курсирует: слишком уж много хихиканья и потупленных глазок. Нет бы просто авторитетно заявить: «Да паром перестал курсировать с 2002 года, когда он рассыпался на куски прямо по пути и затонул».

Я решила не сдаваться, даже обнаружив, что билетную кассу сровняли с землей, и позвонила в две турфирмы. Но там услышала практически то же самое: зачем вам плыть по вонючей реке на старой консервной банке, если можно поехать на новеньком комфортабельном поезде, причем добраться в Шанхай в четыре раза быстрее?

Ответ прост: мне хотелось почувствовать дух истории. Янцзы — самая длинная река в Китае и третья по величине в мире после Амазонки и Нила, она берет истоки в предгорьях Тибета и впадает в море чуть выше Шанхая на восточном побережье, разрезая таким образом территорию страны пополам. Несмотря на ужасы навигации, Янцзы всегда оставалась главной артерией Китая, по которой продовольствие доставлялось в глубь страны. Кроме того, эта река является важным политическим символом. В 1956 году Мао даже купался в Янцзы, и это было не просто купание. Он прыгнул в бурлящую воду, чтобы продемонстрировать свою непогрешимость и вместе с тем бросить вызов своим подчиненным. Ну, в этот раз свита Мао была готова, поскольку в том же году, но чуть раньше он без предупреждения нырнул в Жемчужную реку в Гуанчжоу, и тогда партийным бонзам пришлось раздеваться и прямо в трусах сигать в воду вслед за своим лидером.

В последнее время название «Янцзы» часто мелькает в газетных статьях из-за весьма противоречивого проекта — строящейся в Санься дамбы. Водохранилище растянется на четыре тысячи миль, под воду уйдут целые города.

Сторонники «стройки века» радостно сообщают, что Китай будет вырабатывать огромные объемы электроэнергии, что само по себе повод для ликования в стране, задыхающейся от угольного дыма. Возможности навигации улучшатся, и шесть месяцев из двенадцати в центр страны прямо из океана смогут доплывать огромные суда водоизмещением в десятки тысяч тонн. Кроме того, новая дамба защитит от наводнений, которые за последние сто лет стали причиной гибели более миллиона людей.

Но есть и куда менее восторженно настроенная публика. Экологи заявляют, что дамба нанесет непоправимый, просто катастрофический ущерб окружающей среде и обществу в целом. Из-за дамбы в реке начнут скапливаться токсины, бытовые отходы и заводские сточные воды. Более полутора миллионов человек придется переселить с насиженных мест, полностью ломая их уклад жизни. А если плотину вдруг прорвет, то это будет настоящая катастрофа. Саймон Уинчестер в своей книге «Река в центре мира» (*Simon Winchester «The River at the Centre of the World»*) даже высказывает следующую точку зрения: якобы китайские власти намеренно преувеличивают масштабы наводнений, чтобы оправдать строительство дамбы. Когда Уинчестер путешествовал вдоль Янцзы, то по радио передавали всякие ужасы о разрушениях, но сам он ничего такого не увидел.

В любом случае я не собиралась плыть до Трех ущелий, а хотела лишь проделать по воде небольшой участок пути. Мне казалось символическим прибыть в Шанхай на корабле,

как некогда приезжали туда торговцы, а покинуть город на высокоскоростном поезде на магнитной подушке, который является вершиной развития технологии в Китае.

Я добралась до порта на такси. Если паром существует, то в порту я непременно обнаружу хоть какие-то следы. Водитель высадил меня на пустынной улице на краю города, которая показалась мне необитаемой и мокрой. Пара торговцев вяло предложила купить фрукты, еще мне попала группа скучающих старичков, радостно закричавших «Хэллоу!».

Какое-то время я шла по улице в поисках шестого причала, откуда, как утверждал путеводитель, отправляется пассажирский паром. Номера с первого по пятый были обозначены цифрами, затем улица сделала крюк и уперлась в пустырь, миновав который, я оказалась на автомобильной парковке. Вдали виднелось какое-то большое здание. Вероятно, это и есть пассажирский терминал.

Я устремилась туда. Пятеро рабочих, заметив меня, завопили:

— Хэллоу!

Я остановилась и обратилась к ним на китайском:

— Есть ли паром до Шанхая?

Сначала они удивились, что странное белое существо вообще умеет разговаривать, а уж каково было их удивление, когда они поняли смысл сказанного! Эти работяги вряд ли привыкли расшифровывать, что там мяукают иностранцы, это вам не администраторы в гостиницах, с которыми я общалась в последнее время.

Повисло молчание. Они смотрели на меня, а я — на них. Потом четверо рабочих быстро повесили головы, словно марионетки, которым кукольник ослабил ниточки, и начали изучать носки своих поношенных туфель, а пятый, самый смелый, пошел в мою сторону. Его лицо напоминало гигантский плод *личжи* — красное, грубое и в мелкую крапинку.

— Нету, — сказал он прокуренным голосом и яростно помотал головой. — Есть только паромы до города Ухань.

Честно говоря, в глубине души я даже испытала облегчение. Я все еще не до конца верила, что мне говорят правду, но решила, что сделала все от меня зависящее для обнаружения парома и теперь могу с чистой совестью поехать на новеньком чистом поезде, а не на старом вонючем пароме. Сэкономленное таким образом время можно провести на Хуаншань, но перед этим я поживу пару дней в знаменитом Нанкине, пускай он уже и не является столицей Китая.

По договору, подписанному здесь в 1842 году, Гонконг отходил Великобритании, а Китай открывал свои города для иностранцев. Именно Нанкин сделали своей базой *тайпины* во время восстания в 1850 году. В марте 1853 года здесь было создано так называемое «Небесное государство великого благоденствия», которое просуществовало аж одиннадцать лет. *Тайпины* выступали под предводительством весьма интересного персонажа по имени Хун Сюцюань: он верил, что приходится младшим братом Иисусу Христу и является Сыном Божьим, поскольку однажды во сне увидел старика с золотыми волосами и молодого человека, который обратился к нему «брат» и велел изгонять демонов. Хун считал своей миссией свергнуть коррумпированную маньчжурскую династию, чтобы править «чистым» Китаем, где не будет места опиуму, алкоголю, бинтованию ног, проституции и идолопоклонничеству. Восстание охватило шестнадцать провинций. В результате погибло около двадцати миллионов человек, прежде чем в середине 1860-х годов Цины не восстановили контроль над страной.

Но и это еще не все. Нанкин печально известен как место, где чинили зверства японские захватчики. В начале 1930-х годов политическая ситуация оставалась нестабильной, и этим воспользовались японцы, оккупировавшие часть территорий вплоть до конца Второй мировой войны. В Нанкине в декабре 1937 года всего за неделю японцы убили около трех тысяч мирных жителей. В мемориальном зале, посвященном так называемой «Нанкинской резне», лежат груды скелетов, а на стенах висят фотографии, на которых главные проспекты города, где ныне блестят витрины магазинов, буквально усеяны трупами. В экспозиции выставлена даже окровавленная одежда. Моего воображения не хватало,

чтобы соотнести те жестокие убийства и сегодняшний процветающий Нанкин.

А еще в Нанкине похоронен Сунь Ятсен, в городском парке возвышаются памятная стела и мавзолей.

Сунь Ятсен много лет планировал свержение Цинской династии, но в итоге все получилось, можно сказать, случайно. В октябре 1911 года в Ухань группа недовольных офицеров, готовивших свое собственное восстание, по ошибке взорвала бомбу. У них было лишь два пути: покорно ждать ареста и жестокого наказания или же довести начатое до конца. Бунтовщики выбрали второе и в течение следующих суток взяли под контроль весь город. Случилось это в десятый день десятого месяца, и на Тайване до сих пор отмечают праздник двойной десятки. Буквально сразу же к восстанию присоединились соседние провинции, и многовековая династия Цин пала.

Что же касается Сунь Ятсена, то в этот момент его даже не было в стране, он находился в Штатах и якобы узнал о случившемся только из газет. Там же он прочел, что его рассматривают в качестве одного из претендентов на роль президента страны. В поисках поддержки Сунь Ятсен объехал Вашингтон, Лондон и Париж, но везде получил от ворот поворот. В декабре он вернулся в Нанкин. Республиканцы по-прежнему грызлись, не в состоянии выбрать президента, и кандидатура Сунь Ятсена стала компромиссным вариантом.

Спустя месяц Сунь Ятсен был вынужден оставить пост в пользу Юань Шикая, который через два года приказал арестовать своего предшественника. После фиаско второй революции Сунь Ятсен бежал в Японию. Несколько лет спустя он вернулся в Китай и был избран главой самопровозглашенного Кантонского правительства в южном Китае, хотя фактически в тот момент в стране царил анархия. После смерти Сунь Ятсена его сторонники раскололись на два непримиримых лагеря: партию Гоминьдан под руководством Чан Кайши и коммунистов. Сначала верх одержали гоминьдановцы, но после того, как в 1927 году они жестоко уничтожили пять тысяч шанхайских коммунистов, их противники собрались с силами и начали бороться за власть. Целых двадцать лет страна утопала в крови из-за стычек гоминьдановцев и коммунистов друг с другом и с оккупантами-японцами. После окончания Второй мировой японцы убралась восояси, и в 1949 году коммунистам удалось одержать окончательную победу. Верхушка Гоминьдана перебралась на Тайвань, а коммунисты контролировали материковый Китай.

Несмотря на то, что Сунь фактически не управлял объединенным Китаем, и тайваньцы, и живущие на материке китайцы считают его отцом революции, при этом оба правительства опираются на провозглашенные им три принципа республики (национализм, демократию и социализм), правда, трактовки этих принципов на Тайване и в материковом Китае сильно разнятся.

На мемориале, посвященном Сунь Ятсену, висит табличка, на которой начертаны Три Принципа. Внутри мавзолей декорирован в бело-голубой гамме, цвета Гоминьдана, поскольку гоминьдановцы во время своего правления хотели, чтобы фигура усопшего вождя ассоциировалась только с их партией. Мавзолей стал последним пристанищем для революционера, так и не успевшего толком побыть у власти. Это была попытка правящей элиты того времени заручиться поддержкой Сунь Ятсена, несмотря на то, что он умер.

Я долго-долго поднималась по широкой каменной лестнице и добралась до внушительного, но уродливого сооружения — восемьдесят тысяч квадратных метров холодного мрамора. В первом зале мраморный Сунь Ятсен с каменным (в прямом смысле слова) выражением лица сидел в кресле, а на стенах был вырезан полный текст его речи, посвященной трем великим принципам. В следующем зале располагалась сама могила с надгробием в виде усопшего вождя. На этот раз никакого трупа не было, хотя тело изначально забальзамировали и выставили в открытом гробу, правда, власти переделали Сунь Ятсена в китайский френч, который нам известен под названием «суньятсеновка». Вообще-то происходило это за полвека до смерти Мао, а бальзамировать тела тогда еще не научились, так что все закончилось тем, что останки Сунь Ятсена поместили в мраморный

гроб, к которому каждый день приходят сотни паломников.

Честно говоря, мне больше всего в Нанкине понравились не мавзолей и не музей, а маленькие зеленые человечки на светофорах на пешеходных переходах. В большинстве городов эти человечки изображаются спокойно идущими, в Нью-Йорке вообще просто загорается зеленая надпись «Идите!». Другое дело в Нанкине. Здесь зеленые лампочки яростно мигают, отчего создается впечатление, будто человечек бежит, что есть мочи. Нет, это не призыв идти. Не забывайте, что вы в Китае, а здесь через перекресток надо бежать, если тебе дорога жизнь.

Следующее утро я провела, отправляя купленные в Диншане чайники домой в двух посылках. Мне удалось раздобыть подходящие коробки в Сучжоу. Я даже сумела на языке жестов объяснить, что мне нужны «две такие маленькие штучки из полистирола», и меня поняли! Я запаковала чайники и привезла с собой в Нанкин. Оставалось только отправить их в Англию.

Администратор в отеле объяснил мне, как дойти до почтового отделения. Правда, вскоре я не там свернула и заблудилась, при этом пришлось задавать вопрос «простите, а где находится почта?» столько раз, что я отточила фразу до совершенства.

Отыскав почту, я встала в очередь и стала пробиваться вперед. Вы спрашиваете, почему пробиваться? В обычных очередях вы встали себе и стоите. Однако в Китае все куда интереснее, здесь надо толкаться, прокладывая себе дорогу локтями и плечами, кроме того, желательно обладать громким голосом, чтобы, перекрикивая всех остальных, проорать кассирше, что вы от нее хотите (при этом толпа вполне может оттеснить вас от прилавка так, что кассирша даже не увидит, с кем разговаривает).

В конце концов, мне удалось пробиться к первому окошку. Кассирша буркнула что-то невразумительное и махнула рукой в сторону второго окошка. Оказывается, я все это время стояла не в той очереди. Пришлось начинать все сначала и становиться в хвост новой очереди.

Я добралась до второго окошка, несмотря на то, что меня пару раз оттесняли особо ретивые китайцы, которые не собирались ждать полдня, пока иностранка отправит свои посылки. Там мне дали бланк, после чего велели снова отстоять очередь в первое окошко. Китайцы, как водится, опять меня долго пихали и сжимали со всех сторон, пока строгая дама в первом окошке не сжалилась и не освободила меня от моих коробочек.

Вечером я поужинала в пиццерии, которая выживала, по всей видимости, лишь благодаря иностранным студентам из местного университета. Здесь снова играли все те же хиты семидесятых. За соседним столиком белобрысый немец с клочковатой козлиной бородкой сражался с огромной тарелкой спагетти, до ужаса напоминавших его бороду. Мы разговорились. Он преподавал в Политехническом университете, где пытался обучить немецкому будущих инженеров. Первые два года студенты изучали только специальность, а на третьем курсе приступали к немецкому. Немецким они занимались каждое утро шесть дней в неделю, а три раза в неделю после обеда у них была еще и пара разговорного, после этого они ехали по обмену в Германию. Чисто китайский подход — интенсивная зубрежка, которая должна давать результаты. Я спросила, легко ли работать с китайскими студентами, на что немец ответил:

— Да, пока четко формулируешь задачу, но как только даешь студентам выбор или требуешь творческого подхода, они теряются.

На следующее утро перед тем, как сесть на ночной поезд до Хуаншань, я решила посетить еще одну местную достопримечательность — мост через Янцзы. Обычно туристов туда не возят, но этот двухъярусный мост — особая гордость коммунистов. Машины едут по верхнему ярусу, а поезда — по нижнему. Мост был спроектирован и построен исключительно китайскими специалистами, уже после того, как отношения с СССР в 1960-х испортились и русские спешно покинули Китай, прихватив с собой чертежи и схемы.

Таксист, как мне показалось, не знал, куда меня отвезти, или он просто растерялся, недоумевая, что я там забыла. Путеводитель поведал мне, что легче всего добраться до моста через парк с говорящим названием Дацяо (Большой мост). Мы выехали из центра города и долго колесили по окраинам. В конце концов, таксист, явно сомневаясь, притормозил рядом с неряшливыми воротами. Напротив, через дорогу, огромные бетонные колонны поддерживали скоростную автостраду, напоминавшую гигантского серого динозавра с колоннами вместо ног, а машины и грузовики летели по ней, словно разноцветные кровяные шарики по венам. Да, похоже, я приехала именно туда, куда нужно.

Я купила входной билет и пошла через парк. Снаружи был припаркован всего один экскурсионный автобус. Некоторое время я бродила по аллеям, не понимая, как попасть на мост, а спросить дорогу было не у кого. В конце концов, я нашла магазин, откуда можно на лифте подняться наверх, села в лифт вместе с китайскими туристами и через пару минут оказалась на смотровой площадке.

Нанкин — типичный китайский город, поэтому над ним висел такой смог, что я не могла рассмотреть противоположный берег. Мост исчезал в тумане, но в этот раз загазованность придавала картине особый колорит: сквозь серебристую дымку машины, фургоны, грузовики и автобусы медленно ползли по четырем полосам через великую реку, делившую Китай на север и юг.

А в противоположной стороне подъезд к мосту украшала архитектурная доминанта — гигантская скульптурная группа. На постаменте спина к спине стояли фигуры мужчин и женщин в торжественных позах: у некоторых были подняты руки, как у футболистов, радующихся забитому голу, другие держали винтовки наизготовку, чтобы в случае необходимости расправиться с мятежниками. И все эти персонажи были полны патриотизма и гордости за родину. Они стояли, выдвинув одну ногу вперед, словно бы готовые повести страну вперед, в светлое будущее.

В этих скульптурах, окутанных смогом, было что-то оптимистичное. Мне показалось, что это и есть воплощение современного Китая — идеализм коммунистического прошлого плечом к плечу с проблемами настоящего, от которых страна задыхается, необыкновенная решимость и чувство собственного достоинства, позволяющее воплощать подобные грандиозные проекты, не имеющие практической ценности, единство севера и юга и всепоглощающая серость.

Постояв немного на смотровой площадке, я снова села в лифт и спустилась обратно на землю.

Глава 13

Завтра солнце не взойдет

Прошла неделя с того дня, как я последний раз ночевала в китайском поезде, так что, приехав на вокзал, я приуныла при мысли о предстоящем испытании, сидя в синем пластиковом кресле в зале ожидания под тусклой люминесцентной лампой. Люди вокруг казались мне опустившимися бомжами, и хотя сама я выглядела не лучшим образом, находиться среди них почему-то не хотелось.

Когда ворота на посадку призывно запахнулись, я поучаствовала в общем веселье, пробиваясь к турникету, затем нашла свой вагон и место. Какая-то тетка, сидевшая у окна, уставилась на меня, а потом начала стучать по стеклу, как бешеная, чтобы привлечь внимание провожавших ее друзей.

«Посмотрите! — говорила она всем своим видом. — Вы только посмотрите, кто со мной едет! Иностранка!»

Я сердито зыркнула на нее, китайка вспыхнула и потупила взгляд.

Я забралась на верхнюю полку и улеглась. Черт, не стоило бросать на бедную женщину такой убийственный взгляд. Она просто радовалась при виде подобной диковинки. Нужно научиться контролировать себя и не срывать на окружающих. М-да, путешествие по

Китаю явно не пошло на пользу нервной системе. Поездка превратилась в постоянную борьбу за выживание. Любая мелочь, от еды и сна до похода на почту, давалась с трудом, поэтому я почти постоянно испытывала раздражение. Интересно, насколько ворчливой можно в принципе стать? Как низко я паду к концу путешествия? Начну бить ногами всех, кто скажет мне «хэллоу»? Или сразу доставать самурайский меч? А может, буду носить в сумочке кухонный тесак?

В итоге после часа самокопаний меня вдобавок замучила бессонница. Обычно я вырубаясь почти сразу же, благодаря монотонному покачиванию вагона, маске для сна и берушам, но не сегодня. Поезд останавливался и снова ехал. Мои соседи по вагону храпели на все лады: кто громко, кто тихо, кто с ревом, кто с мычанием, кто с подвыванием. Мужик на соседней полке запросто стал бы чемпионом по художественному храпу, он вполне мог бы озвучивать фильмы, изображая агонию здорового быка.

Я лежала в темноте, прислушиваясь к хору храпунов. Тело болело от усталости, но глаза не закрывались. Я ворочалась на узкой жесткой койке, но никак не могла найти удобное положение. Наконец я забылась на пару часов, и тут зажегся свет и в двадцать минут седьмого мы прибыли в Туньси, ближайший к горам Хуаньшань городок.

Какой-то ушлый китаец почти сразу же запихал меня, еще совсем сонную, в микроавтобус, отправлявшийся через пять минут. Мы ехали вверх по склонам гор, вершины которых поглотил туман, при этом из окна не было видно ровным счетом ничего, кроме белой дымки, как будто весь мир вдруг утонул в молоке.

Я забронировала себе комнату в отеле на вершине горы. Оттуда можно было пешком дойти до небольшой площадки, с которой лучше всего любоваться восходом. Зрелище солнца, выплывающего из-за гор и лесов, если верить путеводителю, должно было потрясти меня до глубины души.

Если бы я оставила багаж где-нибудь внизу, скажем, в камере хранения на вокзале, и прихватила с собой только зубную щетку, то вполне могла бы подняться на вершину сама. Но поскольку все двадцать с лишним кило багажа были при мне, то я решила подняться на фуникулере, зарегистрироваться в отеле и оттуда уже прогуляться.

Очередь на фуникулер не показалась мне такой уж страшной: просто я не знала, что вагон фуникулера приезжает раз в пять-десять минут и туда помещается всего пара человек. Очередь только называлась очередью, на самом деле здесь царил хаос. Люди пихались, толкались и кричали. Каждый раз, когда кто-то впереди продвигался хоть на шаг, задние ряды начинали напирать так, словно шла борьба за фотографию последнего восхода перед концом света. Меня сжали и спрессовали так, что трудно стало дышать. Думаю, подобные ощущения испытываешь, когда тебя целиком заглатывает анаконда. И так продолжалось два часа, которые тянулись бесконечно.

По какой-то причине китайцы находили стояние в очереди очень веселым занятием. Да, чувство юмора в разных странах отличается, и неспособность американцев понять иронию просто ерунда по сравнению с умением китайцев радоваться, когда их давят живьем. Если толпа напирала, они начинали кричать, а когда давление чуть-чуть уменьшалось, заходились счастливым смехом.

В конце концов, я со своим ущербным чувством юмора добралась-таки до цели. Вагончик качнулся и поднялся в облака. Кругом все было белым-бело. Я ничего не видела дальше своего носа, иногда в просвете между облаками мелькала пара деревьев.

— Ах, какая красотища! — восклицали мои соседи, все еще находившиеся в приподнятом настроении после толкучки перед фуникулером. Облака снова смыкали свои ряды, и тут даже китайцы замолкали.

На вершине вдобавок шел дождь. Я зарегистрировалась в отеле. В номере было ужасно холодно, отопление отсутствовало. Я надела плащ и кроссовки, но по дороге завернула-таки к стойке регистрации:

— Простите, а во сколько у вас тут восход?

— А завтра солнце не взойдет, — сообщил мне менеджер тоном, не терпящим

возражений.

— Как так? — Я, мягко говоря, удивилась. Понятное дело, в поездке меня ожидало множество сюрпризов, но я надеялась, что хоть солнце будет вставать каждый день.

— А вот так. Завтра будет дождь.

Я так расстроилась, что чуть было не схватила чемоданы и не уехала в ту же секунду, но, к счастью, капля благоразумия у меня все же осталась. Рассудив, что уехать всегда успею, я пошла полюбоваться дождливым пейзажем.

Дождь был холодным. Однако хорошо уже и то, что я дышу чистым воздухом высоко в горах, пускай их и не видно за белой пеленой тумана. Время от времени я проходила мимо носильщика, который тащил огромные корзины, подвешенные на перекинутом через плечо бамбуковом шесте. Все носильщики тут были одеты одинаково: тоненькая желтая майка, ярко-синие спортивные штаны и парусиновые тапочки цвета хаки, так популярные среди беднейших слоев населения, поскольку они долго носятся и очень дешевые. Грузы носильщики переносили не детские: целые ящики кока-колы и пива, огромные мешки с картофелем, корзины фруктов, баллоны сжиженного газа. С маленьких сухопарых тел градом лился пот, и бедняги, казалось, выбивались из сил.

Чем ниже я спускалась, тем больше становилось народу. В основном туристы гуляли организованными группами, участники которых отличались друг от друга только цветом бейсболок: кто-то предпочитал красные, кто-то желтые, кто-то темно-синие. При этом они были очень нарядно одеты. Мужчины щеголяли в костюмах при галстуках, единственной данью пешему туризму были кроссовки. Почти все прикупили в сувенирной лавке у подножья горы трости. Возглавляла такую группу обычно женщина, которая важно вышагивала впереди и держала над головой флаг или рупор; время от времени она останавливалась и туристы толпились вокруг нее.

— Слева, — сообщала экскурсовод, уверенно тыкая пальцем в молочную белизну, — вы видите знаменитую скалу в форме прыгающего дракона.

Ага, или притаившегося цыпленка. Или слонящегося льва. Скала могла быть любой формы, никто ее все равно не видел. Туристы добросовестно пялились на белую дымку, потом фотографировали друг друга на ее фоне. Интересно, что они расскажут друзьям и родным, показывая эти странные снимки? С гордостью расправят плечи и сообщат: «А вот это Фэн на фоне поразительной скалы в форме самки лебедя, высиживающей яйца»? Или посмеются, поняв, что напрасно извели всю пленку, щелкая друг друга в тумане?

Я полезла обратно на вершину. Из-за облаков продолжали доноситься крики экскурсоводов. Я все еще злилась. Уверена, когда Марко Поло совершал свое знаменитое путешествие по Китаю, его не давили в очередях на фуникулер и не сметали с дороги орды туристов в одинаковых бейсболках. А евнуха Чжэн Хэ не отвлекали от размышлений подробными описаниями форм окружающих скал. Так почему же все эти люди мешают именно мне?! И что, черт побери, творится с погодой? Я в одном из самых живописных мест Китая, но ничего не вижу на расстоянии вытянутой руки! Я очень рассердилась. Сейчас мне даже кажется, что слишком.

По дороге меня остановили четверо французских туристов. Мы поговорили пару минут, и они мне сообщили, что вчера погода стояла прекрасная, а затем со смехом добавили, что я всегда могу купить открытки с видами, после чего мы разошлись в разные стороны.

Внезапно мне стало легче. Всего пять минут беседы, и я уже не испытываю столь острого желания столкнуть невинных туристов со скалы в облака, напоминающие залежи хлопка. Господи, как давно я ни с кем не разговаривала. Последний раз это был немецкий преподаватель в пиццерии в Нанкине, но мы буквально обменялись парой фраз. А до этого я болтала десять дней назад с Клайвом в Ханчжоу. Возможно, меня просто одолевает одиночество.

В тот же вечер я завела себе двух новых друзей в ресторане отеля. Внезапно осознав, что страдаю от одиночества, я решила, что мне нужно больше общаться, в крайнем случае,

можно пристать к незнакомцам и попытаться подружиться с ними, пускай даже всего на час. Да, им, конечно, потом будет горько расстаться со мной, но горечь расставания со временем утихнет.

Я зашла в ресторан, где меня ждал «шведский стол» — холодная слипшаяся лапша и скользкие от масла овощи. За одним из столиков сидела пара европейцев примерно моего возраста. Ага, вот и первые жертвы, подумала я.

— Вы не возражаете, если я присоединюсь к вам? — спросила я решительным тоном, приближаясь к их столику с тарелкой, на которую плюхнула горку салата и пару недоваренных креветок.

Мои новые друзья оказались французами. Они уже полгода жили в Шанхае, а сюда добрались самолетом, причем аэропорт в Туньси был таким маленьким, что они даже не заходили внутрь, а багаж выкинули на землю прямо из самолета.

Еда оказалась ужасной, зато пиво наливали бесплатно, поэтому мы порядком набрались, обсуждая при этом животрепещущий вопрос — как соорудить большой отель на вершине горы. Кроме как на фуникулере сюда добраться невозможно. Тем не менее, в отель доставляли не только еду и напитки, здесь имелись нормально оборудованная кухня, кровати и телевизоры в каждом номере. Да и само здание — ведь как-то подняли наверх кирпичи, штукатурку и черепицу для крыши. Но как? На фуникулере? Или же их приволокли сюда носильщики?

Я настаивала на том, что отель заключил сделку с компанией, обслуживающей фуникулеры, чтобы еще до начала туристского сезона сделать пару ходок вверх-вниз, но Бернар и его жена, которые знали Китай лучше, чем я, усомнились: — Нет, фуникулер слишком дорогое удовольствие, носильщики значительно дешевле, так что мы бы не удивились...

Вечером я прояснила вопрос, спросив у менеджера отеля.

— Да, нам все поднимают носильщики. Фрукты, овощи, мясо. Одним словом, все.

— А мебель?

Он меня не понял. Я уточнила:

— Кровати, телевизоры, стулья, столы.

— Тоже носильщики. — Менеджер улыбнулся. Его развеселило мое удивление. Вокруг нас начала собираться толпа служащих отеля.

— А сколько в гостинице комнат?

— Двести.

Заметьте, в каждом номере две кровати. Арифметика проста. Носильщикам пришлось переть в гору четыреста кроватей плюс парочку запасных и еще несколько, чтобы работникам отеля было, где вздремнуть.

— А двери? — Я показала на огромную стеклянную дверь на входе. — А пол? — Я ткнула в мраморные плиты. — А стойка регистрации? Неужели тоже носильщики?

— Да-да, все тащили носильщики!

Беднягам за один подъем платили сорок юаней, и каждый из них поднимался наверх раз в сутки, а обратно волок мусор, который оставался после туристов. Мне стало очень грустно.

Я завела будильник на шесть утра, желая убедиться, что менеджер сказал правду, и солнце действительно не взойдет. По звонку будильника я выскочила из кровати и распахнула занавески. Обзор закрывала стена тумана. Я вздохнула и пошла досыпать.

Через пару часов я снова вынырнула из-под одеяла и отправилась на прогулку. Я хотела спуститься по западной лестнице, поскольку мне показалось, что в той стороне дымка чуть рассеялась, но в итоге повернула не там и забрела невесть куда. Зато новый маршрут не облюбовали другие туристы, так что я брела по пустым дорожкам. Туман постепенно начал рассеиваться, и темные силуэты стали обретать форму. Внезапно среди сосен выросла скала причудливой формы. Затем дымка окончательно рассеялась, и перед моим взором предстала

целая горная гряда, возвышающаяся над морем молочной белизны, по которому бежали легкие волны. Небо и земля сливались в одно сплошное марево, но на алебастровом фоне, словно райские острова в небесном океане, волшебным образом материализовались горы, правда, уже через секунду они снова исчезли за пеленой тумана.

Я пошла вниз. Краткий миг соприкосновения с невероятной, просто сверхъестественной красотой наполнил мою душу спокойствием и восхищением. Всего на одно мгновение, но тем не менее я все же стала свидетелем того самого зрелища, которое привлекает толпы туристов на Хуаншань уже много-много лет, и хотя горы в ясный день божественно красивы, особое впечатление на эстетов производят именно вершины, поднимающиеся из облаков. Я решила, что не стану портить себе настроение и давиться в очереди на фуникулер. До подножья всего пара часов пешком и все под горку, да и двадцать с лишним килограммов багажа — это не так уж страшно, правда, ведь?

Дорога далась мне тяжело, потому что спуск оказался очень крутым, и вдобавок я не думала, что пойду вниз пешком, а потому не запаковала книжки и туалетные принадлежности должным образом. Тем не менее, мне понравилось. Дорога вела через лес. Влажный туман, который вчера так расстраивал меня, теперь, наоборот, успокаивал. В лесу приятно пахло перегнившей листвой и корой, что вызвало у меня приступ тоски по родине. Приближалась осень, листья меняли свой цвет на темно-желтый и кирпично-красный. То тут, то там порхали птички, а по тропинкам бегали белки, причем, как я заметила, в Китае они намного проворнее своих западных сородичей.

Я встретила приблизительно тридцать или сорок носильщиков, которые шли в гору с тяжелыми грузами — арбузы и помело, помидоры, морковка и огромные цистерны с вином. Бедняги часто останавливались передохнуть. Этот путь по восточной лестнице был короче, но даже он занимал часа три-четыре, как я подсчитала. Я спускалась два часа, но, во-первых, почти не останавливалась, а, во-вторых, шла под гору.

От подножья горы я взяла такси до Танкоу, крошечного городка, существовавшего в основном за счет торговли сувенирами, а оттуда на автобусе доехала до Туньси, где и остановилась на ночлег.

Туньси не представляет из себя ничего особенного, но в нем есть одна совершенно сказочная улочка с говорящим названием Старая улица. Она даже не старая, а древняя. Некоторые здания возведены еще при династии Сун, правившей с десятого по тринадцатый век, то есть самые молодые из этих домов все равно на триста-четырееста лет старше, чем исторические памятники Стрэтфорда. Некоторые дома возведены уже при Мин и Цин, но все равно им уже по нескольку столетий. Верхние этажи выдаются вперед, нависая над мостовой, а окна и балкончики украшены изящными резными решетками. Над дверьми висят таблички с изящной каллиграфией. Как вы сами понимаете, в основном здесь располагаются сувенирные лавки, но дух истории все равно явственно ощутим.

Вот аптекарша в белом халате стоит за тяжелым деревянным прилавком во всю длину аптеки. Вся дальняя стена отведена под шкафы с лекарствами: сотни крошечных ящичков с табличками, отполированными до блеска в течение веков. Над шкафом тянется длинная полка, на которой стоят продолговатые серые банки с непонятным содержимым.

По соседству я увидела магазинчик, торгующий писчими принадлежностями и всем необходимым для каллиграфии. Под вывеской стояла огромная, в человеческий рост, кисть, похожая на перевернутое дерево, внутри вдоль зеркальных стен были выставлены ряды кистей всех размеров, а те, что поменьше, стояли в небольших фарфоровых горшочках. Толстые кисти и совсем тоненькие, с белым мягким волосом и с черной жесткой щетиной, с лакированной деревянной ручкой и с бамбуковой, — словом, любые кисти, которые только можно себе вообразить.

На этой улочке торговали глиняными чайниками, мебелью, фарфором, картинами и сувенирами. Я около часа бродила из магазина в магазин, а потом зашла в большой шумный ресторан. Мне сказали, что столик придется ждать минут двадцать, и торжественно вручили

номерок. Впервые в Китае я столкнулась с организованной очередью. Скорее всего, это хорошее место, так что я была согласна ждать, сколько потребуется.

Через некоторое время администратор в лиловом халате до полу и маленькой шапочке проводил меня вверх по лестнице, которую охраняли каменные львы, и усадил за отдельный столик из черного дерева в небольшой нише, украшенной красными фонариками.

Внизу на длинном прилавке перед открытой кухней стояла еда. Рядом со мной материализовалась официантка с электронным блокнотом. Я на радостях ткнула пальцем в большее количество блюд, чем могла съесть, затем вернулась за столик, где стала потягивать хризантемовый чай и ждать удара по желудку. И только мне принесли огромную чашку супа с лапшой, тарелку жареных пельмешек со свининой и овощами и горку блинчиков с начинкой, как я заметила в дверях два знакомых лица. Это была вчерашняя французская парочка с покупками, завернутыми в газету. У меня появились друзья!

Они подсели за мой столик и заказали себе гору еды — половину цыпленка, жареную рыбу в кисло-сладком соусе, а еще порцию пельменей и пару овощных блюд. Сегодня вечером мои новые друзья летели в Шанхай, им нужно было убить время до самолета. Мы заказали пиво и прекрасно посидели пару часов.

На следующее утро я спросила сотрудницу турбюро при нашем отеле, можно ли организовать для меня поездку в две деревушки эпохи династии Минь. Они называются Сиди и Хунцунь, и там снимался фильм «Крадущийся тигр, притаившийся дракон». Оказалось, что сначала нужно получить специальное разрешение в бюро общественной безопасности (аналог нашей полиции), поскольку въезд для иностранцев ограничен.

Девушка в отеле велела водителю отвезти меня оформить необходимые бумаги. Мне показалось, что это просто уловка, чтобы выманить у иностранцев еще немного денег, а вовсе не попытка отслеживать их передвижения. Таксист притормозил у полицейского участка. Мы зашли внутрь, я заполнила кучу бланков, разрешила полицейскому отксерить чуть ли не все страницы паспорта, заплатила требуемую сумму, и, наконец, нас благословили на поездку.

Надо сказать, что деревеньки заслуживали того, чтобы пройти через всю эту бюрократическую волокиту. Они примечательны тем, что их внешний вид не менялся несколько веков, но если старинные города теперь ориентировались в основном на туристов, то здесь сохранился исконный образ жизни. Конечно, местные жители торговали всякими безделушками, а в Хунцунь имелся маленький рынок, специализирующийся на продаже сувениров. Думаю, торговля приносила немалый доход, поскольку у ворот припарковалось множество экскурсионных автобусов. Но все это не сильно повлияло на характер жителей деревни.

Первую остановку мы сделали в Хунцунь. День выдался холодный, и деревенька буквально утопала в тумане. Большинство домиков здесь были двухэтажные, штукатурка облупилась и потускнела от времени. Над прямоугольными окошками и дверьми выступали загнутые навесы, покрытые серой черепицей. В конце каждого узкого переулочка бил источник, рядом с которым женщины, сидя на корточках, мыли посуду, стирали одежду и чистили овощи, а одна даже потрошила цыпленка, чьи когтистые лапы торчали из горшка, устремившись в небо, но мусор в воду никто не бросал, поэтому здесь отсутствовал столь популярный в Китае аромат гниющих потрохов, разлагающихся капустных листьев и нечистот. Вода оставалась чистой и прозрачной.

Улицы, слишком узкие для машин, были вымощены маленькими округлыми камешками (даже на велосипеде не проедешь), а потому тут царил покой. В центре деревеньки располагался тот самый пруд, через который так грациозно перелетала Мишель Йео в «Крадущемся тигре». Сегодня гладь пруда была неподвижной, если не считать легкой ряби, исходившей от того места, где какая-то девушка чистила морковь. Дома, построенные вокруг воды полукругом, отражались в ней, создавая приятную глазу симметрию. Этот крошечный уголок Китая отличался тишиной, что вряд ли можно отнести к характерным

особенностям современного мира.

Учитывая, что мой уровень владения *кун-фу* не дотягивал до мастерства Мишель Йео, и у меня не было с собой никаких пружин, чтобы элегантно и легко перелететь через пруд, я решила просто обойти его, а потом еще около часа изучала окрестности. Я купила очень миленькие фарфоровые тарелочки у какой-то женщины, а в лавке у старичка, вырезавшего каллиграфические надписи, — бамбуковую кружку. Только я собралась вернуться на парковку, как из какого-то магазинчика вынырнул мой водитель и обратился с вопросом:

— *Ни э ма* ? Ты проголодалась?

Да, я проголодалась. Я только что как раз размышляла, что бы раздобыть себе на обед, поскольку печенюшки, которые я прихватила из отеля, кончились еще утром.

Водитель поманил меня и проводил внутрь. Магазинчик оказался рестораном всего на пять столиков. Кроме нас других клиентов не было, только хозяева, с которыми, по всей видимости, водитель дружил, два мужчины и женщина. Я не могла прочесть, что написано в меню, поэтому попросила принести овощи и рис.

— *И доуфу* ? — уточнил мужчина постарше. Он был горбатый, как вопросительный знак, а на подбородке у него росла одна, но очень длинная седая волосина.

— Да, давайте.

Мне на стол поставили две большие тарелки и плошку риса. Женщина сходила на кухню и принесла для своих родных блюдо со свининой.

— Хотите? — она кивнула на тарелку.

— Да.

Она отдала тарелку мне, а сама отправилась за новой. Сгорбленный старик увидел, что моя чашка наполовину пуста, и, кряхтя, пошел подливать мне чаю.

Наевшись досыта, я с трудом заставила себя не уснуть по пути до следующей деревеньки. Вдоль дороги мальчишки вели на водопой быков и осликов. Давненько я не видела осликов, в Датуне и Пинъяо их было очень много, а на восточном берегу мне не попало ни одного.

Деревня Сиди напоминала Хунцунь, правда, здесь переулки были вымощены кусками шифера и после дождя блестели. В уединенных уголках сидели студенты художественных училищ и с упоением рисовали старинные здания. Я заглянула в одну из арок, ведущих во дворик. Тропинка, вдоль которой зеленела трава и цвели цветы, вела к каналу с переброшенным через него полукруглым мостиком, и дальше — к дому. Хозяева дружелюбно улыбнулись и жестом пригласили меня пройти во дворик и посмотреть.

Я вошла через роскошные ворота и несколько минут стояла с открытым ртом, любуясь горами, в тени которых жили эти добросердечные люди. Как же сильно отличался этот мирок от загазованных городов, где я побывала. Воздух здесь был чистым и свежим. Жители этой крошечной деревеньки каким-то чудом избежали модернизации, словно все часы в этом месте разом остановились.

Глава 14 Набирая скорость

Пассажиры, которые в тот вечер ждали посадку на шанхайский поезд, заметно отличались от обычных китайцев. Я не увидела ни одного смуглого курильщика, волочившего узел размером с мою бабушку. Никто не плевался и не сморкался. Вместо этого моему взору предстали молодые метросексуалы и хорошо одетые девушки, которые стояли в организованной очереди, катя за собой аккуратные чемоданы на колесиках.

Более того, поезд не был забит под завязку. В нашем вагоне половина мест осталась свободна. В моем купе оказались заняты только две нижние полки — на соседнюю сел корейский студент. Объявления звучали на китайском и на английском. Проводница разносила кофе.

Мы прибыли в Шанхай в пятнадцать минут восьмого. Я до смешного разволновалась.

Вообще-то я уже дважды была в этом городе, и оба раза мне понравилось. Шанхаю присущи своя особенная атмосфера и энергетика: эти колониальные здания вдоль набережной, множество ресторанов и баров, огромные универмаги и уличные рынки. Создается впечатление, что на улицах Шанхая оживает история. Более того, я приехала сюда с целым списком телефонов друзей моих друзей, готовых показать мне город.

После долгих недель одиночества началась светская жизнь!

Но меня привлекал не только сам город, а и перспектива пожить в шикарном отеле. Нэнси и Гай благодаря своим связям забронировали мне номер в «Гранд Хайятт». Собственно, сам отель начинается с пятидесяти третьего этажа одного из самых высоких небоскребов в городе. Он расположен в районе Пудун напротив старого колониального Шанхая, а это означает, что из окон отеля открываются потрясающие виды на набережную. Комнаты здесь не просто обставлены мебелью, они декорированы произведениями искусства. После стольких ночей, проведенных в безликих отелях, где в ворсе ковра запутались чужие волосы, а из раковины воняет, я была в экстазе. Я собиралась прожить в Шанхае четыре дня — спать в удобной кровати, есть в ресторане, выбирая ту еду, что мне нравится. Целых четыре дня в отеле, где персонал говорит на безупречном английском и поможет вам решить любые проблемы. Из Шанхая я собиралась полететь в предгорья Тибета, чтобы встретиться там с Гаем и отправиться в четырехдневную поездку по горам, так что меня ждала целая неделя свободы, на протяжении которой не придется бороться с некомпетентностью китайцев. Я чувствовала себя счастливой, словно только что вырвалась из автомобильной пробки и внезапно оказалась на узкой сельской тропинке посреди зеленых лугов.

Я зарегистрировалась в отеле, приняла душ и осмотрела номер. Из окна виднелась река Хуанпу, которая делит современный Шанхай пополам, на Западный и Восточный районы, Пуси и Пудун.

Столетие назад Шанхай был самым богатым и красивым из китайских городов, открытых для иностранной торговли, но при этом также городом безжалостным и жестоким. Почти на сто лет, начиная с 1842 года, когда Нанкинский договор положил конец Первой опиумной войне и открыл Шанхай для международной торговли, и вплоть до 1943 года, когда отменили экстерриториальность и изгнали иностранные концессии, он стал домом для англичан, французов, американцев, русских, японцев и корейцев. Полицейские-*сикхи* в красных тюрбанах патрулировали улицы Иностранного поселения. Город стал раем для желающих сколотить состояние на торговле. В 1920-х годах тут располагалась половина всех китайских фабрик и крутилась треть иностранного капитала. Здесь нашли прибежище многие иностранцы, лишённые права собственности у себя на родине, поскольку для того, чтобы поселиться в Шанхае, не требовалось ни визы, ни паспорта.

«В случае болезни можно было выбрать среди врачей двадцати восьми национальностей, включая двух румын, одного армянина, одного египтянина, одного мексиканца и десятерых венгров, которые снискали славу компетентных специалистов», — писал Гариет Сержант в своей книге, посвященной Шанхаю (*Harriet Sergeant «Shanghai»*).

Шанхай, как считали иностранцы, являлся моделью международного сотрудничества, которой в свое время последуют и другие великие города. Этот город не мог принадлежать какой-то одной нации. Здесь у каждой страны имелась своя концессия, которая заключала сделки с концессиями других государств.

Хитрые торговцы построили свои склады прямо на набережной, набив их доверху чаем, шелком, резиной, опиумом и серебром. Британцы владели крупнейшим банком на территории Шанхая и самыми крупными торговыми компаниями. Именно мои соотечественники построили знаменитую набережную Вайтань, которую именовали индийским словом «бунд», что в переводе и значит «набережная». Здания, возведенные вдоль нее, стали воплощением власти. Худощавые бледные юноши приплывали из Великобритании на лайнерах и вверяли свою судьбу китайским богам.

Они делали все, чтобы создать здесь атмосферу старой доброй Англии. Покупали

приземистых своенравных монгольских лошадей, которых раз в год пригоняли с пастбищ и продавали на конной выставке. Лошади были дикими и грубыми, и в первый месяц, когда приходилось обуздывать их нором, наездникам приходилось особенно туго. После этого лошадей выставляли на скачках на недавно построенном ипподроме, или же владельцы отправлялись охотиться на лис из папье-маше. Эти джентльмены любили заложить за воротник в Шанхайском клубе, где занимали места согласно положению в обществе.

Там, где не удавалось воспроизвести уклад, оставшийся на родине, поселенцы пытались облегчить себе жизнь. К примеру, они держали слуг, с которыми разговаривали на пиджине, дикой смеси английского и китайского.

В этот период вошли в моду кругосветные путешествия. С 1845 года из Шанхая в Гонконг можно было доплыть на пароходе, а через пару лет пароходная компания, известная на весь мир под названием «P&O», открыла и новые маршруты, которые приобрели популярность среди тех, кто мог себе позволить подобные поездки. Вот что писала некая миссис Дульцимер своей подруге в 1863 году: «Дорогая моя, если тебе придется попасть в кораблекрушение, то постарайся, чтобы в этот момент ты находилась на корабле, принадлежащем „P&O“. Видишь ли, другие компании тебя просто банально утопят, а это, согласишься, удел пассажиров второго класса. Недавно мне удалось пережить кораблекрушение с „P&O“, и, скажу тебе, это был просто пикник, а не кораблекрушение».

Богатые и знаменитые наряду с менее богатыми и менее знаменитыми, так же как и безвестные бедняки хотели своими глазами увидеть масштаб империи, и Шанхай был обязательной остановкой для каждого уважающего себя туриста. В 1920-х здесь побывал драматург Ноэль Ковард. Он простудился и, валяясь с температурой в гостинице «Катай», написал свою пьесу «Частная жизнь» за четыре дня. В Китай приезжали Хаксли, Моэм, Рассел и Бернард Шоу.

За пределами Шанхайского клуба бывшие офицеры белой гвардии вовсю сорили деньгами в ночных клубах и ресторанах, шикарных магазинах и ателье. Это были представители верхушки общества и среднего класса, вынужденные уехать из России, когда к власти пришли большевики, и сохранять верность царю стало смертельно опасно. Те, кому не удалось бежать в Европу, пересекли Сибирь и оказались в Китае. Лишенные гражданства, эти русские были, по сути, бездомными. Шанхай охотно принимал беженцев, но к русским относился с легкой долей презрения. С ними здесь не вели никаких дел, так что их существование было поставлено под угрозу, а жили белоэмигранты, надо сказать, на широкую ногу.

Разумеется, у Шанхая была и иная сторона, более грустная и непривлекательная. Здесь процветали гангстеры, опиумные притоны и бордели. По оценкам историков, в 1920-х годах около одного процента всего женского населения города торговало собой. Двенадцатилетние девочки приводили в восторг клиентов своими крошечными ножками.

Обычай бинтовать ноги зародился еще в десятом веке, видимо, в силу того, что при дворе императоров династии Тан популярны были иностранные танцовщицы. Танцовщицы эти покорили публику своими грациозными движениями и умением стоять на носочках. Китайцы стали подражать иностранкам и бинтовать девочкам ноги, правда, танцовщицы-то делали это только для того, чтобы стоять на носках, тогда как для китайцев подобный обычай с течением времени стал нормой жизни. На крошечных изуродованных ступнях, напоминающих копытца, женщины и стоять-то толком не могли, так что были не способны далеко уйти, а это как нельзя лучше соответствовало канонам конфуцианства, проповедовавшего, что дочери и жены должны знать свое место. Кроме того, ножки-лотосы считались сексуально привлекательными. Чтобы удержать равновесие, женщинам приходилось семенить маленькими шажками, что развивало мышцы влагалища, а значит, усиливало наслаждение мужчины.

Девочкам бинтовали ноги примерно с четырех-пяти лет. Большой палец, который называли «золотым лотосом», оставляли свободным, а остальные четыре загибали и перевязывали. С каждым днем повязка становилась все туже, и ступня постепенно

деформировалась. Бывали случаи, когда начинался воспалительный процесс и изуродованные пальцы попросту отваливались. Через пару лет процесс считался завершенным, женщина получала крошечную ножку — объект вожделения мужчин.

В шанхайских борделях посетители играли в маджонг и курили опиум, а девушки наблюдали за игрой, а потом мужчины пили из стаканчика, поставленного в миниатюрную тувельку, чтобы заодно вдохнуть чудесный аромат крошечной ножки. Вот как описывает процесс Стерлинг Сигрейв в своей книге: «В отдельном кабинете клиенты ласкали миниатюрные ножки девушек, лизали их и даже обмакивали в чай, прежде чем выпить его. Особенно изысканным удовольствием считалось съесть миндальное зернышко, помещенное между искалеченными пальцами. Когда клиент уже не мог более сдерживаться, то начиналась так называемая игра „в тучку и дождик“»⁸.

Зачастую девочек в бордели продавали обнищавшие родители. Их братьям и младшим сестрам тоже не позавидуешь. На шелкопрядильных фабриках маленькие дети вытаскивали коконы из кипятка прямо голыми руками, а младенцы лежали тут же на полу, под ногами у работающих матерей.

В своем «Путешествии на войну» Ишервуд пишет: «На заводе по производству батарей у половины детей на деснах были синие полосы — признак отравления свинцом. Редко кому из малолетних рабочих удавалось прожить больше года или полутора».

На улицах рикши пытались заработать себе на хлеб. Чаще всего это были крестьяне, которым пришлось по каким-то причинам оставить родные деревни. В начале двадцатого века рикш в Шанхае насчитывалось около восьмидесяти тысяч. У них не было своих повозок, приходилось платить за аренду один шанхайский доллар в сутки. Обычно рикши скидывались и брали повозку вдвоем, а работали посменно по двенадцать часов. Заработок за смену составлял, как правило, шестьдесят-семьдесят центов. С вычетом аренды на еду и жилье почти ничего не оставалось. Да и к ростовщикам не больно-то обратиться: они ссужали деньги под сто двадцать процентов. Одна богатая китайка как-то заявила: «Наши рикши такие крепкие, что мы относимся к ним, как к автомобилям». Вот, правда, автопробега этим «автомобилям» хватало только до сорока лет.

Тела бедняков и трупы брошенных младенцев женского пола в те времена валялись прямо на улице. По подсчетам, в последнее десятилетие до победы коммунистов с улиц Шанхая убрали в год около тридцати тысяч трупов. В реках плавали мусор и экскременты. Вода воняла так, что даже белье после стирки дурно пахло, а от «чистых» рубашек развивались экзема и прочие кожные заболевания. Дошло до того, что богатые шанхайцы отправляли грязное белье в двухнедельное путешествие в Японию.

Я спустилась в метро и доехала до бывшей французской концессии. Здесь до сих пор сохранились старинные трехэтажные дома с мансардными окнами и ставнями, хотя стены выцвели, и краска на оконных рамах облупилась.

Раньше здесь обитали не только французы, так же как и в Иностранном поселении жили не сплошь англичане и американцы. В 1920-х этот район населяли около полумиллиона человек, и среди них всего около полутора тысяч французов. Большинство же — богатые китайцы, самые состоятельные из которых купили себе огромные особняки с тенистыми садами. В этом районе жил Сунь Ятсен с супругой.

В нескольких кварталах отсюда расположен дом Чжоу Эньлая, впоследствии одного из самых влиятельных коммунистических лидеров. Сады отгорожены от мостовой коваными оградами, а старинные особняки теперь заняты под бары и рестораны с огромными телевизорами на всю стену, а не семьями богатых *компрадоров* (так назывались китайские посредники, зарабатывавшие огромные деньги, работая на иностранные торговые компании).

Я периодически сворачивала с проспектов и оказывалась на задворках, где на веревках,

⁸ Эвфемизм для обозначения полового акта

натянутых между домами, сушилось белье. Поношенные рубашки, брюки и детские штанишки с прорезью на попе⁹ трепетали на ветру. А внизу было полно фруктовых лавок. Тут же в пластиковой ванночке плескался угорь, сплетаясь в клубок. Какая-то женщина сидела за деревянным столиком и кромсала свинью внушительным тесаком. Белоснежная кошка не сводила голубых глаз с черепахи в аквариуме. Нос кошки подергивался, она изгибала шею навстречу этому странному, но так аппетитно пахнущему существу, пытающемуся выбраться из аквариума. Кошка подняла было когтистую лапку, но тут же струсила, отошла на безопасное расстояние и решила, что лучше просто посмотрит со стороны.

Я шла около часа, потом пообедала и отправилась на улицу Хэншань, где меня ждало очень важное в жизни каждой женщины мероприятие — я собиралась подстричься!

Несколько недель назад в Пекине, поедая суши вместе с друзьями Нэнси и Гая, я поинтересовалась, не знает ли кто хорошего парикмахера в Шанхае. По моим подсчетам, к тому моменту, как я окажусь в этом городе, волосы уже порядком отрастут. Когда я озвучила этот, казалось бы, невинный вопрос, вся компания уставилась на меня в немом изумлении, потом американка, сидевшая напротив меня, удивленно подняв брови, ответила: «В Шанхае нужно пойти к Лорану, в парикмахерскую „У Эрика“. Я вышлю тебе адрес и телефон по электронной почте».

Итак, в первый же день пребывания в Шанхае я оказалась во вращающемся кресле перед Лораном. Лоран, длинноволосый француз с оливковой кожей, одетый в черную рубашку и черные брюки в обтяжку, приехал из Марселя и работал в Китае уже шесть лет.

Я рассказала ему о своем путешествии и о том, как рада, что, наконец, оказалась в Шанхае. Последние несколько недель мне постоянно приходится преодолевать трудности, и речь не только о бесконечных переездах в поездах и прокуренных разваливающихся на ходу автобусах. Меня напрягает все! Даже на то, чтобы отправить посылку, здесь уходит полдня.

— Когда еду заказываешь с таким трудом, едва лишь успеешь позавтракать, а уже пора обедать. Бывает, смотришь на часы и думаешь: «Черт, только не это, я ведь только-только разобралась с завтраком».

Лоран согласился.

— Да, бизнесом тут заниматься хорошо, а вот жить трудно. Даже мелочи даются с трудом. — Он вздохнул и покачал головой, не переставая колдовать над моей прической.

А потом, решив хоть чем-то облегчить мое существование, Лоран рассказал мне, как добраться до рынка Сянъян.

— Это рынок, торгующий подделками под известные бренды. Качество, конечно, так себе, но тем не менее... — Он пожал плечами.

Я прямо из парикмахерской отправилась туда, и целый час торговалась, блуждая среди гор сумочек, туфель, кашемира и шелка.

Вечером я поужинала с Люком и Лили, которые владели собственным литературным агентством. Лили — китаянка, а Люк — бельгиец, но живет в Китае уже много лет. Они прояснили многие беспокоившие меня вопросы, к примеру, почему Герой, с которым я познакомилась на пароме, курсирующем по Великому каналу, носит военную форму. Оказалось, что солдаты, передвигаясь по стране, пользуются многими привилегиями, к примеру, им позволено проходить всюду без очереди и не платить за вход в музеи.

Во-вторых, добраться из Нанкина до Шанхая на пароме можно, только у иностранцев специально отбивают охоту путешествовать таким образом. Однажды Люк и Лили забронировали себе билеты на китайские фамилии. Увы, поездка оставляла желать лучшего. На этом месте супруги рассмеялись. Обычно по воде путешествуют переселенцы, так что на нижней палубе пассажиры ехали со своими курами и свиньями, которые тут же справляли

⁹ В Китае принято надевать маленьким детям штанишки с прорезью на попе, чтобы ребенку было удобнее ходить в туалет

естественные надобности, и воняло просто кошмарно. Лили и Люк плыли первым классом, но и там ситуация была ничем не лучше, именно поэтому иностранцам советуют проехаться с ветерком на оснащенный кондиционером автобусе по новенькому шоссе.

На следующее утро я отправилась побродить по лабиринту улочек старого китайского квартала. Здания из серого кирпича с темно-красными оконными рамами напоминали как две капли воды дома, которые я видела вчера на территории бывшей французской концессии. Такое впечатление, что власти Шанхая в свое время прикупили изрядное количество красной краски. Над головой снова болталось на ветру белье, а на балконах растения в горшках приютились среди великов, корзинок, старой мебели и веревок с бельем.

Среди этого хаоса можно было разглядеть крошечные архитектурные детали, на которые обращали внимание архитекторы прошлого: выпуклые окошки на фоне серых стен, декоративные карнизы и резные навесы, почти скрытые за рядами простыней и наволочек. Велосипедисты петляли, объезжая прилавки с фруктами. Старички сидели на порогах домов и курили вонючие сигареты, поставив рядом клетки с певчими птицами. Вечерело, и желтый сочный свет заходящего солнца постепенно заливал окружающий меня хаос. Красная краска на ставнях и дверях приобрела более глубокий оттенок. Велосипедисты время от времени притормаживали, чтобы купить по дороге домой помело или мешок яблок.

Этим вечером я встретила с Паскалем, одним из приятелей Гая, который жил и работал в Шанхае. Он подъехал на своей машине и отвез меня на экскурсию по ночному городу. Мы начали прогулку с очень стильного бара в здании старинной французской виллы. Пинта пива здесь стоила сорок шесть юаней, что составляло почти суточную зарплату носильщиков на Хуаншань. В баре яблоку негде было упасть, и это еще раз доказывало, что дела в Шанхае идут хорошо. Оттуда мы перебрались в джаз-бар, а потом в «Будда бар», и каждый из них вполне мог соперничать со значными заведениями Лондона или любой другой мировой столицы.

На следующее утро я отправилась в Шанхайский музей, где выставлена керамика, которой семь тысяч лет. То есть эти аккуратные горшки и миски на две тысячи лет старше, чем Стоунхендж¹⁰. В том, что касается керамики, китайцы действительно впереди планеты всей. Собственно английское название Китая «Чайна» по одной из версий происходит от названия фарфора, который активно импортировали в Британскую империю и который создавал лишний балласт на чайных клиперах. До восемнадцатого века китайцы были монополистами в производстве фарфора, а европейцы даже не умели его делать. Когда же англичане, наконец, поняли, что к чему, и разработали свой собственный рецепт, то сначала добавляли туда пепел из костей животных, создав таким образом «костяной фарфор», который к Китаю никакого отношения не имел.

Затем я прогулялась по Дунтай Лу, где вдоль улицы расположены лавки, торгующие «антиквариатом». Вообще-то антиквариат здесь очень редко выставляют на продажу, многие подлинные произведения искусства были уничтожены во время «Культурной революции», другие тайно вывезли из страны, а то, что осталось, находится либо в музее, либо в гробницах. Зато тут продается огромное количество замечательных реплик, которые можно приобрести, поторговавшись, за смешную цену — столько стоит коктейль в баре.

Для начала я купила огромную тибетскую расписную шкатулку, и понеслось! Шкатулку с собой особо не повозишь, но, с другой стороны, зачем отправлять домой одну маленькую посылочку, если можно отправить две больших? Поэтому я радостно приобрела позолоченную фигурку Будды с голубыми волосами, чтобы составить компанию шкатулке. Потом я решила, что глупо оплачивать лишний вес, заворачивая покупки в газету, если можно купить пару кашемировых кофточек и еще что-нибудь из шелка. Пришлось снова

¹⁰ Имеется в виду внесенное в список Всемирного наследия каменное мегалитическое сооружение на Солсберийской равнине в графстве Уилтшир (Англия)

ехать на рынок Сяньян. В итоге я затарилась так, что в отель была вынуждена добираться на такси.

Вечером я прошла по набережной. Величественные колониальные здания возвышались чуть поодаль от береговой линии, поскольку китайцы в свое время издали указ, запрещающий иностранцам возводить свои дома ближе, чем на десять метров, к воде, поскольку бурлакам, которых здесь называли тамильским словом «кули» («заработок»), требовалось пространство, чтобы тащить лодки, груженные зерном, по реке. Темнело. Оранжевый свет прожекторов осветил старинные здания, которые были свидетелями славного и бесславного прошлого Шанхая. Зеленая пирамида на крыше отеля «Катай» стала ярко-изумрудной. Двенадцатиэтажный отель некогда был символом шанхайской роскоши. Его построил Виктор Сассун, который сколотил состояние на торговле опиумом. Его называли «хозяином половины Шанхая». Отель стал жемчужиной в его ювелирной коллекции. Здесь из серебряных кранов очищенная вода текла в мраморные ванны, а сам владелец отеля закатывал роскошные вечеринки в пентхаусе.

Чуть дальше возвышалось здание бывшей Шанхайской таможни, построенное в 1927 году на месте прежнего ведомства в традиционном китайском стиле. Куб, украшенный колоннами, венчали часы с боем, которые изготовили в Великобритании в подражание Биг Бену. Шанхайцы в шутку называют их Биг Чин. Рядом расположена бывшая штаб-квартира Гонконгско-Шанхайской банковской корпорации. Глава корпорации велел архитекторам: «Не жалейте денег, здание должно доминировать на набережной». А позади поблескивает огромный купол, залитый огнями и напоминающий гигантскую золотую погремушку, над которым трепещет на ветру красный флаг Китайской Народной Республики.

На противоположном берегу, словно птица феникс, вырастает из пены морской новый Шанхай: небоскребы горят огнями за телебашней «Восточная жемчужина», самой высокой в Азии. Телебашня напоминает огромный шприц, нацеленный в космос. Здесь уже не развеваются красные флаги. Это не отвоеванная у иностранцев земля, а обновленный Китай, наглядное воплощение экономического чуда, которое современные китайцы так решительно делают явью.

В последнее утро пребывания в Шанхае мне довелось прокатиться на флагмане китайского авангарда. Хотя моим планам доплыть сюда по Янцзы осуществиться не удалось, но я все еще лелеяла мечту уехать из города на транспорте будущего — экспрессе на магнитной подушке, который курсирует между Пудунем и аэропортом, поскольку из Шанхая я летела в предгорья Тибета. И тут выяснилось, что я лечу внутренним рейсом, а *маглев*, так называется поезд на магнитной подушке, ходит только в международный аэропорт, поэтому я встала утром пораньше, чтобы успеть скататься туда, вернуться в отель за багажом и на такси поехать в аэропорт, обслуживающий внутренние рейсы. Не совсем то, что я хотела, но, тем не менее, целых шестнадцать минут я ехала на самом быстром поезде в мире.

Пока на западе борются с листвой на рельсах, шанхайцы упразднили рельсы как таковые. *Маглев* скользит примерно в сантиметре над поверхностью, и, поскольку трение отсутствует, поезд способен разогнаться до четырехсот тридцати километров в час всего за две минуты.

Шанхай вообще является экспериментальной площадкой для всякого рода железнодорожных инноваций. Именно здесь в свое время первый в Китае паровоз проехал пять километров до города Усун в устье Янцзы. Его соорудили англичане во второй половине девятнадцатого века. Местных жителей «огненная колесница», как и по сей день называют по-китайски поезд, привела в восхищение, а вот маньчжурские власти их восторга не разделяли. Они боялись, что ревущий, извергающий клубы пара монстр потревожит богов и нарушит циркуляцию энергии «ци» и это приведет к стихийным бедствиям.

Всего через год после дебюта паровоза императорский двор купил железную дорогу, после чего ее разобрали и отправили на Тайвань.

Лишь через двадцать лет маньчжурское правительство официально одобрило

эксплуатацию железных дорог, а затем стало проводить тендеры на постройку отдельных веток, и иностранцы просто ликовали, узнав о возможности наладить транспортное сообщение с теми частями страны, где они строили свои торговые центры. Французы, которых особо интересовал Индокитай, провели ветку из Куньмина до Ханоя, британцы построили железную дорогу между Пекином и Тяньцзинем, русские занялись строительством КВЖД, тогда как немцы облюбовали Шаньдун, а японцы — Маньчжурию.

Разумеется, с 1949 года строительство железных дорог полностью находилось под контролем китайцев. Когда коммунисты пришли к власти, они унифицировали железнодорожные стандарты и постепенно отошли от паровых и дизельных локомотивов, сделав выбор в пользу электровозов. С 1990-х годов правительство с новым рвением взялось за строительство железных дорог, и сегодня рабочие в спешке укладывают и обновляют рельсы, чтобы удовлетворить растущие потребности Китая в транспортном сообщении.

Из всех индустриальных проектов *маглев* пока что самый амбициозный. Я с нетерпением ждала возможности испытать новинку техники. Еще бы: ведь до этого я несколько недель тряслась в обычных поездах, не говоря уж о тех ужасах, что мне довелось пережить в автобусах. Теперь пришло время познакомиться с другой стороной китайской транспортной системы.

К тому времени *маглев* еще ходил не регулярно, а лишь по выходным, на радость туристам: регулярное сообщение собирались наладить в ближайшие два месяца. Я поехала на вокзал и купила билет в новой блестящей кассе, а потом заняла свое место в очереди среди сотни китайцев, нетерпеливо потрясающих камерами. На билете красовалась надпись: «В поезд не допускаются неопрятно одетые пассажиры, а также лица в состоянии алкогольного опьянения, психически больные или страдающие инфекционными заболеваниями».

На самом вокзале было неестественно пусто. Белая облицовка здания делала его похожим на привидение. Возле турникетов дежурила женщина в форме. Я встала в очередь. В этот раз китайцы стояли в организованной очереди и не пытались пробиться вперед с помощью локтей. Мы прождали несколько минут. Одна из сотрудниц вокзала подошла ко мне и сообщила, что я держу билет не той стороной, и я, дабы соответствовать всеобщему духу дисциплины, а также опасаясь, как бы меня не приняли за психически больную, торжественно перевернула его.

Мы подождали еще чуть-чуть. Минут через пятнадцать, ко всеобщему облегчению, нам позволили пройти через турникет на платформу, где пришлось еще немножко подождать, причем категорически запрещалось пересекать желтую линию, нарисованную на земле. К этому моменту я уже устала и задавалась вопросом, а так ли я хочу поехать на *магле*. Несмотря на то, что последние пару недель я мечтала о том, чтобы китайская очередь перестала быть столь явной угрозой для жизни, сейчас, когда нужно было подчиняться правилам, мне это не слишком понравилось.

И тут нашему ожиданию пришел конец. Толпа дружно ахнула, когда показался белоснежный состав, похожий на ракету. Стараясь не переступить запретную линию, мы вытянули шеи, чтобы полюбоваться его лоснящимися боками, обтекаемым носом и вообще невыразимой красотой. Собравшихся переполняли такие сильные эмоции, что мы на полном серьезе ожидали: вот сейчас двери распахнутся и оттуда появятся ангелы в стиле «хайтек». И тут нам, наконец, разрешили войти в вагоны.

Внутри никаких ангелов, правда, не оказалось. Когда поезд отъехал от станции, улыбающаяся девушка в форме произнесла речь, из которой я не поняла ни слова. Она сияла не хуже поезда. Щеки покраснелись от удовольствия, глаза блестели, а волосы переливались, как на рекламном плакате. Улыбка не сходила с ее лица. Возможно, это просто ухищрения пластической хирургии, и ей просто надрезали уголки губ. С другой стороны, проводница могла искренне радоваться выпавшей ей возможности быть, так сказать, рупором нового Китая: стоять тут в идеально отглаженной форме и произносить речи перед изумленными пассажирами.

Когда девушка замолчала, все заплодировали. Затем она подошла ко мне и, алая как маков цвет, обратилась персонально ко мне на английском.

— Доброе утро, уважаемые пассажиры, — сказала она, адресуясь ко мне одной, — мы рады приветствовать вас в нашем *магле*.

В конце вагона висело табло, на котором нам демонстрировали скорость поезда. Вот это я понимаю! Через пару минут мы разогнались до четырехсот тридцати одного километра в час. Эх, до чего же это было здорово! Мы летели над автострадами, и я чувствовала себя чуть ли не королевой мира, глядя на мчавшиеся по шоссе машины из окна суперскоростного поезда, а не из грязного разболтанного автобуса. Несколько минут мы неслись со скоростью, превышающей скорость плевка, и мне это безумно нравилось.

Глава 15 Дорогой паломников

Парень, который сидел рядом со мной в самолете, зарылся лицом в бумажный пакет. Его безудержно рвало. Я летела через весь Китай, с восточного побережья на дикий запад. Конечный пункт — город Чжундянь на севере провинции Юннань, неподалеку от границы с Тибетским автономным районом, правда, по дороге следовало пересесть на другой самолет в Куньмине. Ну а поскольку самолет из Шанхая прилетал поздно вечером, а стыковочный рейс был только утром, то мне предстояло провести ночь в Куньмине.

Я заселилась в отель, который заранее забронировала, зашла в номер и изучила набор гигиенических изделий, которые предлагались моему вниманию. На бутылочках красовались грозные надписи «Только для мужчин» и «Только для женщин». Надпись на той, что предназначалась сильному полу, гласила: «Продукт разработан для обработки мужских гениталий». Интересно, а что произойдет, если женщина случайно обработает свои гениталии этой штукой? Каков будет результат? Сыпь? Волдыри? Специфический запах?

Я решила не экспериментировать и лучше пойти куда-нибудь поесть. Темнело, и уходить слишком далеко от отеля не хотелось, поэтому я зашла в первый попавшийся ресторан, показавшийся мне более или менее чистым и популярным среди других посетителей. Меню на английском снова не было, но я уже привыкла.

— Пойдемте со мной, — велела я официантке, вставая со стула.

Девушка смешалась, а я начала тур по ресторану, заглядывая в чужие тарелки. Слава богу, посетителей это не обидело. Напротив, китайцам эта игра явно нравилась, и они с удовольствием включались, выкрикивая свои рекомендации зычными голосами, как торговцы, расхваливающие товар. Проблема в том, что я понятия не имела, что они мне говорят. Может быть, тыкая в тарелки, орут что-то типа: «Виверра сегодня просто супер! Объединение! А вот рыбу не бери, ее только что вытащили из Янцзы, у нее две головы и три хвоста!»

Я проявила осторожность.

— Вот это, — сказала я, показав на большую тарелку овощей.

— А не хотите ли еще... — Тут официантка разразилась тирадой на китайском: похоже, когда она разобралась, что к чему, новый способ работы с клиентами ей понравился.

Я пошла ва-банк и решительно кивнула:

— Давайте, — хотя не имела представления, что мне предлагали.

В итоге официантка принесла мне железную доску, на которой аппетитно шкварчали куски говядины вперемешку с перцем и луком, большую тарелку овощей, чашку риса и бутылку пива. И все это за двадцать юаней. Я вернулась в отель сытая и невероятно довольная собой. Похоже, я наострилась выживать в ресторанах.

Чжундянь — город со множеством имен. Помимо китайского названия в ходу еще тибетский вариант Гьелтанг, местный аэропорт почему-то называется Дицин, а туристы обычно именуют этот район Шангри-Ла.

В шанхайском магазине иностранной литературы я купила себе книгу Джеймса Хилтона «Утерянный горизонт» (*James Hilton «Lost Horizon»*) и начала читать в самолете. Именно из этой книги к нам пришло название Шангри-Ла: так Хилтон называл ламаистский монастырь в горах Тибета, куда попали его герои после того, как пережили крушение самолета. Этим людей привезли сюда против их воли, но монастырь оказался страной грез, райским уголком, скрытым от бушующего мира. Здесь замедлялся процесс старения, и ламы жили сотни лет, вдыхая полной грудью свежий воздух, среди зеленых лугов и снежных шапок, венчающих горные вершины.

Когда вышла книга Хилтона, разгорелся жаркий спор о том, где же находится загадочная земля, вдохновившая писателя. Сам Хилтон сроду не предпринимал никаких путешествий, разве что в опасные закоулки читального зала Британской библиотеки, но якобы на него повлияли журнальные статьи о ботанике Джозефе Роке, много лет прожившем на западе Китая. Так или иначе, откуда бы Хилтон ни почерпнул свою идею, дело кончилось тем, что в 2002 году китайское правительство заявило, что загадка решена, и переименовало округ Чжундянь, присвоив ему новое название — Шангри-Ла.

Учитывая, что в последние недели я посещала сплошь серые и грязные города, мечтая о рае на земле, из самолета в аэропорту Дицин я вышла полная самых радужных предчувствий. Над головой сияло ярко-голубое небо. Вдали виднелись горы. Вдохнув чистый прохладный воздух, я окончательно успокоилась, поняв, что приехала, наконец, в Утопию.

Гай уже ждал меня в зале прибытия. Он прилетел вчера из Пекина и встретился с нашими проводниками, так что из аэропорта мы отправлялись в путешествие на запад.

Мы собирались проехать по внутренней *коре* (малому кругу), так называют здесь ритуальный обход святых мест. Настоящие паломники путешествуют несколько дней и завершают полный круг вокруг святой горы, мы же собирались преодолеть большую часть пути на микроавтобусе. Из Чжундяня нам предстояло целый день ехать до приграничного города Дэцин, где мы остановимся на ночлег, потом пешком отправимся в горы и там разобьем лагерь, затем дорога обратно до Дэциня и еще день пути до Чжундяня. На самом деле в сам Тибетский автономный район мы не попадали, только в приграничную территорию, но оставались при этом в провинции Юннань. Наши проводники сказали, что так будет лучше. В Тибете действуют строгие ограничения. Иностранцам запрещено разговаривать с местными жителями, а турфирмы должны придерживаться заранее оговоренных маршрутов. А по эту сторону границы мы вольны перемещаться, как нам угодно.

Командовал нашей группой Еси. Этот молодой парень в шляпе наподобие ковбойской, с длинными черными волосами и бородкой клинышком казался воплощением тибетца двадцать первого века. Он прекрасно смотрелся бы на Диком Западе. Мне казалось, что именно такие ребята рассекали галопом, направляясь на золотые рудники в Калифорнии. Хотя у него не было ни пистолетов в кобуре, ни лошади. Только шляпа.

Еси являлся совладельцем туристической компании «Караван», организующей поездки по Тибету с целью воссоздать подлинно тибетский дух приключений, будь то перемещение с караваном мулов или путешествие по маршруту буддийских паломников.

Еси был потомственным путешественником. Его дедушка, погонщик мулов, по пять-шесть месяцев пропадал вдали от дома, сопровождая караваны, перевозившие чай и текстиль, из индийского Дарджилинга в Тибет, а позднее основал крупную торговую компанию с филиалами в Лхасе, Куньмине и Дарджилинге.

Сам Еси рос в Индии. Его родители эмигрировали в 1950-е, после оккупации Китая Тибета, поэтому он говорил по-английски с мягким индийским акцентом. Еси отучился в университете в Штатах, работал продавцом на Манхэттене, служил в банке в Швейцарии, а потом вернулся в родной Тибет и основал там собственную компанию.

Еси привел с собой проводника Тхубтена, который раньше был буддийским монахом. Это сообщение немало повеселило остальных членов группы. Тхубтен определенно сбился с

пути истинного: только вчера он навернулся с мотоцикла. Теперь у него огромная шишка на лбу, а из-под повязки все еще сочится кровь. Кроме того, с нами ехал повар по имени Адро, Нуми — водитель, в чьи обязанности входило также отмывать чашки от жирного чая с маслом, и человек просто энциклопедических знаний — библиотекарь А-пин. А-пин принадлежал к национальному меньшинству *бай*, одному из народов, населявших южные регионы Китая. Он делился своей мудростью с Гаем на китайском. Оказалось, что А-пину даже с представителями своего народа приходится общаться на китайском, а не на диалекте *бай*, потому что диалекты даже соседних местностей так сильно отличаются, что жители двух близко расположенных деревенок не могут друг дружку понять. В результате китайский является единственным средством общения, если А-пину приспичит поговорить с родственниками, живущими в пятидесяти километрах.

Мы ехали через город. Прямо по шоссе цокали копытами лохматые черные яки, а свиньи бежали вдоль проезжей части. Тут же толпились бесчисленные ослики с грузами. Этот мир кардинально отличался от восточного побережья Китая. Серость последних недель рассеялась. Небо здесь блестело яркой синевой, воздух был свежим и чистым. Фасады крошечных лавок оживляли ярко-красные, розовые и голубые флажки; даже хибарки, казалось, украсили: на стенах были нарисованы облака, а среди них розоватые цветы лотоса, зеленые листья, оранжевые и желтые фрукты.

Правда, одна черта роднила эти места с остальным Китаем — страсть к строительству дорог. Мы двигались по идеально гладкому шоссе. Мы сделали круг, чтобы заехать в деревушку, жители которой зарабатывали на жизнь продажей посуды из дерева. Микроавтобус припарковался, и мы перешли через шаткий висячий мост. Внизу бурлила ледяная вода, а по берегам росли фруктовые деревья, на кустах распустились огромные цветы.

На другом берегу жались друг к другу около десятка белых домишек с плоскими крышами, которые одной стороной выходили на грунтовую колею, по которой брели люди, яки и свиньи. На первом этаже имелась дверь, но не было окон, поскольку его отвели для скотины. Жилые помещения располагались на втором этаже. Их украшали ряды резных расписных окошек. Самый верхний этаж занимал только половину ширины здания. На крышах некоторых домов виднелись спутниковые тарелки, принимавшие новости из далеких краев.

Нас пригласили в один из домов. Мы уселись за красные лакированные столики и полакомились фруктами — помело и горьковатыми апельсинами, что росли в садах вдоль речушки, а также грецкими орехами, которые нам поднесли на красном с золотом подносе. В углу комнаты были свалены в кучу деревянные круглые чашки с куполообразными крышками. В такой посуде тибетцы обычно хранят *цампу*, традиционное тибетское блюдо из ячменя. Я решила, что из уважения к хозяевам куплю что-нибудь из посуды: выбрала блюдо, расписанное золотой краской, и спросила, сколько оно стоит. Однако хозяева так обрадовались, что их работа пришлась мне по душе, что отдали блюдо просто так, в качестве подарка.

Мы снова сели в микроавтобус и продолжили свой путь вверх. Еси то и дело показывал на старые разбитые дороги на краю пропасти, по которым в свое время водил караваны его дедушка. Около шести вечера мы добрались до Дэциня. Это был приграничный городок, последняя остановка перед въездом в Тибетский автономный район. Здесь тоже лохматые яки брели по улицам, принюхиваясь к кучам мусора. То и дело нам попадались группы паломников, которые стекались со всей страны в это время года, чтобы после уборки урожая завершить *кору*.

Мальчик лет четырнадцати остановился и уставился на нас. Его раскосые глазки заблестели от удивления, а пухлые губки слегка приоткрылись. Он вопросительно наклонил голову, замотанную желтым шерстяным шарфом. В маленьких мочках поблескивали голубые сережки.

Около лавки, торгующей фетровыми шляпами и теплыми шерстяными накидками,

столпились женщины; при виде меня они захихикали. Их прически украшали длинные ленточки красного, зеленого и желтого цвета, а на шеях висели нитки разноцветных бус и золотые цепочки с кусочками бирюзы. На фоне смуглой обветренной кожи сияли белоснежные улыбки. У тибеток были длинные приплюснутые носы, а щеки алели так, будто в них втерли пригоршню спелых ягод.

Одна девушка была без головного убора. Ее черные всклокоченные волосы стояли под необычными углами, как взъерошенная шкура яка. Под грубой серой безрукавкой ярким пятном алела короткая кофта, а на ногах я увидела все те же вездесущие армейские тапочки зеленого цвета.

У обочины припарковались несколько открытых грузовиков, в кузовах которых сидели в общей сложности человек сто битком, словно сельди в бочке. На пыльной кабине ближайшего грузовика красовалась буддийская свастика.

— Не слишком удобный способ путешествовать, — сказала я Еси, глядя на паломников.

— Ну, в автомобиле им понравилось бы еще меньше, — ответил он, — с непривычки там многих укачивает.

Мы около часа гуляли вдоль лавочек, торгующих атрибутами жизни кочевых народов: национальными костюмами, седлами, жестяными котелками и кастрюльками. Чтобы выглядеть так же круто, как Еси, мы с Гаем купили себе по ковбойской шляпе, а я не сдержалась и приобрела вдобавок ярко-голубую шерстяную накидку, доходившую мне до пят и украшенную золотой, розовой и желтой вышивкой и мехом. Продавец был крошечный и ужасно жеманный. Он передвигался по своим владениям, мелко семеня и изящно покачивая маленькой упругой попой, словно лоснящийся черный кот, но при этом он пищал как мышонок, отказываясь снизить цену. Просто удивительно, как этот женоподобный персонаж, более женственный, чем все покупательницы вместе взятые, выжил в этом суровом краю.

Мы пообедали в одном из ресторанов на главной улице, где ели мясо яка с рисом и овощами. Потом мы с Гаем пошли в местный бар, где продавали ужасно дешевое пиво. А снаружи вездесущие паломники прижимались носами к стеклу, которое запотевало от их дыхания. Сбившись в кучку, более робкие прятались за спинами более смелых, с удивлением разглядывая чужаков, которые затесались среди них. Это были крестьяне из глухих деревенок, возможно, впервые в жизни видевшие иностранца живьем. Они не улыбались и не пытались заговорить, просто смотрели, не мигая, и их глаза светились через стекло, словно ряды крошечных лампочек.

Пиво в первой бутылке оказалось на вкус таким отвратительным, что мы решили его не допивать. Поскольку бутылка стоила всего пять юаней, то мы сдвинули стаканы с остатками тошнотворного пойла на край стола и заказали другой сорт. Вскоре в дверях показался какой-то паломник, отбившийся от товарищей. Его смелость явно подпитывало кое-что покрепче, чем чай с маслом. Храбрец нетвердой походкой направился к нашему столику, его узкие глаза покраснелись и окосели еще больше от выпитого. Ткнув пальцем в стаканы с недопитым пивом, он сказал что-то непонятное, но общий смысл был ясен: можно ли забрать пиво. Мы кивнули. В ту же секунду паломник схватил один из стаканов, почти полный, и, рывком запрокинув голову, как йог, приветствующий солнце, влил янтарную жидкость в горло и проглотил в один присест, потом моргнул, громко рыгнул и вытер рот рукавом. Барменша этому не слишком обрадовалась. Мы привлекали слишком много внимания, потому она попросила нас уйти.

Паломники спали прямо на земле, сгрудившись вокруг костров, разведенных на обочине. Мы же пока шиковали и провели ночь в лучшем отеле города, где смогли отлично выспаться, принять горячий душ и собраться с силами — дорога предстояла дальняя.

Нашей первой остановкой стал монастырь на холме: там следовало воскурить благовония перед тем, как отправиться в наше паломничество по собственному

сокращенному маршруту. На подступах к монастырю стояли ряды *чортонов*, так в Тибете называют ритуальные ступы. В утренней дымке их белые основания в виде куба, символизирующие землю, и белый купол, символизирующий небо и путь к просветлению, ярко выделялись на фоне темных гор.

Мы вышли из автобуса, ежась от холода, купили веток можжевельника, а потом немного согрелись, пока засовывали можжевельник в печи, из которых тут же повалил дым, окутывающий нас сильным ароматом костра и хвои.

Еси выдал каждому из нас по пучку розовых ароматических палочек. Мы держали их концы в пламени, пока палочки не начинали тлеть, а затем засовывали их в теплый мягкий пепел, на верхушке мерцал оранжевый огонек, и поднимался к небесам спиралью дым.

Из печей тоже вырывался клубами дым, который впитывался сотнями разноцветных молитвенных флажков; ими украшали колонны пагоды, а также вешали всюду, где дует ветер — между ветвей деревьев и просто на бамбуковых шестах, чтобы гармонизировать пространство. Вдали виднелись снежные шапки гор, куда мы направлялись.

Солнце медленно поднималось из-за горизонта. Это было незабываемое зрелище. Небо сначала порозовело, затем стало фиолетовым, а потом и ярко-голубым. Солнечные лучи коснулись запорошенных снегом вершин, и снег засиял, как бриллианты.

После подношений богам мы спрятались от холода в одном из низеньких домишек рядом с дорогой, где позавтракали домашними лепешками, яйцами, *цампой* и выпили по чашке чая с маслом, чтобы подкрепиться перед тяжелым днем.

— Я уже пробовал этот чай, — сообщил Гай, когда Нуми наполнил чашку мутной желтоватой жидкостью, напоминавшей разбавленный водой чуть подкисший соус бешамель. Судя по тону, Гая не слишком-то радовала новая встреча с тибетским напитком.

Еси засмеялся.

— А ты думай, что это суп.

Оказалось, что когда перед тобой чашка варева, от которого желудки иностранцев нехорошо сжимаются — подсоленного черного чая, смешанного с маслом из молока самки яка, такой способ срабатывает.

Как чай эта смесь вызывала отвращение, а если относиться к содержимому чашки как к жидкому сырному супу, то можно, по крайней мере, проглотить его без рвотных позывов, а если перемешать с *цампой*, то и вовсе получалось нечто, отдаленно напоминающее овсянку.

Снаружи паломники, кутаясь в грубые шерстяные накидки, сидели на корточках прямо на земле и грели руки об эмалированные кружки с таким же чаем, который разливали из почерневшего от копоти жестяного котелка.

— Чай и *цампа* — все, чем они питаются, — объяснил Еси. — Они берут с собой по пачке чая и по контейнеру с *цампой*, а по дороге покупают масло по мере необходимости.

Скучное и однообразное питание, ничего не скажешь. Я порадовалась, что мы с Гаем путешествуем с комфортом и можем добавить в наш рацион мясо яка и рис.

Еще два часа мы ехали по горному серпантину. Кое-где дорога, как и положено, обваливалась в пропасть, и незадачливый путешественник при неблагоприятном стечении обстоятельств вполне мог отправиться следом. В других местах сверху периодически скатывались валуны. Тяжелые грузовики с паломниками аккуратно ехали по центру дороги, стараясь не заглохнуть со своей ношей на полпути. Я закрыла глаза в надежде заснуть.

— Хочешь поехать на муле? — спросил меня Еси, когда мы добрались до начала того отрезка, который предстояло преодолеть без микроавтобуса.

— Конечно, — ответила я.

Идея привела меня в восторг. На таком транспортном средстве мне еще не доводилось перемещаться. Моего «боевого коня» экипировали, накинув ему на спину старый красно-белый коврик. Как и большинство существ, обитающих в Китае, мул мог похвастаться крупными размерами. Когда в начале 1940-х Эрнест Хемингуэй посетил Китай, он, в какой-то момент решив, что его лошадь слишком мелкая, а потому бесполезна, взвалил ее на плечи и понес. У моего мула был белый бархатный нос, добрые глаза, и вез он меня

молча. Похоже, о проступке Хемингуэя в Китае до сих пор помнят и подвергают всех белых мужчин остракизму, поскольку Гаю не предложили ехать на муле, и он поднимался в гору на своих двоих. К счастью, наш багаж ехал отдельно от нас, так что не пришлось тащить тяжелый рюкзак. Нуми, Адро и А-пин отправились вперед с маленьким караваном, чтобы подготовить лагерь для ночевки.

В первый день мы шли пять или шесть часов. После ланча (яйца вкрутую, лепешки и вяленое мясо яка) я решила дать бедняжке-мулу отдохнуть и остаток пути проделала пешком. Сначала верхом ехать было весело, но постепенно похолодало, а мы двигались в тени леса. В конечном счете, наш вояж задумывался как паломничество, и вряд ли удастся снискать благосклонность высших сил, если за меня всю работу проделает несчастное животное.

Вскоре после ланча мы добрались до перевала и дальше пошли вниз. Здесь деревья были увешаны молитвенными флажками так густо, что они выглядели как плотный разноцветный навес, через который, насыщая краски, пробивались солнечные лучи.

Мы тоже привязали флажки к дереву, оставив следы собственного пребывания в этом значимом с религиозной точки зрения месте.

Тогда по восточному календарю был год Овцы. Считалось особенно важным совершить кору именно в год Овцы, поэтому сюда стекались десятки тысяч паломников. Каждые несколько минут мы встречали на своем пути очередную группу, двигавшуюся по склону в том направлении, откуда мы прибыли. Паломники шли гуськом, опирались на тонкие бамбуковые жерди, которые подобрали по пути, и эта вереница напоминала живую изгородь.

Какой-то старик улыбнулся, глядя на нас, и по его смуглому лицу разбежались во все стороны тоненькие лучики морщинок. Передние зубы у него отсутствовали, вместо них зияла чернота, на шее висели деревянные четки, а на голову он надел меховую шапку, похожую на защитную каску. Еще один китаец щеголял, завернувшись в длинную белую овчину, похожую на негатив растаманских дредов, а третий, помоложе, надел желтый свитер с треугольным вырезом поверх строгой рубашки в ромбик с непропорционально длинными концами воротника. Его меховую шляпу украшала бахрома, которая выглядела как длинные нечесанные брови.

Женщины и девушки носили передники всех цветов радуги. У многих за спиной были привязаны младенцы.

— *Таши делек*, — здоровались паломники по-тибетски.

— *Таши делек*, — отвечали мы снова и снова.

В разгар дня на небе не осталось ни облачка. Солнечный свет слепил, а воздух был свежим и чистым. Под пронзительно синим куполом неба поблескивали снежные шапки гор, а сочная листва зеленела так, что мы уже не сомневались — вот она, Шангри-Ла.

На ночлег мы остановились неподалеку от деревеньки, на изумрудно-зеленом лугу у подножья гор, укрытых снегами. К нашему приходу палатки уже установили, костер развели, и в котелке весело булькала вода для кофе. Наслаждаясь рубленным мясом яка, жареными бобами, баклажанами, кабачками, брокколи и картофелем, мы искренне посочувствовали настоящим паломникам, для которых день закончится очередной чашкой чая и миской *цампы*.

Темнело. Мы поставили раскладные стулья вокруг огня и заполировали ужин тибетской ячменной водкой. Адро и Нуми танцевали и горланили песни, восхваляя местную огненную воду, а мы смотрели на небо, на котором сияли нереально красивые звезды.

Вскоре я, разумеется, пожалела, что поддавалась на уговоры и попробовала водку. Вообще-то я выпила всего ничего и запила ее огромным количеством воды, но поскольку мы находились высоко, алкоголь понесся по венам со скоростью света. Меня стало мутить, а голову сдавила ужасная боль. Когда мы разошлись спать, я долго лежала без сна в нашей с Гаем палатке в альпинистском спальном мешке с капюшоном. Под воздействием алкоголя и высоты я ощутила приступ клаустрофобии, а вся жидкость в моем организме тем временем

хлынула вниз, в мочевой пузырь, который надулся и теперь полностью оправдывал свое название. Ночью температура упала ниже нуля, и меньше всего мне хотелось вылезать на холодную улицу, но дальше терпеть я не могла, поэтому я вырвалась из плена спального мешка и выскочила наружу. Холод внезапно принес облегчение. Опорожнив мочевой пузырь, я снова вернулась в палатку. Через несколько минут из темноты донесся сдавленный голос Гая:

— Ты не спишь?

— Как ты себя чувствуешь? — задала я встречный вопрос.

— Отвратительно.

Мы оба замолчали, упиваясь жалостью к себе, после чего Гай спросил:

— У тебя есть болеутоляющее?

Я покопалась в аптечке. Мы проглотили по таблетке и провалились в глубокий безмятежный сон.

Нас разбудил незнакомый звук — это яки и мулы шли мимо нашей палатки, позвякивая колокольчиками. В лучах восходящего солнца снег на вершинах гор отливал розовым на фоне темного неба, по которому плыли маленькие облачка. Между сладко пахнущим лугом, на котором мы разбили лагерь, и горами вдалеке шла еще одна горная гряда, чуть пониже; туда солнечные лучи пока не попадали, и вершины отбрасывали на снег длинные острые тени. А здесь на деревьях рос густой мох, который обычно называют бородатый, и сейчас он, казалось, светился нежно-зеленым светом.

Адро умудрился прямо на костре испечь на завтрак лепешки, которые мы съели вместе с яйцами, картошкой и местным медом, хрустящим от кусочков льда. Когда завтрак подходил к концу, мы заметили, что через поле бредет какая-то женщина в красной косынке, согнувшись, словно вопросительный знак, под тяжестью вязанки хвороста. Она присела отдохнуть и с удивлением рассматривала меня, без сомнения, недоумевая, кто эти странные люди, с аппетитом поглощающие странную еду.

Еси показал нам горную речушку, которую местные жители использовали, чтобы вращать тяжелые жернова мельницы, где мололи ячмень для *цампы*, а еще обратил наше внимание на, ни чем не примечательную зеленую коробочку, от которой тянулись провода.

— Это электрогенератор, — пояснил он, — тут в каждой семье такие есть. Течение реки создает достаточную мощность, чтобы осветить дома, у некоторых даже есть телевизор.

Мы прошли через деревню, мимо огромной спящей свиньи, нескольких бодрых псов и бесчисленного количества куриц. Стайка маленьких девочек тащила на коромысле блестящее алюминиевое ведро с водой. На одной был темно-синий свитер с олененком. Девочки разулыбались во весь рот при виде нас.

Еси и его помощники хотели было снова усадить меня на мула, видимо, решив, что подъем для меня тяжеловат, но я пожелала прогуляться. Верхом, конечно, очень весело, но сегодня физическая нагрузка не повредит. Мужчины то и дело останавливались, чтобы помочь мне, подавая палки, буквально затаскивая наверх и не позволяя ничего нести. Внезапно во мне вышло самолюбие, я ощутила острую потребность доказать, что девушки тоже умеют взбираться по склонам. В итоге я опередила Еси и всех остальных. Гай пыхтел, но не сдавался, только изредка жаловался, останавливаясь и переводя дух. Когда мы в очередной раз сделали остановку, чтобы подождать членов нашей группы, я забрала у Гая наш общий рюкзак, что немало шокировало проводников.

— Ты позволишь ей нести рюкзак? — ахнули они.

— Ага, — сердито ответил Гай, — позволю!

По дороге мы зашли в деревеньку, где жила подружка Тхубтена. У нее был свой постоянный двор, и нас усадили в комнатке, которая выходила в центральный дворик, и дали мяса, лепешек и чая с маслом. На этот раз прогорклая жижа показалась почти вкусной. После обеда мы продолжили путь в Дэцин, завернув в ярко раскрашенный монастырь, где зажгли масляные лампы в надежде, что их свет станет проводником для наших душ в лучшем мире.

Горящее масло пахло кислятиной, но свет, исходивший от сотен крошечных светильников, зачаровывал.

Весь следующий день мы ехали от Дэциня до Чжундяня. По дороге мы посетили маленькую школу, которую открыл монах из монастыря, расположенного поблизости. Он решил посвятить свою жизнь образованию бедных крестьянских детей. Многие ученики были сиротами или же детьми из неполных семей, а в здешних суровых условиях отсутствие даже одной пары рук сильно сказывается на качестве жизни. Хотя в Китае начальное образование является обязательным, родители должны платить за него, поэтому в сельской местности, вдали от бдительных чиновников, дети из бедных семей просто не могут себе позволить ходить в школу. Когда монах понял, что многие ребяташки из соседних деревень не умеют ни читать, ни писать, он решил как-то изменить сложившуюся ситуацию. Поначалу уроки проходили в маленькой деревянной хибарке, где вместо доски на стене висел кусок зеленого пластика, но, на счастье, пару лет назад сюда заезжала представительница Всемирного фонда дикой природы. Ее так тронуло увиденное, что она собрала средства, на которые возвели двухэтажное кирпичное здание со спальнями и классами. Сейчас там обучались сорок восемь учеников. Расходы на содержание школы составляли около семи-восьми тысяч фунтов в пересчете на юани, то есть на каждого ребенка уходило около ста пятидесяти фунтов, включая питание, проживание, одежду и школьные принадлежности. Приходилось экономить. Все дети носили одинаковые красные или синие спортивные костюмы. Старшие ученики в возрасте двенадцати-тринадцати лет по очереди дежурили на кухне. Они жили здесь одиннадцать месяцев в году и учились читать и писать по-тибетски. Условия, конечно, спартанские, но, судя по всему, дети были довольны, и все вокруг блистало чистотой. Нам предложили чай, который мы с благодарностью выпили, после чего сделали небольшой взнос в фонд школы.

В Чжундяне мы поселились в отеле, совладельцем которого был брат Еси, Таси. Очень красивое здание, обставленное старинными тибетскими стульями и шкафами, с элегантными шелковыми портьерами и коврами с лхасской фабрики Таси. К несчастью, принять с дороги ванну не представлялось возможным, поскольку горячую воду в отеле давали только по вечерам. Отопление тоже включали лишь по настоянию постояльцев. Стильное, конечно, местечко, но все-таки не стоит слишком экономить на топливе на высоте три тысячи двести метров над уровнем моря в преддверии зимы. Ночи здесь даже холоднее, чем в горах: хотя на календаре был всего лишь ноябрь, но к утру столбик термометра опускался до минус десяти. Однако тибетцы, по видимости, привыкли к таким трудностям.

— У меня в квартире вообще отопление сломалось, — заявил нам Еси, — так что я сплю под несколькими одеялами и в шляпе.

В любом случае отдохнуть нам не пришлось, так как Еси организовал для нас вечеринку в деревеньке в паре километров от города, где жил Дакпа, его партнер по бизнесу. Дакпа и Еси хотели возродить старинные традиции, чтобы местные собирались вместе, пели и танцевали, и открыли что-то типа клуба, рядом с которым была даже баскетбольная площадка, в надежде привлечь молодежь: все лучше, чем от скуки часами торчать в караоке-баре и злоупотреблять алкоголем.

Мы сидели за деревянным столиком в зале, обшитом светлыми еловыми панелями и украшенном декоративной резьбой, а рядом, в пристройке под навесом, местные жители готовили традиционные тибетские кушанья. Мы плотно наелись и выпили вина, а когда покончили с ужином, то в дверях показалась голова в красном тюрбане. Я поймала взгляд девушки и улыбнулась, та сразу же отпрянула, а через несколько минут в зал стали заглядывать все новые и новые любопытствующие. В конце концов, они набрались смелости и вошли. На женщинах были длинные платки цвета фуксии, обмотанные вокруг головы наподобие венца, и темно-синие платья, расшитые розовыми и зелеными цветами. Некоторые мужчины носили шляпы, напоминающие перевернутое ведро, богато

украшенные золотой тесьмой и кистями из меха, а у одного была такая смешная меховая шапка, что издали казалось, будто у него на голове примостился маленький медведь. Все местные жители улыбались, демонстрируя идеальные зубы. Видимо, в этом тибетском чае действительно что-то есть.

Несколько минут местные нервно хихикали и перешептывались, но потом, казалось, забыли о нашем присутствии и пустились в пляс, причем сам танец выглядел следующим образом: мужчины клали друг другу руки на плечи, встав в линию, а женщины точно так же выстраивались напротив, лицом к ним, затем мужчины начинали петь и высоко подбрасывать ноги в ритм музыки, после чего наступал черед женщин.

И тут вдруг в зал вошла маленькая девочка лет трех в розовом платьице.

— Это дочка Дакпы. — Еси засмеялся, когда малышка поковыляла к нему, чтобы обнять, а потом вдруг остановилась и попыталась изобразить те же движения, что и танцоры.

То было весьма отрадное зрелище. Может быть, эти люди двигались и не совсем слаженно, зато от души. Вскоре мне начало казаться, что танец может продолжаться всю ночь напролет, а нам уже пора было спать. Каждый раз, когда песня затихала, Еси покашливал, собираясь попрощаться, но тут начинался новый номер. Еси посмотрел на нас с улыбкой:

— Если уж они разойдутся, то не остановишь.

Глава 16 **Воссоздание рая**

Гай вернулся в Пекин на следующее утро, а я проверила свой электронный почтовый ящик в бизнес-центре отеля, персонал которого стойко трудился при температуре воздуха в помещении плюс четыре градуса. Мои пальцы вскоре окоченели от холода, а медленный Интернет, казалось, из жалости чуть-чуть убыстрился. Мальчик-малаец, который дежурил в тот день, похоже, промерз до мозга костей. Он сидел неподвижно, с белым от холода и ужаса лицом, как жена Лота, превращенная в соляной столб за то, что посмела обернуться и взглянуть на Содом.

А за стойкой регистрации администраторы стояли, словно статуи, обездвиженные слоями перчаток и шапок, над головами у них висели огромные квадратные кондиционеры. Я поинтересовалась, почему бы им не включить отопление.

— Мы его включаем, когда останавливаются большие группы туристов, — ответили администраторы сдавленными голосами, так, словно от движений губ могла потрескаться ледяная корка на лице.

Я подождала внизу Кесанга, одного из здешних гидов, который собирался устроить мне экскурсию по городу и ближайшим пригородам. Вскоре он появился и повел меня к машине, на лобовом стекле которой намерз слой льда. Забавно, что в регионе с таким климатом у водителя не было никаких подручных средств типа скребка, чтобы соскрести лед. Он просто высунул голову в окошко, извиваясь всем телом, как египетская танцовщица, и так вел машину.

— Не волнуйся, сейчас выедем на солнышко, и все растает! — заверил меня Кесанг с беззаботной улыбкой.

Ему было чуть за двадцать, наполовину тибетец, наполовину непалец, модно одетый и очень симпатичный, должно быть, из обеспеченной семьи. Как и Еси, Кесанг получил образование за границей, в школе-интернате в Индии. Его родители бежали, как и многие другие семьи после того, как Китай захватил (по китайской терминологии «освободил») Тибет в 1950 году. Оккупация Тибета до сих пор остается камнем преткновения. Пресс-служба далай-ламы утверждает, что за период с 1950 года более одного миллиона тибетцев сгинули в трудовых лагерях, что коммунисты насиловали женщин, а детей увозили на «перевоспитание» в Китай. Более ста тысяч тибетцев до сих пор живут в изгнании, включая их духовного лидера, далай-ламу. Тем временем план китайских властей по

расселению тибетцев закончился тем, что на исконно тибетской территории ханьцев теперь больше, чем тибетцев; даже в случае референдума перевес голосов будет в пользу китайцев, правда, два этих народа с трудом уживаются рядом.

— Китайцы боятся тибетцев, — сказал мне Кесанг, делая страшные глаза. — Тибетцы носят ножи. О, это дикий народ.

Кесанг — просто очаровашка. Он рассказал мне, что увлекается кино, каждый вечер берет в видеопрокате пару дисков и до утра погружается в выдуманный мир.

Мы отправились в монастырь Рингха, расположенный примерно в пятнадцати километрах от города. Дорогу в тот момент как раз ремонтировали, поэтому периодически приходилось перемещаться по обочине, а один раз даже перебираться через небольшую речушку. В сельской местности моему взору предстала идиллическая картина: вдалеке виднелись чистейшие речки, вдоль дороги смешные маленькие свинки с висячими ушами, покрытые черной щетиной, копались в земле в поисках чего-нибудь вкусенького. У них были длинные тонкие хвостики колечками, которыми они виляли, как щенки, и умильные пятячки. Время от времени попадались деревянные жерди, между которыми сушили ячмень. Сейчас трава уже приобрела золотой оттенок и заметно поредела, но летом здесь, наверное, полно цветов — фиолетовых ирисов, красных маков, желтых первоцветов, роз и азалий. Даже промерзший теплолюбивый малаец в отеле согласился, что летом в Чжундяне хорошо. На узких полосках лугов паслись яки и лошади, а вдалеке выросли горные цепи.

— Это яки разных хозяев, но обычно в семье всего один взрослый мужчина, которому надо работать в поле, поэтому яков пригоняют на общее пастбище, — объяснил мне Кесанг. — А по вечерам они сами расходятся по домам и стучат лбами в дверь, чтобы их пустили.

Ха-ха, вот забавно! Як, который по вечерам сам приходит домой и стучится в дверь: «Эй, хозяйка, я вернулся!»

В монастыре мы купили ароматические палочки и зажгли их. Я спросила Кесанга, нужно ли произносить молитву, когда я втыкаю палочки в пепел, и он с жаром ответил:

— Да, конечно! Молись за мир во всем мире.

Я попробовала.

Затем мы посетили близлежащую деревеньку. Кесанг рассказал, что местные жители до сих пор соблюдают традиционный похоронный обряд: разрезают труп на кусочки и бросают в реку.

— Это законно? — уточнила я.

— Разумеется, нет, но это же всего лишь одна маленькая деревенька, так что власти закрывают глаза.

Мы вошли в один из домов, где Кесанг тепло поздоровался с какой-то пожилой женщиной. Она, казалось, тоже обрадовалась, увидев симпатичного паренька, который привел в ее дом иностранку. Мы поднялись по ступенькам на второй этаж, где располагались жилые помещения. Здесь не было окон, и комнату освещали только тлеющие угли в очаге, который постоянно горел в углу. В полумраке старушка засуетилась, заваривая нам чай с маслом. Она носила традиционный костюм: черная шляпа, обвязанная красной лентой, крупные серебряные сережки-кольца, ярко-красная кофта, украшенная золотыми вставками, и синяя длинная безрукавка. На ногах — потертые парусиновые тапочки. Мы с Кесангом уселись на узеньких скамейках вокруг открытого огня и наблюдали, как гостеприимная хозяйка наливает кипящую воду из потемневшего от копоти горшка в высокую деревянную емкость цилиндрической формы, перемешивает жидкость длинной палкой, а потом разливает чай с маслом в потрескавшиеся чашки. Кроме того, старушка предложила нам домашний сыр из молока самки яка — неаппетитные желтые сморщенные кусочки, которые мне почему-то напомнили обрезки ногтей очень пожилого человека. Ногти мне пробовать не доводилось, но, думаю, по вкусу тоже очень похоже. Доброжелательный Кесанг на все лады расхваливал вкус сыра и сам с аппетитом уминал за обе щеки, я же осторожно взяла один

маленький кусочек и медленно прожевала его.

Над огнем вялились куски мяса яка. Они сморщились и потемнели. На вид этому мясу было лет сто. Так, наверное, выглядят эксгумированные трупы. К счастью, отведать мяса нам не предложили, с меня хватило и дегустации сыра.

На обратном пути Кесанг рассказал мне о тибетских похоронных обрядах.

— Когда я умру, у меня будут так называемые «*небесные похороны*», — сообщил он мне, а дальше стал в красках описывать весь процесс: — Сначала плоть отделяют от костей, затем кладут в кулек примерно такого размера, — он сомкнул руки в кольцо перед собой, — и монахи уносят и плоть, и кости в горы.

Я поежилась, но спросила:

— А родные сопровождают... э-э-э... тело?

— Ну, самые близкие родственники — нет, а вот всякие там дяди, тети и двоюродные братья-сестры идут вместе с монахами. На горе монах режет плоть на маленькие кусочки, кровью пропитывает *цампу* и оставляет, чтобы склевали хищные птицы. А кости тоже измельчают и тоже перемешивают с *цампой*.

Меня уже подташнивало, а Кесанг заливался соловьем, рассказывая обо всех этих ужасах как о чем-то веселом, без всякого отвращения. Такова жизнь: его народ оставляет трупы на съедение стервятникам, и когда-нибудь его самого тоже ждет такой конец.

— Сначала, — продолжил Кесанг, — прилетает вожак стаи, а остальные птицы ждут в сторонке, пока он не насытится.

— И за какое время они справляются?

— Да минут за тридцать.

Очень кровопролитные похороны, но, с другой стороны, разве лучше сгореть в крематории или гнить под толщей земли? Хотя лично мне представляется ужасным смотреть, как твоего родственника режут на кусочки и скармливают стервятникам. Я спросила Кесанга, бывал ли он на «*небесных похоронах*».

— Да. Когда мой дядя умер, — ответил он и снова улыбнулся.

Тибетцы вообще относятся к смерти очень спокойно, для них жизнь — это лишь очередной этап, поэтому они с нетерпением ждут следующего звена в цепочке реинкарнаций.

Вернувшись в Чжундянь, мы прогулялись по старому городу. Везде кипела работа. Дома реставрировались, дороги перестраивались, со всех сторон что-то сверлили и пилили, кругом подвывали бетономешалки, а путь нам порой преграждали огромные кучи булыжников. Правительство нашло свою Шангри-Ла и в спешном порядке отремонтировало ее. Те, кто надеялся пополнить свой банковский счет, купили домишки-развалюхи и теперь с грохотом, шумом и треском превращали их в бары, рестораны, отели и магазины. К следующему году городок должен был предстать уже в новом обличье.

Мы зашли в один ветхий домик, которому было около трехсот лет. Здесь жила пожилая чета, которую во времена «Культурной революции» *хунвэйбины* временно выселили, устроив в доме свой штаб. В итоге супруги потеряли все имущество, кроме одного деревянного горшка, который нам с гордостью продемонстрировали.

На стене висел плакат: Мао Цзэдун, Дэн Сяопин и Цзян Цзэминь. Мне показалось странным, что люди, которые так пострадали при коммунистическом строе, решили повесить у себя дома изображения партийных лидеров. Рядом с плакатом я заметила маленькую выцветшую фотографию, запечатлевшую встречу Мао и молодого далай-ламы. Снимок был сделан в 1950-е годы, еще до того, как отношения правительства и далай-ламы окончательно испортились.

Старик и его жена оба были по национальности тибетцами, потому испытывали глубокое уважение к своему духовному наставнику, но при этом они, казалось, принимали близко к сердцу и идеалы коммунизма. Маленькая выцветшая фотография наглядно демонстрировала всю противоречивость и запутанность симпатий жителей этой части

восточного Тибета, лучше, чем выступления всех политиков вместе взятых. Да, тибетцы, разумеется, против оккупации своей территории, но всё не так однозначно. Современное правительство — лишь очередной этап иностранного правления в Тибете, где успели отметиться монголы, непальцы и даже ненадолго англичане, но при этом тибетцы и китайцы не всегда были врагами. Когда в 1717 году китайцы изгнали из Тибета монголов, местные жители тепло приветствовали их и Тибет стал протекторатом Китая; на основе этой договоренности, собственно, двести пятьдесят лет спустя коммунисты и заняли Тибет. Сейчас большинство китайцев искренне полагают, что их «участие» в судьбе Тибета (а вовсе не оккупация) пошло тибетцам на пользу. На Крыше Мира появились школы, больницы, дороги. С другой стороны, далай-лама обвиняет китайцев в культурном геноциде.

— Я уважаю Мао, — сказал мне старик, — и ценю то, что он сделал для Китая, но из всех троих, — он махнул рукой в сторону плаката, — мне наиболее симпатичен Дэн Сяопин, поскольку именно после его реформ мне вернули дом.

Глава 17 Конфуций бы удивился

Вид из окна автобуса, который на следующее утро вез меня из Чжундяня в Лицзян, был бы куда лучше, если бы девушку, сидевшую впереди, не тошнило так отчаянно. Каждые несколько минут она бледнела, открывала окно и свешивалась вниз. Автобус двигался вперед, и содержимое ее желудка приземлялось веселыми оранжевыми брызгами прямо на стекло моего окна. Но, несмотря на эти оранжевые пятна, пейзаж был просто прелестный: вдали возвышались горы, а на равнинах у их подножья крошечными крапинками паслись яки. Около часа мы ехали вдоль неглубокой речушки, которая весело бурлила, огибая гладкие камешки. Был уже конец ноября, но на деревьях все еще стойко держались листочки, некоторые еще даже зеленые, другие уже ярко-золотые или алые. Затем речка впала в Янцзы, и наш автобус, заляпанный рвотой, поехал вдоль великой реки. Рельеф стал волнистым. Вдоль берега тянулись заливные рисовые поля: кое-где просто коричневая влажная земля, здесь урожай только что убрали; на других участках проклевывались над слоем воды крошечные зеленые росточки.

Дальше какое-то время мы ехали по сосновому лесу и, через пять с половиной часов пути, прибыли в Лицзян.

Вообще-то путешествие должно было занять куда меньше времени, но нас задержали ремонтные работы. Власти решили, что в Утопию надо ехать по гладкой дороге, поэтому велось строительство новой автострады, по которой до Лицзяна можно будет добраться за, каких-то, два часа, но зато сейчас нам пришлось тащиться в обход по пыльным проселочным дорогам.

Лицзян — неизменно привлекающий туристов симпатичный маленький городок, чьи «старинные» кварталы в конце 1990-х подверглись косметическому ремонту, причем это было еще до того, как подобная «пластическая хирургия» — вошла в моду и в других городах. Тогда реконструкцию пришлось проводить из-за землетрясения 1996 года. Теперь, после реконструкции и открытия местного аэропорта, на запутанных улочках изрезанного каналами города полно баров, ресторанов и сувенирных лавочек. Солнечный свет пробивался сквозь листву деревьев и отражался в чистой воде. Через каналы были переброшены простые деревянные мостики, по которым с мощеных улочек можно попасть на террасы с плетеными креслами и столиками, накрытыми полосатыми скатертями. С серых загнутых кверху крыш свисали каскады красных фонариков. Улицы шли под наклоном, поэтому издали казалось, будто холм весь облеплен черепичными крышами, при этом везде царила безупречная, безукоризненная, необычная для Китая чистота.

Лицзян населяет народность *наси*. Женщины *наси* в голубых хлопчатобумажных кепках и передниках ходили по улицам среди туристов, неся за спинами огромные плетеные корзины, как и много веков назад. *Наси* являются потомками древней тибетской

народности *цян*. Как и большинство китайских национальных меньшинств, *наси* говорят между собой на собственном диалекте. Но значительно более необычно то, что у них есть собственная система пиктографического письма, так называемая *наси дунба*, в которой легко узнаются изображения людей, животных, птиц и цветов. Некоторые иероглифы *дунба* построены по принципу ребуса, к примеру, «ехать верхом» — это изображение фигурки на коне, иероглиф «убивать» — это изображение человечка, который занес меч над потенциальной жертвой, съезжившейся в ужасе, а «обсуждать» — это два человечка, из ртов которых торчат длинные языки, нацеленные навстречу друг другу. До недавних пор среди *наси* царил матриархат: хотя формально правители и были мужчинами, однако фактически тут верховодили женщины, которые ни в грош не ставили конфуцианские ценности, задвигавшие представительниц слабого пола на второй план.

Питер Гуларт писал в своей книге «Забытое королевство» (*Peter Goullart «Forgotten Kingdom»*), что даже магазинами здесь за небольшим исключением руководили женщины. Гуларт был родом из России. После Октябрьской революции он бежал от большевистского режима в Шанхай, а оттуда в 1939 году перебрался в Лицзян, где заведовал складами по поручению китайского правительства. Вот что я вычитала в его книге.

«Женщины *наси* довольно сварливые и агрессивные, хорошо умеют торговаться. Когда женщине нужно уйти по делам, она просит присмотреть за товаром мужа, который в обычное время нянчит детей».

Гуларт обратил внимание на то, что *наси* склонны к самоубийствам.

«В каждой семье имеется как минимум два человека, которые покончили с собой. Это удобный и весьма распространенный здесь способ выпутаться из любовного треугольника, спасти себя от потери лица, положить конец серьезной ссоре, справиться с обидой или поставить точку в несчастливом браке».

По подсчетам Гуларта, четыре из пяти самоубийств происходили по договоренности влюбленных, тайно бежавших из дома. Чаще всего молодые люди выпивали настойку ядовитого корня.

«В таком случае смерть не сопряжена с особыми страданиями, человек мгновенно гибнет от удушья, из горла самоубийцы даже не успевают вырваться крики, а значит, влюбленных не успеют обнаружить и спасти», — объясняет автор книги.

Заселившись в отель, я вышла побродить среди оставшихся в живых представителей *наси* и туристов, значительно превосходивших их численно, и вскоре потерялась среди узеньких улочек, пронизанных каналами, и мостиков, поскольку для новичка Лицзян казался запутанным лабиринтом. По пути мне попался ресторан, рекламирующий национальную кухню *наси*, в том числе жареных кузнечиков. Гожусь ли я на роль отважной искательницы приключений и неустрашимой поедательницы насекомых? Скорее всего, нет. Поэтому я предпочла поужинать традиционной пиццей в уютном маленьком ресторанчике, где мне предложили меню на английском.

Вообще-то я планировала провести следующий день, празднично шатаясь по городу, время от времени заходя в кафешки, чтобы выпить чашечку кофе, потому что устала после яростного шопинга в Шанхае и похода по горам. К утру обнаружилось, что из крана с горячей водой идет еле теплая, большая часть лампочек не работает, отопление сломалось, а из телевизионного пульта вываливаются кнопки. Признаться, если бы я даже смогла пощелкать пультом, переключая каналы, то все равно ничего бы не поняла, но тут дело в принципе. Я находилась в городе, который жил за счет туризма, а значит, отели должны были бороться за клиента, поэтому я рассудила, что за свои деньги наверняка могу получить обслуживание и получше. Поэтому несколько часов я обходила конкурирующие фирмы, пока не остановила свой выбор на небольшом отельчике за углом, который открылся всего

три месяца назад, и пока что там все работало. Отель располагался в старинном особнячке, но внутри все было совершенно новое. Оптимальный вариант для Китая.

Я переехала в другую гостиницу, после чего отправила домой посылку с шерстяной тибетской накидкой, а потом несколько часов пыталась забронировать билеты на самолет из Лицзяна до Цзинхуна, городка, расположенного на южной оконечности провинции Юннань, куда кроме как на самолете и не доберешься. В тот день я столько раз слышала слово «нету», что сбилась со счета, в итоге плюнула, изменила свои планы и купила себе билет на ночной автобус до Куньмина, столицы провинции. Вообще-то я собиралась пробыть здесь пару дней, но билеты в отдаленных уголках всегда лучше приобретать заранее. После всех мытарств я вознаградила себя огромным куском дымящегося яблочного пирога, и на этом мой праздник лени закончился.

На следующее утро я пошла в кафе, где, если верить рекламе, предоставляли в аренду велосипеды, поскольку планировала отправиться в деревеньку Байша, бывшую некогда столицей королевства Наси и до сих пор живущую по старинке, несмотря на орды туристов, приезжающих поглазеть.

Мне выдали груды ржавого железа с неисправными тормозами. Пока я проверяла, всё ли на месте, пришла еще одна англичанка по имени Таня. Она последние два года преподавала английский в Японии и сэкономила достаточно денег, чтобы несколько месяцев путешествовать по Азии. Поскольку Таня тоже хотела проехаться на велосипеде, мы решили отправиться вместе.

Байша находилась всего в девяти километрах от Лицзяна, и, даже учитывая, сколь рахитичными были наши велики, мы добрались туда быстро и без приключений. Мы с Таней крутили педали по ровной грунтовой дорожке, окруженной полями, где крестьяне поливали посевы, зачерпывая воду из оросительного канала гигантскими ковшами с себя ростом, ручки которых напоминали бревно средних размеров, а сам ковш был диаметром с раковину. Да уж, нелегкий труд.

Старые трактора, вонючие и медлительные, ползли по дороге за велосипедами, которые везли тележки с бревнами, сеном и детьми, а иногда со всем вместе. Женщины тащили на себе огромные соломенные корзины с хворостом, овощами, а то и с черепицей.

Байша оказалась живописным местечком, расположенным в горной долине, рядом с восточными предгорьями Гималаев. Кирпичные дома отсвечивали на солнце золотом. У каменных стен высились горы початков желтой кукурузы. Вдоль главной улицы текла быстрая река, которую пересекали каменные мостики. Над чистой водой на корточках сидела какая-то женщина и чистила овощи, а вторая тут же стирала одежду. Три утки пытались плыть против течения, яростно шлепая перепончатыми лапками. На главной площади стояли несколько ларьков, торгующих сувенирами, но в остальном это место жило своей жизнью, и нововведения досюда не добрались. Пожилые женщины сидели на низких деревянных табуретках и торговали яблоками. Они были одеты почти одинаково: большие кепки из синего хлопка, синие передники, синие или черные штаны и кофты, поверх которых крест-накрест были повязаны длинные прямоугольные платки, на которых крепили корзины, а иногда так переносили и маленьких детей. Старик в высокой меховой шапке, высушенный и сморщенный, присел тут же на ступеньку и курил тонкую бамбуковую трубку длиной с руку.

Гуляя по деревеньке, мы услышали звуки музыки, доносившиеся из-за низкой кирпичной стены. Заглянув туда, мы увидели около двадцати мужчин и женщин, которые танцевали под звуки магнитофона, встав полукругом и взявшись за руки. Молодой парень сначала руководил процессом, а потом и сам присоединился к танцующим.

Мы с Таней обнаружили маленький ресторанчик на берегу канала. Внутри не оказалось никакого меню, ни на китайском, ни на других языках, поэтому мы пошли на кухню выбирать еду.

— Хотите рыбу? — спросила моложавая женщина лет тридцати пяти в национальном костюме *наси*, показав на ванночку на полу, где лежали две огромные рыбыны, блестящие,

как шары, которые крутятся на потолках на дискотеках.

Мы закивали.

— И овощи? — Хозяйка подняла два дуршлага, полных свежайшего шпината. — Только что с грядки. — Она махнула в сторону аккуратных прямоугольных грядок на противоположной стороне дороги, которые тянулись до самого горизонта.

Женщина потушила нам рыбу в соусе с чесноком, имбирем, острым перцем и кориандром. Мы обедали на крошечной терраске, а китайские туристы, проходя мимо, останавливались, показывали на нас пальцами и фотографировали своих друзей на фоне двух большеносых иностранок.

Вечером мы с Таней пошли на концерт традиционной музыки *наси*. Обычно я стараюсь избегать подобных мероприятий. Сказывается негативный опыт прошлого — непонятное кукольное шоу в Ханое и китайская опера, при звуках которой руки сами тянулись за берушами. Но у меня выдался свободный вечер и появилась новая подруга, которая заранее купила билет, так что я присоединилась к ней.

Купив билет, я встретилась с Таней в холле. Она взволнованно заверещала при виде меня:

— Тут съемочная группа! Англичане! Они мне велели убираться с дороги!

Я огляделась. Весь зал был утыкан кинокамерами и огромными штативами, микрофоны на которых готовы были впитывать музыку *наси*, чтобы потом транслировать ее по всему миру.

— Ага, а вон тот парень, на которого крепят микрофон, до ужаса похож на Майкла Пейлина¹¹.

— Господи, да это он и есть!

Чтобы зайти в туалет накануне представления, нам пришлось пробираться прямо мимо его места во втором ряду. Пейлин в маленьких очках, делавших его похожим на профессора, что-то сосредоточенно писал в маленьком блокнотике. Интересно, что? Наверняка что-то умное, смешное и интересное. Я оглядела зал. На задних рядах томились зрители со скучающим видом. Я вздохнула. Майкл, без сомнения, составлял блестящий сатирический портрет какого-нибудь персонажа, сидевшего на двадцать втором ряду.

И тут, к моему ужасу, Таня остановилась прямо перед ним. Проход между рядами был узкий, Таня шла впереди. Бегство невозможно.

— Мистер Пейлин! — радостно воскликнула она.

Я поморщилась. Мистер Пейлин продолжал писать.

Однако Таня так просто сдаваться не собиралась.

— Мистер Пейлин!

Бедный Майкл на мгновение смешался, вынужденный оторваться от своих записей.

— Да?

— Я просто хотела сказать, что обожаю ваше шоу!

— Благодарю вас, приятно слышать, — любезно улыбнулся мистер Пейлин.

— А со мной тут Полли... — Таня сделала широкий жест обеими руками. — Она писательница! Пишет о путешествиях!

— Да? — Наш собеседник изобразил интерес. — И что же за книги вы пишете?

Мне отчаянно захотелось провалиться сквозь землю. Или пусть бы огромный гонг нечаянно скатился со сцены и придавил меня, но, увы.

— Ну... юмористические, — проблеяла я, запинаясь.

— Ага! — Глаза за стеклами очков блеснули. — Конкурентка!

Я начала яростно отнекиваться, что-то мямлить в свое оправдание и попыталась

¹¹ Британский актер, один из участников группы «Монти Пайтон»; много ездит по миру, и отчеты о путешествиях потом помещает на своем сайте

сбежать, но не тут-то было. Оказалось, что я сижу в полупустом первом ряду, может быть, из-за того, что купила билет непосредственно перед концертом, и прямо перед носом у Пейлина. Мне показалось ужасно бестактным мозолить ему глаза, поэтому я аккуратно примостилась в сторонке и наблюдала за Майклом на расстоянии. Его куртка не успела покрыться таким слоем грязи, как моя, а ботинки были из настоящей кожи и выглядели вполне респектабельно, тогда как мои простенькие кроссовки изрядно поизносились за пару месяцев ходьбы по китайским дорогам. Короче, мистер Пейлин выглядел очень опрятно и, как мне показалось, был на высоте.

Концерт начался с того, что на сцену вышел какой-то мужик в длинном синем халате и прочел пространственный монолог. Китайская публика захлебывалась хохотом. Он перевел свою речь на английский, но, видимо, не целиком, потому что английский вариант вышел значительно короче китайского. Англоговорящие зрители вежливо похлопали, так и не поняв, в чем соль.

Я искоса посматривала на Майкла Пейлина, который сидел с выражением благодушного веселья на лице. Должно быть, он что-то понял из того, что я упустила. Вот черт!

Старик, сидевший перед гонгами, что-то завопил скрипучим голосом, и оркестр заиграл. Музыка датировалась временами династии Тан, и некоторые из участников оркестра тоже, судя по внешности, успели ее застать. Музыканты с белоснежными шевелюрами и седыми бородами, наряженные в шелковые халаты, расшитые золотом, выглядели так, словно прилетели на сцену на машине времени, мне они почему-то напомнили маленьких высохших эльфов в одежках из цветной фольги. Они, кстати, просидели все выступление со строгими минами. Один из старичков морщился так, будто только что съел особенно ядреный лимон. Я, честно говоря, не поняла, испытывал ли он музыкальный экстаз или корчился в агонии оттого, что его карьера подходила к закату.

Когда первый музыкальный номер, наконец, закончился, то нас испытали на прочность еще одним монологом, из которого я снова не поняла ни слова. Затем на сцену поднялась какая-то дама и запела соло. Это было ужасно. Думаю, примерно такие же звуки она издавала бы, если бы упала в глубокий колодезь. Хотя... еще пара таких песен, и найдутся желающие ее туда столкнуть.

Затем Синий Халат снова порадовал публику своим монологом. Довольно длинным. Я обратила внимание, что в оркестре пара ветеранов уснула сладким сном, опустив подбородки на грудь. Я ждала, когда из уголков их ртов потечет слюна, но в этот момент костлявый старичок за гонгами снова завопил, его товарищи тут же очнулись, подхватили свои флейты, *эрху* и цитры и начали с энтузиазмом играть.

Может быть, я просто упустила что-то важное. Понятия не имею, что по этому поводу написал Майкл Пейлин.

Глава 18

Очень опасный автобус

Самым ужасным моментом путешествия в Куньмин был тот, когда водитель вдруг издал полный ужаса вопль, от которого кровь стыла в жилах. Я ехала в ночном автобусе, который гордо именовался спальным, хотя с названием явно погорячились: о сне не могло быть и речи.

Вдоль салона автобуса стояли три ряда двухэтажных кроватей, между которыми оставались два узеньких прохода. Я заняла верхнюю полку рядом с дверью, наискосок от водителя. В поездах верхняя полка — самое то, а вот в автобусе, как я вскоре обнаружила, на них лучше не ездить.

Матрас был ужасно коротким и узким. Я не могла улечься и вытянуть руки, поскольку второй руке банально не хватало места. Меня предупредили, что в таких автобусах процветает воровство, поэтому я попыталась уложить багаж спать вместе с собой, а сама

пристроилась в позе зародыша посерединке, но положение оказалось не слишком удобным для сна, вдобавок автобус провалился в какую-то яму, подпрыгнул, и мой рюкзак со свистом полетел на пол. Я решила не делить с ним постель, но даже мне одной места на койке не хватало.

Мало того, что верхнюю полку явно проектировали в расчете на худосочных анорексиков, так вдобавок на ней не было никаких перекладин, за которые можно было бы уцепиться, чтобы ненароком не свалиться вниз. Коротенький металлический бортик тянулся вдоль койки, но он был слишком низким и вряд ли спас бы меня от падения на первой же колдобине, а их по пути попадалось предостаточно. Автобус трясся и подскакивал, и пассажиры вместе с ним. Моя койка ходила ходуном. Когда колеса автобуса выписывали очередные пируэты на ухабах, я подпрыгивала, а потом приземлялась на жесткий матрас, ощущая себя, как человек, которого пытаются реанимировать с помощью дефибриллятора. Мне было жутко неудобно, но все полки заняли, так что перелечь на менее опасное место не было возможности.

Когда автобус отъехал в восемь вечера, уже стемнело, и в отличие от поездов, где можно читать, пока не выключат свет, в салоне автобуса освещение отсутствовало как класс. Единственное, что оставалось — лежать и молиться о сне.

Тут ожил мобильный. Это Клайв звонил мне из отеля, находившегося черт-те где. Возможно, ему просто захотелось пообщаться с кем-нибудь, кто проводит вечер не так интересно, как он.

— А ты где? — спросил он с неуместной веселостью.

— Трясусь в спальном автобусе между Лицзяном и Куньмином, — процедила я сквозь зубы и описала все неудобства.

— Ну и ну! А скоро ты приедешь в Куньмин? — поинтересовался Клайв.

— Да, всего-то через каких-нибудь одиннадцать часов, — весело ответила я.

Повисло молчание.

— Господи, — выдохнул Клайв. — Вот бедняга!

Наискосок от меня на нижней полке храпел сменщик водителя. Он издавал звуки потрясающей громкости. Сопел, разговаривал во сне и хрюкал. Его коллега за рулем харкал так громко, как мне еще не доводилось слышать, метко посылая плевки за окно, причем делал это с завидной частотой, примерно раз в пять минут или что-то около того, причем каждый плевок сопровождался громким эхом. Я лежала и размышляла, уж не болен ли он туберкулезом и не заражусь ли я на таком расстоянии, а потом каким-то загадочным образом умудрилась провалиться в сон.

Я проснулась в два часа ночи, когда мы припарковались на стоянке. Это было пустынное место, освещенное только фарами автобусов, между которыми шныряли призрачные силуэты. Пассажиры, вырванные из объятий сна, мало разговаривали, лишь время от времени закуривали, и оранжевые огоньки сигарет светились в темноте. В углу стоянки обнаружились прилавки, с которых даже ночью торговали какими-то не слишком привлекательными на вид штучками на палочках, фруктами, орешками и водой. Продавцы тоже в основном помалкивали. В этом месте, темном, промозглом и тихом, было что-то зловещее. Этакое чистилище для спальных автобусов, расположенное у черта на куличках, где доживают век старые автобусы, расплачиваясь за свои грехи, к примеру, за нанесение увечий пассажирам. На минуту мне показалось, что тот вопль ужаса водитель издал именно потому, что предчувствовал: нас ждет коллективная кончина.

Я слезла с койки и заставила себя выйти на холод, чтобы сходить в туалет — глупо упускать такую возможность, а потом вернулась, улеглась на узенькую койку и стала ждать. Мы простояли еще около часа, пока водитель трещал с друзьями в буфете. Они там все ржали ну просто как кони и с шумом втягивали в себя лапшу. А на стоянке царила мертвая тишина, которую нарушало только равномерное жужжание моторов и крики какой-то тетki, расхаживавшей с рупором и орущей команды водителям, когда те парковались. Едва автобус останавливался, грозная бабища заходила в салон и орала что-то сонным разомлевающим

пассажирам. Я не поняла, что именно она нам сказала, но, наверное, что-то типа: «Приветствую вас, товарищи пассажиры. Сейчас два часа ночи, и вы благополучно прибыли в ад. Вы отсюда никуда не уедете, уж не знаю сколько времени, поскольку водитель № 1 голоден, а водитель № 2, по-видимому, умер. Так что лежите тут в темноте и пересчитывайте свои синяки в тишине, которая будет прерываться только моими выкриками. Пожалуйста, позаботьтесь о том, чтобы у тех, кто лежит на верхней полке, хорошенько затекло тело. Всем доброй ночи».

Наконец водитель вернулся, потряс своего сменщика за плечо, и они поменялись местами. Я до конца пути так и не спала толком. Дорога была просто ужасная. Возможно, ее снова ремонтировали, и мы объезжали стройку по размытой колее. Как бы то ни было, автобус подпрыгивал на каждой ямке, их, видимо, прорыли специально, чтобы проверить кости пассажиров на прочность.

Когда на следующее утро мы в половине восьмого приехали в Куньмин, я очень напоминала один из тех призрачных силуэтов, что шныряли вчера по стоянке, и дело было не только в недостатке сна.

После того как меня одиннадцать с половиной часов отбивали о полку, все внутренности буквально тряслись.

Через пару часов, чувствуя себя ничуть не лучше, я решила погулять по городу, поскольку в тот вечер, когда я ждала стыковочный рейс до Чжундяня, толком ничего не увидела: прилетела поздно, улетала рано, да и отель специально выбрала поближе к аэропорту. Теперь у меня было несколько дней перед перелетом в Цзинхун. К счастью, из столицы провинции самолеты летали регулярно.

Куньмин показался мне приятным местом. Зеленые человечки на светофорах не неслись галопом, как в Нанкине, но и не маршировали, как их коллеги в других частях света. Они казались расслабленными: так, наверное, ходят на Луне. Широкие проспекты с витринами магазинов контрастировали с хаосом задворков, где стояли покосившиеся от времени деревянные хибары. Иногда фасады домов под свесом крыши венчал каменный резной орнамент.

На птичьем рынке тысячи птиц пытались перекричать друг дружку, а от обилия расцветок рябило в глазах. Интересно, кто-нибудь здесь красил птиц, как того несчастного пса в Сучжоу, у которого были розовые уши и хвост? Я наткнулась и на цветочный рынок, где на прилавках тоже бушевало буйство красок, а в воздухе витали головокружительные ароматы. По дороге я периодически заходила в чайные лавки, поскольку Юннань славится своим чаем.

В одной я купила набор крошечных чашечек «под старину», а в другой, усевшись за низенький резной столик, пробовала листья разных сортов, а напротив меня сидела продавщица — утонченная молодая горожанка с безупречной кожей такого же оттенка, как жасминовый чай. Она кипятила воду и наливала ее в чайничек, где лежали листья, потом переливала в другой чайничек, а оттуда уже разливала в крошечные чашки, но это считалось первой заваркой, не пригодной для питья, поэтому она тут же выливала чай и наливала по новой. Прделав процедуру несколько раз, девушка разливала получившийся в итоге напиток в две чашки, для себя и для меня, а на заднем фоне все это время звучала китайская скрипка *эрху*.

Я успокоилась и отправилась на обед в мусульманский квартал. В Китае около двадцати миллионов мусульман, в том числе потомки торговцев, расселившихся вблизи южных торговых портов и вдоль Шелкового пути, а также потомки уйгуров и тюрок, во времена династии Тан перебравшихся на северо-запад Китая в Синьцзян. Здесь висели туши барашков, мужчины в белых колпаках жарили кебаб, мешали лапшу в огромных чанах и месили тесто для лепешек. В магазинчиках торговали арабской каллиграфией и изображениями Мекки. Из одной лавки сладко пахло фруктами, а внутри на прилавке красовались горы апельсинов и ананасов. В конце концов, я остановила свой выбор на

маленьком ресторанчике, уселась за самодельный столик рядом с жаровней, и хозяин через несколько минут принес мне тарелку с сочным обжигающим кебабом, приправленным перцем и травами.

В конце улицы располагался музей провинции Юннань. Я успела побывать уже во многих китайских музеях и заключила, что все они очень похожи. За редким исключением, типа превосходного Шанхайского музея, это унылые холодные здания с неприветливыми фойе и пыльными лестницами. Обычно здесь пусто, только какая-нибудь древняя старушка сидит у двери. В каждом из музеев один зал посвящен фарфору, один — бронзе, кроме того, имеется выставка каллиграфии, или старинных монет, или национальных костюмов этнических меньшинств. В здешнем музее была представлена скудная экспозиция буддийского искусства — четыре или пять резных фресок, пара глиняных статуй без головы и, наоборот, пара голов без тел, очень похожих на те, что мне доводилось видеть в других музеях. Мне пришла интересная мысль: а ведь китайским музеям было бы неплохо обмениваться частями тела статуй; вдруг окажется, что голова из Куньмина подходит под тело в Чэнду, а к ним вполне подойдут руки и ноги из Хэфэя. Тогда музейщики будут долго торговаться: «Меняю нашу правую руку на вашу левую ногу» — и, возможно, соберут статуи целиком.

Вечером я пошла поплавать. Отель был с бассейном, так что глупо не воспользоваться такой возможностью, да и вообще надо же хоть раз поплавать в Китае. Китайцы увлекаются спортом, хотя в последние годы их успехи на международных соревнованиях омрачены скандалами, связанными с допингом. Мао Цзэдун хорошо плавал, для него в Чжуннанхае, неподалеку от Запретного города, специально построили олимпийский бассейн с подогревом. Постепенно бассейны появились в большинстве резиденций Великого Кормчего по всей стране. Мао много времени проводил у воды, читал там и работал. Для его помощников слово «бассейн» стало чуть ли не синонимом аудиенции у Председателя. Ли Чжи суй, о котором я не раз упоминала в первой главе, получил приглашение «Вас просят прийти к бассейну», когда Мао впервые вызвал его к себе и назначил своим персональным лечащим врачом.

Когда отношения с русскими особенно обострились, Мао Цзэдун даже Хрущева принимал возле бассейна. Встреча имела место после ссоры двух держав из-за строительства флота. Мао обратился к Москве за помощью, а советский посол Юдин заявил, что СССР внесет свой вклад, но при этом намерен командовать флотом. Мао пришел в ярость. Хрущев прилетел в Пекин, чтобы наладить отношения. Гаррисон Салсбери так описывает этот инцидент в своей книге «Новые императоры» (*Harrison Salisbury «The New Emperors»*):

«Мао пожелал, чтобы встреча прошла у бассейна, даже не „у“ а „в“. Хрущев сроду не увлекался плаванием. Ему выдали мешковатые зеленые плавки и спасательный круг. Мао же щеголял в облегающих плавках, демонстрируя накачанный пресс, и плавал, как дельфин, а Хрущев барахтался по-собачьи. Переводчики бегали по краю бассейна, пытаясь перевести слова Мао Хрущеву и при этом не свалиться в воду. Хрущев отвечал по-русски с сильным украинским акцентом и пару раз хлебнул воды. В конце концов, Мао сжалился и позволил промокшему до нитки гостю пойти в дом».

Я спала двенадцать часов и все равно не выспалась. Мое путешествие длилось всего полтора месяца, а я уже заработала хроническую усталость. В Лицзяне я провела на день дольше, чем нужно, чтобы восстановить силы, но поездка на автобусе меня буквально подкосила. Дело даже не в недостатке сна, поскольку даже в поездках и автобусах я спала как убитая, просто приходилось постоянно быть начеку на случай непредвиденных обстоятельств. Странно, что я так сильно утомилась всего за несколько недель. Может, у меня просто чахлая мозг, который дает сбой всякий раз, когда нужно думать и адаптироваться к новым условиям. Может, моей нервной системе не хватает гибкости, как и конечностям. Видимо, перед следующей поездкой стоит попробовать развить свои

умственные способности, играя в шахматы и разгадывая кроссворды. Но я, тем не менее, пыталась как-то расшевелить себя и отправилась в Бамбуковый храм в двенадцати километрах от Куньмина.

Храм построен при династии Тан, однако во времена волнений его несколько раз сжигали дотла, а потом отстраивали заново. Существует легенда о возникновении храма. Два брата императорских кровей отправились, как-то раз, на охоту и заметили носорога. Они погнались за диковинным зверем, но быстро потеряли его из вида, зато встретили монаха, а когда приблизились, монах воткнул в землю посох и испарился. Вернувшись на следующий день, братья увидели, что из посоха выросла целая бамбуковая роща, и поняли, что хотел сказать монах — это святое место, здесь необходимо возвести храм.

Но наибольший интерес представляют вовсе не создатели храма, а пятьдесят архатов, созданных сычуаньским скульптором Ли Гунсю и его учениками в конце девятнадцатого века. В тот момент его творчество оказалось настолько передовым, что статуи стали скандально известными. Слишком уж они были реалистичными и человечными: со своими надеждами, тягой к удовольствиям, всеми присущими людям несовершенствами. Каждый из пятисот архатов уникален и обладает собственным характером. Вот, например, монах с затуманенным взором едет на муле. Некоторые статуи очень толстые, запечатленные на них персонажи сидят, развалившись, и на животе видны некрасивые складки. Другие, наоборот, такие тощие, что можно все ребра пересчитать. Кто-то молится, кто-то грустит, кто-то вытаращил глаза от ужаса. На лицах застыли различные эмоции — удивление, печаль, страх. Один архат аппетитно ест сочный фрукт, другой демонстрирует приемы *кун-фу*, высоко задрал левую ногу.

В главном храме на стене по обе стороны от золотого Будды — целый коллаж. Персонажи плывут по трехмерным волнам, прыгают, кричат и, кажется, оживают на кирпичных стенах. Картины очень живые, они поразительно реалистично и точно передают эмоциональные состояния человека, но одновременно какие-то сюрреалистические (причем они были созданы задолго до того, как сюрреализм зародился как направление в искусстве на другом конце земли). Монахи здесь ездят верхом на мифических чудовищах, в окружении целой армии ярких рыб с глазами навыкате, плавают на спинах крабов, акул и черепах, а один летит на розовой птице с развевающимся хвостом.

Ли Гунсю нанес слишком сильный удар по эстетическим чувствам своих современников. Они не просто не одобрили новое слово в искусстве. Вскоре после того, как сооружение храма закончилось, злосчастный скульптор просто исчез с лица земли.

Я пошла посмотреть оставшиеся скульптуры, которые стояли в залах по обе стороны от ворот, ведущих в храм. Здесь за стеклом пылились около пятидесяти старинных скульптур, а у дверей, положив руки на колени, неподвижно сидела старушка. Скорее всего, она спала. А может, умерла. Да, вполне возможно, что это трупное окоченение.

Глава 19 Собака на ужин

На мгновение мне показалось, что я попала в Таиланд или во Вьетнам. Погода жаркая и влажная, по обе стороны дороги растут пальмы, все домики на сваях, а мимо едут на велосипедах женщины в конусовидных соломенных шляпах. Но, что примечательно, я все еще находилась в провинции Юннань, только в южной ее части, регионе Сишуанбаньна на границе с Бирмой и Лаосом, населенном народностью *дай*, относящейся к той же этнической группе, что и тайцы, и сильно отличающейся от остальных жителей Китая. На автобусе сюда пришлось бы добираться часов двадцать, а то и все двадцать пять. Поэтому, учитывая, какой разбитой я себя чувствовала после двенадцатичасового переезда в Куньмин, я предпочла добираться до Цзинхуна на самолете.

Из аэропорта меня вез необычайно дружелюбный таксист. Возможно, все объяснялось тем, что он заломил цену в несколько раз выше обычной. Водитель говорил со мной на

чистейшем *путунхуа* ¹² и очень медленно. Нам почти удалось поддержать разговор о погоде на уровне «В Куньмине холодно? — Нет, в Куньмине жарко», и установить, что я прибыла из Англии, после чего таксист поднял большой палец вверх и провозгласил: «*Инго хао*», — то есть: «Англия — хорошая страна». На том и порешили.

Цзинхун тоже оказался неплохим городком. Здесь, как и сказал таксист, было очень жарко, и я обрадовалась, обнаружив, что в отеле, который я выбрала исключительно из-за дешевизны, имеются плавательный бассейн и бар у воды. Ни там, ни там людей не было. Я переделась в шорты и отправилась в ближайший тайский ресторан, где заказала цыпленка с овощами в кокосовом молоке, жасминовый рис и острый салат из папайи. За соседним столиком выпивали человек десять китайцев.

Они провозглашали тосты, осушали маленькие стаканчики с прозрачной жидкостью и морщились как от лекарства, а потом повторяли весь процесс.

Лица у двоих постепенно приобрели фиолетовый оттенок, а глаза налились кровью. Один из них вскоре поднялся с места и нетвердой походкой направился к двери, мыча какие-то слова прощания. Официантка сочувственно улыбнулась.

После обеда я прогулялась по городу. Мне хотелось найти гида, который свозил бы меня в джунгли на пару дней. Я слышала, что туристический бизнес здесь процветает, и ожидала, что меня со всех сторон будут атаковать турагенты, наперебой предлагающие услуги своих фирм, стоит мне только появиться в городе, а я, как разборчивая невеста, выберу того, кто мне больше понравится. Однако на самом деле никто не обращал на меня внимания. Похоже, придется изрядно пошататься по городу, самой выслеживая потенциального гида.

Вскоре я заблудилась. Городок совсем маленький, но почему-то улицы упрямо не хотели совпадать с теми, что изображены на моей карте, так что я просто шла, куда глаза глядят. Оказалось, что Цзинхун больше, чем я ожидала, и я явно забрела куда-то не туда. Вскоре я вышла на круглую площадь, с одной стороны которой располагался парк, а с другой — большое здание почты. Похожая площадь была изображена и на карте, вряд ли есть еще одна такая же, с парком и почтой, вот только кто-то взял и поменял все названия улиц. Как только я сделала это маленькое открытие, ориентироваться стало значительно легче. Я, наконец, опознала «туристическую улицу», на которой находились несколько кафешек и пара гостиниц, с виду довольно потрепанных. Выцветшая табличка обещала: «Кровати на третьем этаже, 12 юаней». На другой красовалась надпись: «Бамбуковые хижины в стиле дай», а внизу стрелка, указывающая на темную улицу, где орали бродячие кошки, шныряли жирные крысы и ползали ленивые упитанные тараканы, которые вообще-то в этих краях могли бы и летать.

Я поднялась на второй этаж одного из деревянных домов и зашла в кафе «Меконг». Кафе было совсем простеньким, с бетонным полом, деревянными столиками и бамбуковыми светильниками, но вполне чистое. Девушка народности *дай* с нежной кожей цвета тростникового сахара и темными глазами, похожими на сливы, принесла мне стакан свежесжатого ананасового сока, который я с удовольствием выпила под звуки церковных хоралов. Ну, хоть какое-то разнообразие после «Бонни М» и *эрху*. Я была единственным посетителем и волей-неволей задумалась, где проводят время все те туристы, о нашествии которых так много говорится.

Я спросила девушку, не знает ли она, где можно нанять проводника. Она ответила, что ее знакомая водит туристов, и тут же позвонила. Мы договорились встретиться на следующий вечер в восемь часов, и если дело сладится, то уже утром отправиться в джунгли.

Едва я вернулась в отель, а это было в двенадцать минут десятого, зазвонил телефон, но, когда я подняла трубку, мне никто не ответил. Все вернулось на круги своя. Я с грустью посмотрела на кровать. Радость от перспективы улечься под одеяло, свернуться калачиком и

¹² Государственный язык Китая

сладко уснуть несколько омрачилась при мысли о том, сколько китайских мужчин платили за то, чтобы их ублажали на этой самой постели. В ванной рядом с гелями, шампунями для волос и шапочками для душа я заметила две квадратные коробочки, на которых было написано: «Антисептические безразмерные трусы с встроенным кондомом». На коробочке довольный мужик демонстрировал чудо-трусы, гордо тыкая членом в камеру. На коробочке стояла цена — тридцать юаней.

Среди моих знакомых есть пара мужчин, гардероб которых без подобного аксессуара не полон, поэтому я сунула коробочки в рюкзак. Я честно собиралась заплатить за них, предвкушая диалог с сотрудниками отеля, когда я буду освобождать номер.

— Вы что-нибудь брали из мини-бара? — спросит меня девушка за стойкой регистрации.

— Нет, — честно отвечу я, — но я прихватила две пары антисептических безразмерных трусов.

Однако, к моему огорчению, когда настала пора уезжать, я напрочь забыла о трусах и, получается, невольно украла их.

С женщиной-проводником я встречалась только в восемь вечера, так что впереди был еще целый день. В одном из туристических кафе я взяла напрокат велик и отправилась исследовать деревушки неподалеку от Цзинхуна, свернув с шоссе на узенькую колею, и вскоре блочные дома уступили место хижинам на красных кирпичных сваях с покатыми крышами. Я крутила педали довольно долго, пока не выехала к шаткому бамбуковому мостику через Меконг. У въезда на мост сидели трое представителей национальности *дай* и требовали один юань. Ха-ха, мост с платным проездом, только в стиле Сишуанбаньна.

Я прошла по мостику пешком, толкая велосипед, решив, что если поеду, то дело может закончиться незапланированным купанием в Меконге, слишком уж ненадежными показались мне кривые перекладыны. На другом берегу начиналась равнина. Местные жители засеяли тут каждый пригодный для земледелия клочок земли. Здесь росли огурцы, помидоры и еще какие-то зеленые штуки, которые я не смогла идентифицировать. Все строго параллельно и перпендикулярно на ровных прямоугольных грядках. Вдали холмы отливали розовым и голубым цветом. Утром было пасмурно, но сейчас облака рассеялись, и солнце припекало через туман. Костлявые курицы в ужасе закудахтали и бросились наутек от моего велика, смешно задирая длинные тощие лапы.

Дальше дорога шла в горку среди пышной и буйной растительности. Листья бананового дерева достигали двух-трех метров в длину, а за ними скрывались огромные гроздья неспелых зеленовато-желтых плодов. Тут же рос огромный куст пуансетии, которую за форму цветов называют иногда рождественской звездой. Любители экзотики разводят такие тропические цветы у себя дома на подоконнике, но здесь, в дикой природе, пуансетия вымахала просто гигантская, высотой с дом. А чуть дальше безмятежно покачивались на спокойной глади ирригационного пруда водяные лилии, розовые лепестки которых устремились прямо в небо.

Я ехала примерно часа три. Этот Китай отличался от всего, что я уже успела увидеть. То и дело я проезжала мимо стаек ребятишек, возившихся в грязи, а один раз мне попалась женщина, ведущая стадо буйволов. Маленький теленок встал как вкопанный, выкатил свои огромные глаза, а потом припустил вслед за матерью на непослушных длинных ножках.

Боже, подумала я, неужели даже буйволы видят, что я выгляжу как-то странно?

Интересно, что и здесь, в джунглях, шло строительство дорог. Ближе к повороту на Цзинхун тропа расширялась. Раз в несколько минут появлялся грузовик, нагруженный красной глиной, и уносился вниз по холму, поднимая облака пыли, Новая дорога свяжет эти холмы и блестящий бетонный мост через Меконг, но вот куда она пойдет дальше? Такое впечатление, что никуда. Джунгли и все. Тупик.

Может быть, китайцы просто убивают таким образом время. Сидят на корточках, попивают чай и беседуют:

- Старина Ли, ты что делаешь на следующей неделе?
- Я-то? Да ничего.
- А не хочешь поучаствовать в строительстве дороги?
- Ух ты! Хорошая идея. Я люблю строить дороги. А где, кстати?
- Да какая разница, просто построим дорогу в джунглях посреди банановых деревьев.
- Заметано, старик!

Обратно я ехала другим путем, и мне попались три храма народа *дай*. Буддизм, который исповедуют *дай*, отличается от того, что распространен в остальном Китае. На севере большинство китайцев предпочитают *махаяну*, а *дай*, как бирманцы, тайцы, лаосцы и камбоджийцы, среди которых больше всего кхмеров — *тхераваду*, что в переводе означает «учение старцев». Основное различие между двумя ветвями буддизма заключается в том, что приверженцы *тхеравады* ставят во главу угла монашескую жизнь, считая, что есть один-единственный путь к просветлению. В странах, где популярна *тхеравада*, в монастырях обычно имеются школы для мальчиков, которые в итоге часть детства проводят в монастыре. Сторонники *махаяны*, или так называемой «великой колесницы», считают, что все люди связаны, и ставят коллективное спасение выше индивидуального просветления. В *махаяне* важную роль играют *бодхисатвы*, существа, достигшие просветления, но отказавшиеся от нирваны, чтобы вести к просветлению остальных. Тибетский буддизм является мистической ветвью *махаяны*.

Я остановилась у первого храма. Яркие здания с высокими крышами, расписанные золотой и красной краской, отличались от буддийских храмов в других частях Китая. Местные Будды, сияющие золотом, с огромными выпуклыми лбами, были совершенно не похожи на кругленьких Будд севера. Я обошла храм, быстренько пробежалась по сувенирным лавкам, а затем присела в тени большого дерева выпить колы. Мимо меня прошел монах в длинном оранжевом одеянии.

Два следующих храма оказались более древними и потрепанными. У ворот одного молодой монах болтал с кем-то по сотовому телефону, а рядом с входом во второй несколько монахов играли в карты и радовались при этом как дети. Я прошла внутрь и посмотрела на выцветшие фрески на стенах, рассказывающие о нелегком пути к просветлению в эпоху до появления мобильных.

На следующий день рано утром мы уехали в джунгли. Лицзюань, так звали гида, забрала меня из отеля. Ей было около двадцати пяти лет, она изучала английский и работала официанткой. Школу пришлось бросить в пятнадцать, когда серьезно заболел отец, нужно было кормить семью. А потом, когда черная полоса прошла, Лицзюань даже умудрилась один год поучиться в Пекине. На экскурсию в джунгли она прихватила с собой своего родственника, парнишку, которого называла Хао Лю, что в переводе обозначает «шестой», поскольку он был шестым сыном в семье. В Китае родители часто зовут отпрысков не по именам, а по порядковым номерам.

— А как же в школе? — спросила я у мальчика. — Ну ладно, Шестым быть еще ничего, Шестых не так много, а вот если ты Первый или Второй? Учитель вызывает Второго, а таких в классе человек пятнадцать.

Мальчишка хихикнул и сказал, что у них есть нормальные имена, так что Шестым его зовут только дома.

В джунглях и прочих отдаленных частях Китая политика китайского правительства по ограничению рождаемости не всегда работает. Закон лояльно относится к этническим меньшинствам, особенно к тем парам, где первый ребенок — девочка, поскольку в семье нужен мальчик, чтобы помогать возделывать землю. Зачастую супруги не ограничиваются двумя детьми, и тогда их штрафуют на крупную сумму, а если семья не может заплатить штраф, то власти сносят дом и вынуждают плодовитых родителей покинуть деревню. Поскольку домики здесь выглядят как конструктор, то их легко восстановить, и в итоге провинившаяся семья и дальше живет припеваючи. Но согласитесь, что в любом случае

шесть сыновей — это уже перебор.

Шестой был тихим робким мальчиком. Возможно, его били все братья по очереди, начиная с Первого и заканчивая Пятым. Он выглядел младше своих двенадцати лет и казался довольно хилым. В Цзинхун Шестой перебрался всего два месяца назад, до этого их семья жила в деревне. Он по-детски непосредственно радовался перспективе отправиться в поход в джунгли, поскольку видел, что иностранцы возвращались оттуда в восторге.

Мы с Лицзюань и Шестым сели на автобус, который и довез нас до первого пункта назначения под названием Мань Фэй Лун. Остальные пассажиры автобуса возвращались к себе в деревню из города. Один парень вез мешок с живыми цыплятами, из которого доносилось жалобное попискивание. Какая-то тучная тетка тащила большой куль с кормом для свиней, на котором сидел и, что называется, в три горла жрал ярко-розовый поросенок, причем хвост его, вопреки всем законам гравитации, стоял торчком, напоминая итальянские макароны фузилли в виде пружинки. Соседка этой женщины везла маленький детский велосипед. Каждые несколько минут она смотрела на свое приобретение и улыбалась, по-видимому, предвкушая, как обрадуется сын или дочка такому роскошному подарку, а мы всё ехали и ехали через бесконечные заливные поля, банановые рощи и плантации гевей, из сока которых производили натуральный каучук. Деревца росли аккуратными рядами. На коре были сделаны небольшие надрезы, а внизу привязаны маленькие чашечки, чтобы собирать буквально по капле драгоценный сок.

В Мань Фэй Лун мы посетили пагоду, строительство которой датируется 1204 годом. Здесь со стройным золотым Буддой соседствовала статуя богини народности *дай*, с длинными развевающимися локонами. По легенде, ее волосы спускались до самой земли, и так богиня кормила людей. Рядом стояли павлин, символизирующий женскую красоту, и слон — воплощение мужественности и силы.

Мы пообедали в этом крошечном городке. Мимо то и дело проезжали монахи на мопедах и велосипедах. Поскольку руки помыть было негде, я достала свой дезинфицирующий гель и предложила его Лицзюань и Шестому. Лицзюань из вежливости взяла капельку и протерла ладони, а Шестой пришел в ужас.

— Что это? — тихонько спросил он у Лицзюань.

— Хочешь руки помыть?

Шестой яростно затряс головой. По-видимому, сама мысль об этом привела мальчугана в ужас. Мы попробовали блюдо местной кухни — жареного цыпленка и свинину, по вкусу напоминающую колбасный фарш, а потом отправились на рынок, чтобы купить съестного в дорогу. Деревенька, где мы собирались остановиться на ночлег, очень бедная, так что лучше позаботиться об ужине заранее.

Лицзюань выбрала торговца, который со скучающим видом крутил в руках грязный ножик. Лично мне этот тип совершенно не понравился. Перед ним на деревянном прилавке лежала туша свиньи, почти целиком состоявшая из жира с тонкими прослойками мяса.

— Ты любишь свинину? — весело спросила Лицзюань и улыбнулась.

Что? Да этой свинье надо для начала провести липосакцию, но я решила не вступать в конфронтацию и поэтому просто кивнула. Лицзюань начала торговаться. Забавно, что диалог между ней и торговцем почти слово в слово повторял те диалоги, которые мы заучивали в Лондоне на занятиях. Мне тогда показалось, что так не бывает и это явное преувеличение, и только теперь я поняла, что это ключ к выживанию в сельской местности. Беседа продавца с покупателем строилась примерно следующим образом.

Лицзюань (*незаинтересованным тоном*). Почем свининка?

Торговец. Восемь юаней за цзинь¹³.

Лицзюань (*громко охая*). Восемь юаней? Слишком дорого!

Торговец. Восемь юаней — это дешево. На прошлой неделе я продавал по десять

¹³ Мера веса, приблизительно 500 гр.

юаней за цзинь. *(При этом он смотрит потенциальной покупательнице прямо в глаза в надежде, что та поверит.)*

Лицзюань. Я не могу себе этого позволить! У меня престарелые родители, пятнадцать голодных детей и целая орава кур, которых тоже надо кормить. Если я отдам восемь юаней, то не хватит денег на зерно, и мы все умрем от голода. Давайте за шесть, а?

Торговец. Шесть? За эту вот прекрасную свинку?

Ну, раз у вас нет денег, могу продать вам свиные ножки, из них получится наваристый бульон. *(При этом он воинственно потрясает ножом: то ли собирается отчистить для нас свиные ножки, то ли просто оскорбился за свою свинью, я так и не поняла.)*

Лицзюань. Ладно. Может, сойдемся на семи?

Торговец *(сквозь зубы, чтобы мы поняли, как нелегко ему далось решение)*. Так уж и быть...

Автобус до Дунфана, откуда начинался наш поход, отправлялся в два часа, но когда Лицзюань провела рекогносцировку на местности, оказалось, что он уедет не раньше четырех. Дорога займет около трех часов, а это означало, что в Дунфан мы доберемся уже затемно, а оттуда нам придется еще два часа идти через джунгли до деревни, где намечен привал. Усомнившись, а так ли хорошо Лицзюань знает дорогу, чтобы тащить меня ночью через джунгли, я нашла альтернативное решение — такси.

Лицзюань провела переговоры и сбила цену до восьмидесяти юаней. Автобус все равно обошелся бы нам в тридцать юаней на троих, поэтому я с радостью заплатила разницу, и мы поехали по колдобинам и ухабам. В какой-то момент Шестой буквально катапультировался с сиденья и ударился головой о потолок машины, вскрикнув от боли, но зато в итоге мы добрались до Дунфана без пятнадцати четыре — автобус-то еще даже не отъехал — и углубились в джунгли.

— Смотри по сторонам! — велела мне Лицзюань. — Местные сказали, что тут полно медведей, и посоветовали, если вдруг мы с ними столкнемся, замереть без движения, потом потихонечку свернуть в сторонку и бежать, что есть мочи! — Девушка издала нервный смешок.

Чтобы отвлечься от мысли о том, что мой череп может размозжить одним ударом лапы бурый азиатский медведь, я принялась расспрашивать Лицзюань о ее семье. Бабушка Лицзюань во времена «Культурной революции» провела три года в тюрьме, поскольку случайно уронила на землю значок с портретом Мао и на него нагадили курицы, а кто-то из очевидцев донес властям. Кроме того, Лицзюань пересказывала мне все, что слышала от своей матери о «Большом скачке».

— Мама вспоминала, что они с голодухи ели листья.

— Неужели люди до сих пор не разочаровались в Мао, несмотря на то, что он принес им столько страданий?

— Местные считают его богом.

— А ты?

— Ну, я думаю, он в чем-то был прав, а в чем-то нет, но богом я его не считаю. — Лицзюань замолчала. — Мне повезло. Я родилась в 1979 году.

То есть через три года после смерти Великого Кормчего и через год после того, как Дэн Сяопин пришел к власти, упразднил коммуны и разрешил крестьянам зарабатывать на жизнь своим трудом.

— А люди до сих пор говорят о том, что случилось, или предпочли забыть? — не унималась я.

В первые недели пребывания в Китае я воздерживалась от подобных вопросов. Мне казалось невежливым копаться в трагическом прошлом этих людей и бередить старые раны. Я думала, что они не захотят делиться ужасами пережитого с иностранкой, но потом я пришла к выводу, что китайцы беседуют на эту тему совершенно спокойно. Все, с кем я говорила, реагировали одинаково: да, это ужасно, но все в прошлом.

— Иногда говорят, — пожалала плечами Лицзюань. — Как-то раз я сопровождала группу туристов из Шанхая. В свое время их всех сослали в эти места в трудовые лагеря, и теперь они захотели вернуться сюда снова.

— А что за работу им приходилось выполнять в лагерях?

— Тяжелую. Например, работать на лесоповале.

Они к такому не привыкли. И, когда я их сюда привезла, многие плакали.

Мы добрались до Якоу, деревеньки, населенной племенем *акха*, в начале седьмого. Это была совсем новая деревня, построенная в 1999 году, когда сюда переселили около трехсот человек, решив, что их родные земли лучше подойдут для выращивания риса, кроме того, сюда же трактором прокопали дорогу. Мы шли по крошечным грязным улочкам. Дома стояли на таких высоких сваях, что казались просто крышами на ножках.

— Вот здесь мы заночуем, — сказала Лицзюань и показала на дом чуть побольше, чем остальные, даже с пристройкой. — Это дом деревенского старосты.

— Нас ждут?

Лицзюань улыбнулась.

— Вообще-то нет. В джунглях нет телефонов, но я уже бывала здесь раньше и знаю этих людей.

Мы поднялись по ступенькам и заглянули в главную хижину. В комнате, которая освещалась только языками пламени из очага и единственной тусклой лампочкой, сидела целая толпа пожилых мужчин. Один из них вскочил, подошел к нам и заговорил с Лицзюань. Оказалось, что сегодня у них выдался трудный день. В деревню приехали с проверкой из центра, так что старейшины собрались вместе с проверяющими. Кроме того, из соседней деревни пришли два парня покупать корову, вернее, сразу трех коров, и в перерывах между расчетами они торговались и в итоге договорились о цене — семьсот юаней за корову, а завтра отправятся в Дунфан, где продадут коров на мясном рынке примерно за семьсот тридцать-семьсот пятьдесят юаней. Не слишком-то большой навар, как мне показалось. Мужчины покачали головой. Да, деньги не большие, согласились они, намного выгоднее покупать коров в Бирме. Граница с Бирмой проходила теперь всего в пяти километрах от деревни, и коровы по ту сторону стоили намного дешевле. Проблема заключалась в том, что если их, не дай бог, заметит пограничный патруль, то можно получить пулю за нелегальное пересечение границы, поэтому на вылазку за коровами местные отваживались всего раз в год.

Сейчас, когда инфраструктура в приграничных районах значительно улучшилась, контрабанда является настоящей проблемой, причем речь идет не о коровах, а о наркотиках из региона, так называемого Золотого треугольника. Несмотря на скандалы из-за героина, отношения между Бирмой и Китаем остаются хорошими. Бирма была первым некоммунистическим государством, признавшим КНР после победы нового режима в 1949 году. В обмен на эту любезность китайское правительство стало одним из главных торговых партнеров Бирмы и основным поставщиком вооружения. За исключением короткого разлада в 1960-х добрососедские отношения длятся уже несколько десятилетий. Китай поддерживает военное правительство, пришедшее к власти в 1988-м и переименованное Мьянму в Бирму, кроме того, Китай — одно из немногих держав, не осуждающих хунту за то, что она не признает результаты демократических выборов 1990 года.

От опасной темы, связанной с бирманскими пограничниками, мы перешли к вопросам лингвистики.

В языке *дай* корова называется «му», поскольку, как мне объяснили, коровы так мычат.

— Ну, английские коровы тоже так мычат, — сказала я Лицзюань, которая переводила нашу беседу.

Меня порадовала мысль, что наши коровы, если бы им довелось встретиться, смогли бы понять друг друга в отличие от нас.

Мы сидели на плоской крыше новой пристройки и пили зеленый чай, пока проверяющие заканчивали ужин. А внизу, прямо в грязи, собаки и щенки всех размеров и мастей резвились среди черных свиней, что-то усердно рывших непропорционально длинными пятаками. Цыплята с упоением барахтались в песке, тут же ходили гоголем разноцветные петухи. Местные жители возвращались домой с полей. Мимо нас то и дело проходили женщины с традиционными высокими прическами.

А за спиной простирались дикие джунгли. В лучах предзакатного солнца окружающий мир приобрел теплый медовый оттенок. Огромные листья бананов отсвечивали желтым. Вдалеке холмы постепенно меняли свой цвет с зеленого на голубоватый, и очертания их становились размытыми. Клубы дыма вырывались из труб и смешивались с вечерним туманом. Солнце садилось, и облака порозовели, а холмы темнели и теряли очертания, пока, наконец, на землю не опустилась настоящая тьма.

Пастухи стояли поодаль, курили и что-то обсуждали. Они говорили обо мне. Лицзюань перевела:

— Они спрашивают, чем ты занимаешься, а еще... — девушка замялась, — эти ребята поспорили, умеешь ли ты сажать рис.

Теперь оба парня уставились на меня и смущенно улыбались. Я улыбнулась в ответ. Что ж, мальчики, не удалось вам меня раскусить.

— Она пишет книги, — сообщила Лицзюань.

Пастухи заохали. Но потом согласились, что такое странное занятие подходит для женщины со столь экзотической внешностью. Они некоторое время о чем-то горячо спорили, а потом спросили через Лицзюань:

— А в вашей стране такие же солнце, луна и звезды?

Сложный вопрос. Да, солнце и луна такие же, а вот звезды... Про звезды эти двое знали намного больше, чем я.

— Такие же, но только мы их видим под другим углом.

Пастухи как по команде подняли голову и стали всматриваться в небо, усеянное мерцающими огоньками, размышляя над моим ответом.

На ужин нам подали жареную собаку. В честь проверяющих староста распорядился убить пару псов, и собачатину нам подали вместе с нашей не слишком-то аппетитной свиньей, овощами и рисом. Я съела два маленьких кусочка. Мясо было острое, очень жесткое и ничем не отличалось от мяса любого другого старого животного.

— Иногда в деревнях даже крысы едят, здесь люди очень бедные, — сказала мне Лицзюань.

Сын старосты ужинал вместе с нами, а под столом шныряла тощая кошка в ожидании, не перепадет ли что-нибудь со стола.

— А кошек тоже едят? — поинтересовалась я. Лицзюань перевела.

— Конечно, нет! — молодой человек пришел в ужас. — Как можно!

Позднее выяснилось, что кошек не едят вовсе не потому, что они не так вкусны, как собаки и крысы.

Дело в том, что кошки ловят мышей, а потому считаются полезными животными.

После ужина проверяющие продолжили работу.

У одного из них был калькулятор, который издавал попискивание всякий раз, когда нажимали знак равенства, и только этот звук нарушал спокойствие ночи. Проверяющие засиделись за полночь, и в итоге нам выделили пару комнат в доме сына старосты — крошечные клетушки, похожие на коробку, но мы были благодарны, ведь иначе нам бы пришлось спать в главной комнате с остальными членами семьи.

За завтраком мы снова встретились с жареной собакой, но я категорически отказалась, поскольку семь утра перед дальней дорогой казалось мне неподходящим временем для кулинарных экспериментов, и ограничилась рисом и овощами.

После завтрака мы отправились в деревню Вэйдун, которую населяло племя хани,

близкие родственники акха. Лицзюань жаждала опробовать на мне новый маршрут через джунгли. Я выразила надежду, что мы не заблудимся, как-никак мы находились всего в пяти километрах от китайско-бирманской границы, а мне не хотелось бы закончить свои дни, пав жертвой доблестного бирманского пограничника. К счастью, сын старосты (не тот, в доме у которого мы ночевали, а другой) предложил проводить нас.

Этот юноша, поджарый и мускулистый, с гордой осанкой, шел впереди. На нем были брюки цвета хаки, армейские кроссовки, белая футболка и кепка с вышивкой в виде маргариток. На одном плече болтался пластиковый пакет из-под стирального порошка, а на втором — винтовка.

— А зачем винтовка? — спросила я у Лицзюань. Может быть, он собирался спасти нас от пограничников.

— Против медведей! — Лицзюань сделала большие глаза, а потом засмеялась: — На самом деле, думаю, он хочет подстрелить какую-нибудь птицу на ужин.

Мы шли через джунгли, а под нами хрустели ветки. Вообще-то слово «шли» не совсем подходит, поскольку мы трое были вынуждены передвигаться скачками, чтобы не отстать от проворного юноши. Наконец мы оказались на тропе, знакомой Лицзюань, и разошлись в разные стороны. Парень отправился дальше в поисках ужина.

Вокруг нас дрожали, словно в танце, огромные кусты с желтыми цветами. Лицзюань считала, что это какая-то разновидность диких хризантем, однако, на мой взгляд, от окультуренных собратьев почти ничего не осталось. Цветы были просто гигантского размера, а кусты напирали со всех сторон.

А среди них как-то умудрились просочиться алые пуансетии.

Я все еще думала о тех людях, у которых мы останавливались на ночь. Староста определенно был важной шишкой, только в его доме имелась пристройка, остальным жителям деревни приходилось спать в одной комнате главной хижины.

— А как этот твой знакомый стал старостой?

— Его выбрали. Старосту у нас всегда выбирают.

На местном уровне, как объяснила Лицзюань, демократия процветает. В деревнях избирают старост, они обладают большими полномочиями и могут даже влиять на решения региональных властей.

Через некоторое время мы сделали остановку в деревне, принадлежащей племени *булан*, второму по численности этническому меньшинству после *дай*.

В деревне было малоллюдно. Единственной живой душой оказался старик, который сидел на корточках у входа в свою хижину и плел корзины. Его щеки ввалились, а лицо испещряли морщины, тем не менее, в темных глазах горело любопытство. Старик курил длинную бамбуковую трубку. Интересно, был ли это табак или же кое-что, делавшее его тяжелую жизнь веселее.

Лицзюань громко поздоровалась и спросила, не нальет ли он нам чаю. Старик доброжелательно улыбнулся, отложил свою корзину и скрылся в хижине, а потом появился с тремя чашками черного чая, в которых плавала грязь. Шестой выпучил глаза и отказался пить.

— Вообще-то неудобно отказываться, — шепнула мне Лицзюань.

Что касается меня, то я решила, что лучше потерять лицо, чем заработать пару дней поноса, и в надежде, что старик не знает ничего об истории экспорта чая, торговом дисбалансе и опиумных войнах, притворилась, что англичане не пьют чай, и даже не дотронулась до подозрительной жидкости.

Еще часа через два мы добрались до места ночлега. К этому моменту Лицзюань и Шестой уже заметно подустали и в основном помалкивали.

— Ноги стерла, — пожаловалась Лицзюань.

Парнишка тоже приуныл, недоумевая, почему иностранцы платят немалые деньги за то, чтобы шляться по джунглям. Он пожаловался, что ноги у него просто отваливаются, и признался по секрету Лицзюань, что ненавидит пешие походы.

Когда мы дошли до деревни, хозяева проводили нас на веранду, усадили и угостили чаем, орешками и фруктами. Я надеялась, что перекус взбодрит моих погрустневших гидов. По традиции племени *хани*, хижина делилась на две части: мужчины и женщины спали отдельно, и в каждой половине был собственный очаг, хотя мне очаг на мужской половине показался лишним, поскольку еду и чай готовили исключительно женщины. Сегодня большая часть жителей отсутствовала, поскольку одна из семей строила новый дом, и, по давнему обычаю, все остальные им помогали.

Строительство тут было организовано четко: после месяца подготовительных работ сам процесс занимал ровно девять дней, а вечером девятого дня устраивали новоселье. Все дома в деревне походили друг на дружку как две капли воды, и каждую крышу венчал непонятный предмет, напоминающий подкову.

— Это рога, — объяснила мне Лицзюань. — Еще в период Борющихся царств один генерал захватил Юннань, и хани ему очень обрадовались, с тех пор они украшают дома рогами, как на шлеме у того генерала.

Чуть-чуть передохнув, мы отправились искупаться в водопаде. После пары дней в джунглях освежиться было приятно, и Лицзюань с Шестым, глядя, как я мою голову в ледяной воде, еще раз утвердились во мнении, что у меня не все дома. Лицзюань ограничилась тем, что сполоснула лицо и ноги, а Шестой вообще не стал мыться. Я надела купальник, опасаясь, что, увидев полуголую иностранную тетку, мальчишка потом долго будет мучиться от кошмаров, однако Шестой, похоже, решил, что даже зрелище иностранки в купальнике — это уже слишком для его нервной системы, и отказался приближаться, оставшись сидеть за камнем, где мы вскоре и обнаружили его уже сладко спящим.

В доме, где мы ночевали, был маленький щенок, как нам сказали, всего месяц от роду, с бархатистой шкуркой, маленьким хвостиком и шелковистыми ушками. Когда на улице похолодало, одна из женщин принесла малыша в дом и положила у очага, а младший сын тут же посадил его себе на колени и начал гладить и тискать. Тут же ходили и взрослые собаки.

— Вы съедите этого щенка, когда он вырастет? — спросила я. Вообще-то я шутила. Наивная.

Старший сын только что вернулся со стройки. Он удивился, что кто-то может задавать такие глупые вопросы:

— Конечно!

— Щенков было пять, но четверо умерли, — сказала женщина.

Все члены семьи погрустнели, но я засомневалась, жалко ли им несчастных щеночков, или они расстроены оттого, что лишились еды. А может, и то, и другое. Эти люди искренне любили собак, а обычай съесть щенков, когда те вырастут, — ну, это всего лишь проза жизни в диком краю, где многие люди умирали от голода.

— Некоторые едят змей, — поддержала разговор бабушка, крошечная старушка, напоминающая садового гномика. А старший сын хозяев пожал плечами и что-то пробурчал: похоже, ему наша беседа не особо нравилась.

— *Хани* очень суеверные, — объяснила мне Лицзюань. — Они верят, что змеи понимают человеческую речь, а потому их есть нельзя.

— Лет десять назад трое жителей нашей деревни нашли очень большую змею, — продолжила бабушка с торжественным выражением лица, — убили ее и съели, а потом все трое сперва онемели, а затем их полностью парализовало. Так-то вот.

— Они все еще живы?

— Нет, один умер спустя два года, второй почти сразу после первого, а третий дотянул аж до прошлого года...

Мы сидели вокруг огня. Все члены семьи закивали. Если это случилось лет десять тому назад, то все взрослые наверняка были очевидцами тех событий.

— Ты ей веришь? — спросила Лицзюань, которая привыкла к европейцам и их цинизму.

Она пожала плечами.

— Ну да.

Когда я вернулась домой, то ради интереса написала своему приятелю-медику, который специализировался на тропических заболеваниях, и спросила, могло ли такое быть на самом деле. Он ответил утвердительно и объяснил, что на юге Китая водятся несколько разновидностей змей, и яд некоторых вызывает паралич, в том числе и лицевых мышц, и скорее всего, те несчастные, о которых шла речь, не потрудились как следует приготовить змею, а значит, ей даже не пришлось их кусать.

На следующее утро мы всего за три часа по протоптанной тропе добрались до пыльного ветхого городишки, где собирались сесть на автобус до Цзинхуна. Это была ужасная дыра. Все рестораны оказались закрыты, а автобус предстояло ждать два с половиной часа. Мне не терпелось уехать. В Цзинхуне хотя бы есть пиццерия, пиво и массажисты, однако здесь не нашлось даже частника, который подбросил бы нас. В конце концов, нам удалось в какой-то забегаловке купить лапши — длинные полоски теста, напоминающие глистов, плавали в мутной жиже.

Наконец приехал автобус. Я заняла место впереди, а Лицзюань и Шестой уселись позади меня. Мы устроились с комфортом, но понимали, что это ненадолго, поскольку автобусы в сельской местности здесь обычно набиты битком. Сначала в автобус зашел старик с бамбуковой метелкой и вымел из-под сидений гору шелухи от семечек. Мы сидели тихо, как мышки, и ждали остальных пассажиров.

Нам предстояло преодолеть сорок восемь километров до главной дороги, причем у нашего скрипучего автобуса на это ушло аж три часа. Если честно, я устала после трех дней ходьбы и двух ночей, проведенных на полу чьих-то хижин, но о том, чтобы поспать по дороге, не могло быть и речи. Несколько пассажиров выпустили в проход щенков, которых, видимо, только что купили. У одной тетки в корзине сидело аж четыре маленьких создания, а еще одна собака, побольше, устроилась на коленях у новой хозяйки и поскуливала всякий раз, когда автобус попадал в яму.

«Это еще не самое плохое, дружок, — мрачно подумала я, глядя в грустные глаза пса, — тебя купили, чтобы в один прекрасный день зажарить...»

Боже, я никогда не думала, что буду так счастлива увидеть асфальт и другие машины. Дорога стала менее ухабистой. В конце концов, после четырех часов тряски, мы добрались до автовокзала, где пересели на автобус до Цзинхуна. Солнце тем временем медленно клонилось к горизонту. В вечернем свете поблескивала безмятежная гладь воды на заливных полях, в которой отражались банановые деревья и кусты диких хризантем.

Глава 20

Сколько времени идет поезд

Когда я вернулась в Куньмин, Рождество уже вступило в свои права. На календаре было второе декабря, и на улицах повсюду сияли огнями елки. Из аэропорта я напрямик поехала в тот отель, где останавливалась несколько дней назад. Девушка в турбюро забронировала для меня билет в Гуйлинь, и я хотела забрать его. В фойе, на которое еще совсем недавно было приятно взглянуть, теперь стояли пластиковые ангелы высотой в человеческий рост. Ну и безвкусица!

Меня заверили, что поезд до Гуйлиня идет восемнадцать часов. Я уже собиралась заплатить, но решила еще раз проверить даты.

— Во сколько поезд прибывает в Гуйлинь? — спросила я.

Девушка замолчала и зашелестела расписанием. Она была вся какая-то тонкая и плоская, почти двухмерная, как будто ее хорошенько отутюжили.

— Ага, вот. В два часа ночи. В четверг.

Стоп! В четверг? Но сегодня вторник! Это вовсе не восемнадцать часов, а почти

тридцать, поскольку поезд отправляется сегодня вечером, в десять минут девятого.

— Вы же мне сказали, что поезд идет восемнадцать часов, — в ужасе сказала я, все еще думая, что сейчас недоразумение как-то разрешится. Может быть, существует два поезда. Один скорый, а второй пассажирский, который останавливается на каждом полустанке. Если что, я готова еще поторчать в Куньмине и уехать на скором поезде.

Следующий час я потеряла зря, поскольку китайка отказывалась признать, что допустила ошибку, решив, во что бы то ни стало, сохранить лицо. Вместо того чтобы извиниться и открыть мне страшную правду, дескать, никакого второго поезда не существует, она решила убедить меня, что с восьми вечера вторника до двух часов ночи четверга пройдет всего восемнадцать часов.

— Да! Восемнадцать! — воскликнула она и даже попыталась улыбнуться.

Я замолчала. Интересно, эта мадам действительно не умеет считать или пытается обдурить меня?

— Вовсе нет, — медленно протянула я. — Не восемнадцать, а тридцать.

— Нет, восемнадцать.

Я попыталась донести до нее свою точку зрения на китайском. Вообще-то я не собиралась учить сотрудницу отеля математике, просто хотела узнать, есть ли более быстрый способ добраться до Гуйлиня, но упрямая девица не сдавалась. Она куда-то звонила, мне пришлось говорить с кучей народу и задавать всем один и тот же вопрос — есть ли другой поезд? И я неизменно слышала один и тот же ответ — а чем вам не нравится этот, он ведь идет всего восемнадцать часов.

Плоская девушка отвела меня к молодому человеку за стойкой регистрации, который говорил по-английски лучше, чем она, и объяснила суть проблемы. Парень энергично закивал.

— Да, поезд идет восемнадцать часов, — почти искренне ответил он.

Девушка тем временем взяла листик и карандаш. Призвав администратора в свидетели, она написала час отправления поезда — 8, потом под заголовком «2 декабря» проставила «9, 10, 11, 12», отчеркнула, сделала новый заголовок «3 декабря», под ним «1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12», снова отчеркнула и написала «4 декабря», а чуть ниже — «1, 2», и начала, как тупой ребенок, пересчитывать циферки.

— Вот видите. Восемнадцать часов!

Ее губы растянулись в самодовольной улыбке.

— Но вы пропустили целых двенадцать часов! — Я постучала по столбику «3 декабря».

Девушка смешалась. Как я не понимаю такие простые вещи? Она срочно сделала еще пару звонков и снова протянула мне трубку.

— Да, есть другой поезд, — сообщил мне бесплотный голос. — Идет восемнадцать часов.

Ура!

— Отправляется в два часа ночи, а прибывает в два часа ночи на следующий день.

— Но это не восемнадцать часов! — я почти орала. — Это двадцать четыре. В сутках двадцать четыре часа!!!

Повисло молчание, после чего в трубке вздохнули:

— Ну... Я не знаю.

Плоская дамочка с видом мученицы отняла у меня трубку и снова набрала какой-то номер. Ее мужеству оставалось только позавидовать. Девушка упорно не хотела сдаваться. М-да, ей бы в разведку. Такая и под пытками не расколется.

А вот я в разведку явно не годилась. У меня не такие крепкие нервы. Внезапно для самой себя я зажала руками уши и начала скулить, издавая такие же звуки, как щенки в автобусе. Но хуже всего, что я начала сомневаться: а действительно ли в сутках двадцать четыре часа? Почему все соглашаются с этой девушкой? Да, я устала. Может, я ошибаюсь? Хотя есть вероятность, что я просто участница какого-то дикого психологического эксперимента. Может быть, левое крыло китайского правительства притаилось за фальшивой

стеной с камерами, чтобы зафиксировать, как уставшая европейка перенесет промывание мозгов и удастся ли убедить ее в том, что в сутках всего двенадцать часов. Возможно, потом методику применят к тем, кто до сих пор осуждает события на площади Тяньаньмэнь. Внезапно попытка прекратилась. Девушка передумала.

— Знаете, — сказала она, вешая трубку, — а ведь вы правы, поезд до Гуйлиня идет тридцать часов.

К этому моменту логика уже оставила меня. Сейчас-то я понимаю, что тогда мне предлагали тридцать часов ничего не делать, просто лежать и читать книжки. Не так уж и плохо. Но в тот момент перспектива ехать тридцать часов «радовала» примерно так же, как необходимость на одной ножке допрыгать до Северного полюса или вплавь обогнуть земной шар. С тем же успехом можно было убеждать Ван Гога, что он симпатично выглядит с отрезанным ухом, или Мао, что нормальный цвет зубов — зеленый. Внезапно я решила, что не поеду в Гуйлинь, а лучше отправлюсь в Гуйян, административный центр провинции Гуйчжоу, это на полпути до Гуйлиня. Я прочла в путеводителе, что оттуда каждое утро отправляется поезд, на котором до Гуйлиня можно добраться за четыре часа, то есть я могу приехать в среду, а не ночью в четверг. В глубине души я понимала: что-то тут не так, слишком уж велики расстояния, и в путеводитель, скорее всего, закралась ошибка. Увы, рациональная часть мозга после спора с плоской девушкой отключилась.

В Гуйян я поехала в спальном вагоне. Впервые за все время пребывания в Китае я позволила себе путешествовать с таким комфортом. Все, с кем мне доводилось обсуждать китайские поезда, говорили, что спальный вагон не стоит таких денег, какие просят за билет. В нем обычно полно разжиревших китайских бизнесменов, и одинокой молодой женщине не пристало путешествовать с подобными созданиями в одном купе с запирающимися дверьми, но сегодня в моем взгляде горела такая жажда крови, что никто не осмелился бы ко мне сунуться.

В любом случае я вскоре пришла к выводу, что те, кто советовал плацкарт, совершенно неправы. Несмотря на то, что купейные вагоны называют в Китае «мягкими», полки здесь не намного мягче, но зато есть два плюса, за которые вполне можно и доплатить. Во-первых, в купе тихо. Никто не всасывает с шумом лапшу, не сморкается, дети не бегают по проходу, никто не играет в карты.

Во-вторых, у меня есть личный выключатель, а это значит, что можно по настроению почитать книжку, а вот просыпаться в пять утра, когда включается освещение в вагоне, совсем не обязательно. Правда, в каждом купе было назойливое радио, из которого раздавались звуки народной музыки и какие-то информационные сообщения. К счастью, я их не понимала.

В моем купе ехали трое мужчин. Они переоделись ко сну, натянув длинные панталоны и футболки, потом расселись, растопырив ноги и разложив на коленках огромные животы, похожие на старые подушки. Китаец на верхней полке напротив меня щеголял в семейных трусах с длинной прорехой, которая, видимо, позволяла ходить в туалет, не снимая белья, хоть по большой нужде, хоть по малой, и мой сосед периодически чесал зад, засовывая руку в прореху. Я закрыла глаза и выключила лампочку.

В Гуйян мы прибыли в восемь утра. В надежде успеть на экспресс до Гуйлиня я сразу же помчалась в билетную кассу и встала в очередь. Хотя здесь больше подошло бы слово «потасовка». Толпа напирала на окошко кассы. Десять человек разом пытались просунуть туда руку с деньгами. Я бы поучаствовала в общем веселье, но не знала, сколько денег совать. Боже, мне всего лишь надо задать вопрос. Когда следующий поезд до Гуйлиня и сколько времени он идет? Я внедрилась в толпу, с разговорником в одной руке и деньгами в другой. В какой-то момент я качнулась и ударила рюкзаком по башке пару любителей лезть без очереди. Поднялся страшный переполох. Человек двадцать разъяренных китайцев принялись хором орать на меня, но я стойко преградила им путь. В результате к тому

моменту, как я добралась до окошка, возле билетной кассы начались народные волнения.

— *Ни хао*, — поздоровалась я и улыбнулась кассирше, притворяясь, что не имею никакого отношения к гвалту за спиной. — Не могли бы вы сказать мне, когда следующий поезд до Гуйлиня?

На вокзале работали мудрые и добрые люди. Специально для меня открыли еще одну кассу, поэтому билет до Гуйлиня я купила относительно спокойно.

Поезд отправлялся через полчаса, а приезжала я — боже, стоило бы догадаться — в два часа ночи.

Я локтями проложила себе путь на платформу и попыталась объяснить проводнику, что хочу поменять билет. Мне продали плацкарт, а я просила купе.

В итоге я победила и в этой битве, хотя какой-то мужик, стоявший возле соседнего вагона, и пытался меня убедить, что я пришла не на ту платформу. И вот, наконец, я оказалась в купе.

Мне повезло. В купе не было других пассажиров.

Я заперла дверь, забралась с ногами на полку, прижав колени к груди, и закуталась в одеяло. Последняя стычка доконала меня. Я чувствовала себя усталой и обиженной на весь мир. Радио снова «радовало» звуками *эрху*. И тут вдруг раздались знакомые ноты — да это же песня из мюзикла «Книга джунглей». Секунд пять я нервно смеялась, а потом вся усталость и обида вдруг выплеснулись наружу, и я зарыдала.

День прошел очень приятно. Я ехала в отдельном купе без соседей, читала, спала и писала. Несколько часов безделья! Именно этого мне и не хватало.

Я даже прогулялась по коридору до конца вагона с пустым термосом. Проводница тут же выскочила и услужливо долила в него кипятка. Видимо, она выделила меня среди пассажиров как человека, требующего особой заботы. Надеюсь, она хоть не видела, как я плачу.

Вернувшись в купе, я заварила себе вкусный чай с жасмином, который приобрела в подарок, и потягивала бледно-желтую жидкость, с удовольствием наблюдая, как крошечные шарики постепенно распускаются и оживают на дне моей чашки.

В Куньмине я купила две больших пиццы в дорогу. Они остыли и покрылись маслянистой пленкой, но все равно были вкусными. В перерывах между сном я отрезала очередной кусок и жевала, заедая мандаринами. Несколько часов я просто сидела и смотрела в окно. Мимо меня проносились грядки с капустой, коричневые холмы и покосившиеся дома, и я поживалась от одной только мысли, что в них кто-то живет. Время от времени пейзаж портили фабрики, из труб которых валил густой дым. После того как мы переехали границу между Гуйчжоу и Гуанси, форма холмов стала более причудливой и интересной, а потом мы снова выехали на равнину. Когда города оставались позади, небо приобретало более насыщенный синий цвет, а горизонт, казалось, отодвигался.

Пейзаж успокаивал. Я решила, что можно отправиться в вагон-ресторан, купить себе пивка, и тогда и без того хороший день заиграет новыми красками. На часах было без десяти шесть.

«Полли, — сказал мне внутренний голос, — лучше подождать еще десять минут».

Но тут же на смену этой мысли пришла другая:

«Господи! Я еду черт-те где в китайском поезде, вот уже целых двадцать три часа, но при этом воспитание не позволяет мне пойти и выпить, пока не пробьет шесть. Ха-ха-ха! Ну и умора!»

Я выбросила из головы всякие глупые предрассудки, отправилась в вагон-ресторан и без пяти шесть с наслаждением пригубила пиво.

Глава 21

Раз скала, два скала

«ПОЛУЭВАНС». Водитель с такой табличкой стоял перед выходом из вокзала.

Я прямо из поезда по телефону связалась с отелем в Яншо, что в шестидесяти пяти километрах от Гуйлиня. Это, конечно, расточительство, но я была не в том состоянии, чтобы торчать на вокзале и ждать автобуса до шести утра.

Через пару минут мы уже выехали из города и помчались мимо известняковых скал, которые веками привлекали сюда поэтов, художников, а в последнее время и туристов. Водитель мне попался энергичный, он явно вознамерился еще поспать сегодня ночью, а потому надавил на газ, и мы понеслись по пустому шоссе. Без пятнадцати три мы были в отеле. Я приняла ванну и в четверть четвертого уже лежала в теплой постельке.

Окна моего номера выходили на пруд со стоячей водой, в которой плавал мусор, но, к счастью, подобный пейзаж был скорее исключением. Яншо, окруженный карстовыми скалами, оказался прелестным местечком. Постепенное разрушение породы придало известняковым холмам, сейчас окутанным дымкой, самые причудливые формы. Некоторые поднимались вертикально, другие напоминали конусы, выстроившиеся по росту. Внизу серебрилась река, на которой рыбаки на джонках рыбачили с помощью ручных бакланов на веревке, как и много столетий назад.

Правда, теперь рыбаков и крестьян стало значительно меньше, поскольку все бросились обслуживать орды туристов. На пешеходной улице в центре города куча кафе — торгующих блинами с бананами, предлагающих доступ в Интернет, показывающих кино на английском; тут же расположены сувенирные лавочки, а также магазины, где можно приобрести одежду и музыкальные диски по смешным ценам. Я испытала облегчение на грани с эйфорией. Я пила кофе, посылала письма по электронной почте и бродила по рынку.

На следующее утро я встретила с Энни, гидом, которая принимала здесь туристов Гая и Нэнси. Она предложила отвезти меня в ее родную деревеньку в десяти километрах от Яншо, где ее семья владела чайными плантациями и садами кумквата.

— Что вы предпочитаете? Мопед? Велик? Или пойдем пешком?

Я выбрала пешую прогулку. Всего-то десять километров, а после двух дней, проведенных в поезде, будет приятно пройти среди карстовых скал. По пути мы завернули на рынок, где Энни купила пакет мандаринов, чтобы подкрепиться по дороге. Холмы окутывал туман, и вершины вдаль таяли в молочной дымке. Мы шли мимо бесконечных заливных полей, урожай с которых убрали еще в октябре. Крестьяне в Гуанси умудряются снимать целых два урожая риса за год — в июне и в октябре, тогда как в северных районах удается собрать урожай лишь один раз, правда, еще дальше на юг, к примеру, на острове Хайнань, рис созревает аж трижды.

Когда мы поднялись чуть выше, то увидели, что холмы вдаль усеяны крошечными ярко-оранжевыми точками — это кумкват, миниатюрные апельсинчики.

— Кумкват и помело — основные сельскохозяйственные культуры в этом регионе, — объяснила мне Энни. — Помнится, в юности я носила кумкват, который мы выращивали, в город на продажу.

— Неблизкий путь, а сколько ты уносила за раз?

— Килограммов пятьдесят или пятьдесят пять.

Энни рассмеялась, увидев мое изумление. Еще бы мне не удивляться: это все равно, что все десять километров тащить меня (ну, скажем, меня без одной ноги), а я, между прочим, на голову ее выше.

— Я несла две корзины на коромысле. — Она помолчала минуту и добавила уже более серьезным тоном: — Мне повезло. Я оттуда вырвалась.

С тех пор многое изменилось. Энни теперь вкладывает деньги в семейный бизнес: у ее брата имеются чайные плантации. Она носит модную одежду и только что закончила строить собственный дом, а два месяца назад купила себе новый мопед. Кстати, в итоге Энни разучилась ходить пешком и уже через пару километров начала жаловаться — ноги болят, спина ноет. У меня сжалось сердце. Нам оставалось пройти еще восемь километров.

Энни рассказала мне о своем сыне. Мальчишке всего четыре, но с понедельника по

пятницу он живет в принадлежащем ее брату частном детском саду, это в паре километров за городом. Энни развелась и не слишком-то высокого мнения о мужчинах.

— В Китае легко получить развод? — заинтересовалась я.

— Очень, — Энни пожала плечами. — Если обе стороны согласны, то надо просто пойти к нотариусу и поставить свою подпись. На все уходит часа два.

Теперь у Энни новый бойфренд. Ему двадцать, а ей на пятнадцать лет больше. Родственники молодого человека недовольны тем, что их единственный отпрыск встречается с тридцатипятилетней разведенкой, да еще и имеющей ребенка.

Через два с половиной часа мы, наконец, добрались до места. После того как мы миновали восемь километров, Энни прекратила жаловаться на спину и на мужчин и остаток пути истерически смеялась. Мы спустились по узенькой тропке к ее дому, нужно сказать, очень большому.

— У меня трое братьев! — объяснила Энни. Но, даже учитывая, что там жили родители и братья с семьями, дом по китайским меркам был очень просторным. Мы прошли через двор, где гуляли цыплята, в комнату, примыкающую к кухне.

Энни представила меня своей матери, маленькой улыбчивой женщине. Бетонные стены в комнате украшали только два свитка с каллиграфией, а из мебели здесь стояли лишь комод и небольшой обеденный стол. В углу я заметила тяпки и мотыги. Да, вряд ли дизайнерские бюро в Китае гребут деньги лопатой, если даже зажиточные семьи предпочитают декорировать свое жилье грудями сельхозорудий.

Мама Энни приготовила нам обед. Стол буквально ломился: свиная печенка, жареный цыпленок, овощи с *доуфу*, жареные мясные шарики, водяной орех. Мы наелись до отвала, а гостеприимная хозяйка все переживала, что я мало кушаю. Она ловко орудовала палочками, выуживая для гостыи из тарелок самые вкусные кусочки, а когда я выражала восхищение, широко улыбалась, отчего морщинки в уголках ее рта становились более заметными. Мы выпили вкусного освежающего чая, а потом, когда не могли уже больше есть, пошли прогуляться по владениям Энни и ее семьи.

Сначала пришлось долго-долго идти вдоль чужих садов, поскольку каждая семья в деревне выращивала кумкват, как объяснила моя спутница, пока мы петляли между деревьями, усыпанных маленькими яркими шариками. Деревья были укрыты пленкой от дождя, чтобы фрукты не сгнили. Создавалось впечатление, что мы бродим по бесконечной палатке, набитой фруктами. Наконец мы добрались до сада родителей Энни, где ее отец поливал деревья и кормил цыплят, которые жили тут же.

Энни наотрез отказалась возвращаться в город пешком. Более того, она поклялась, что больше никогда в жизни не пойдет по этой пыльной дороге, а потому позвонила брату на чайную фабрику и попросила прислать какой-нибудь транспорт. В итоге приехали два мальчика на мопедах. Было уже полшестого, скоро стемнеет. Мне не очень-то хотелось ехать в темноте без шлема, по каменистой дороге, рискуя столкнуться с телегой или незадачливым буйволом, поэтому я осторожно предложила выехать пораньше, а не засиживаться на чайной фабрике, дегустируя чай.

— Ты боишься ехать в темноте? — догадалась Энни.

— Да, — призналась я.

На следующий день ногам Энни предстояло новое испытание — мы поехали на велосипедах. Она заверила меня, что все будет хорошо. Мы встретились в холле гостиницы, причем Энни на этот раз была без мопеда.

— Сломался, — вздохнула она.

— Но ему же всего два месяца!

— Ну... китайское качество... — засмеялась Энни.

Это одна из проблем, с которыми столкнулся Китай. Все делается в такой спешке, что рабочие частенько халтурят, в результате никто не удивляется и не злится, если что-то выходит из строя. К примеру, сегодня утром в отеле сломалась проводка, в итоге в номере не работало отопление, а в буфете тостер, но никто и глазом не моргнул. Китайцы не

принимали такие происшествия близко к сердцу, здесь это считается в порядке вещей.

На этот раз у Энни заболели руки.

— Посмотри! — она продемонстрировала мне ладони. — Кровь!

М-да. Тяжко приходится моим гидам. Лицзюань натерла ноги. Шестой к концу путешествия в джунгли еле ходил. У Энни болели все мышцы, а теперь еще и ладони стерты до крови.

К счастью, мы вскоре увидели торговца, продающего сахарный тростник, и это придало нам энергии. Маленьким ножичком с квадратным блестящим лезвием продавец отрезал от большого стебля кусочек поменьше и снял с него шкурку. Мы стояли на фоне карстовых скал и с наслаждением сосали сладкую тростниковую палочку.

День прошел незаметно. Мы заехали в какую-то старинную деревушку пообедать. В маленьком дворике женщина мыла тарелки у колонки, а неподалеку на открытой кухне старушка, видимо, ее мать, мешала что-то в глубокой сковороде.

— Можно нам на обед цыпленка? — спросила Эннн.

Старушка тут же подбежала, вытирая руки о передник и убирая волосы с лица. Она кивнула на загон, где за проволочной изгородью бродили четыре или пять птиц.

— Выбирайте.

Пришлось покупать целого цыпленка, которого муж хозяйки тут же зарезал, ощипал и приготовил, пока мы гуляли по деревне.

На обратном пути мы заехали в детский сад, чтобы Энни забрала сынишку на выходные. В одной из комнат сидели молодые люди лет двадцати трех или двадцати четырех и зачарованно пялились в ящик. Один из них увидел меня и выпучил глаза от удивления. За ним, как по команде, все остальные тоже повернулись и пооткрывали рты.

— Здравствуйте, — поздоровалась я по-китайски, улыбнулась и помахала рукой, но ответа не последовало. Парни молча изучали странное существо, оказавшееся на их территории.

Сын Энни, болтая ногами в детском кресле, пристегнутом к заднему крылу велосипеда, не переставая, задавал вопросы:

— А лягушкам холодно зимой? А как курицы откладывают яйца? А почему на голове растут волосы?

Насколько я поняла, он не стал спрашивать, почему у меня такая белая кожа и такие круглые глаза, но, может, Энни просто из деликатности не стала переводить.

На следующий день я пошла на занятие по каллиграфии. Преподаватель, человек спокойный и доброжелательный, с сединой на висках, проявлял чудеса терпения. Видимо, результат долгих лет тренировок. Он даже не морщился, глядя на каракули студентов.

Сначала он разложил листы бумаги, потом придирчиво выбрал кисти, аккуратно развел тушь из большого пластикового контейнера в маленьком фарфоровом блюдечке. Каждое его движение было верхом изящества. Возможно, занятия каллиграфией, где важна плавность, изменяют и внутреннюю энергетику человека, или наоборот. Если последнее верно, то у меня, боюсь, шансов нет.

Преподаватель достал первый лист, взял кисть строго вертикально, обмакнул кончик в тушь и начертал иероглиф «человек», который похож для несведущего человека на крышу домика:

Жэнь . На самом деле это пиктограмма, изображение двух ног. Очень простой иероглиф, по правде говоря. Всего-то две черты. Два взмаха кистью. Затем преподаватель взял вторую кисть и вручил ее мне. Я очень старалась повторить движения, но в итоге мой «человек» хромал на одну ногу и пытался завалиться набок. Я пробовала снова и снова, но так и не добилась удовлетворительного результата.

Затем мы перешли к иероглифу «рот», который выглядит как квадратик:

Ну, квадратик и квадратик. Любой может его изобразить. Вся проблема в том, что

нужно не просто нарисовать прямые линии. Здесь важен нажим кисти. Кисть должна легко скользнуть по бумаге, поэтому конец каждой из четырех сторон квадрата получается словно бы слегка прозрачным.

— Не расстраивайтесь, — утешил меня преподаватель, когда я, высунув язык, выписывала десятый по счету кривой квадратик. — Большинство китайцев не умеют писать иероглифы кистью, да и ручкой-то пишут как курица лапой. Я долго преподавал в средней школе, так что знаю: хороший почерк бывает только у пары учеников из класса.

Да, прошли те времена, когда карьера зависела от умения писать иероглифы кистью. Теперь студенты делают все на компьютере, используя специальные программы, позволяющие набирать иероглифические тексты.

Подошла девушка, дежурившая за стойкой регистрации. Преподаватель спросил, не хочет ли она попробовать. Девушка покраснела.

— Нет, что вы. Я очень плохо пишу.

Я ей, если честно, не поверила. Она же умеет писать по-китайски, так что в любом случае справится с задачей лучше меня.

Девушка взяла в руки кисть. Ее иероглифы получились почти такими же кривыми, как у меня. Вместо легких невесомых линий выходили толстые. Вдобавок она умудрилась перепутать порядок черт в иероглифе «гора», а это, по меркам нашего лондонского преподавателя, — смертный грех.

Мы еще целый час пыхтели над иероглифами. Кстати, очень успокаивает нервы. Сидишь себе, попиваешь чай и пытаешься нарисовать палочку одним элегантным взмахом кисти. Не нужно восхищаться красивыми пейзажами, поддерживать беседу или пытаться купить еду. Я буквально растворилась в этих плавных чертах и позабыла обо всех горестях.

Глава 22 Ну вот и всё

Автобус, на котором я ехала из Яншо в Гуанчжоу, был самым лучшим в моей жизни. Новые сиденья. Есть куда поставить ноги даже самым долговязым пассажирам. Кондиционер. Никто не курил, поскольку кроме меня в автобусе ехало еще всего лишь четверо. Примерно через час ко мне подошла проводница (вот это сервис!) и вручила бумажную упаковку соевого молока и бисквит.

Забавно, что автобус, на котором я преодолевала последний отрезок своего пути, так разительно отличался от того первого прокуренного микроавтобуса, норовившего развалиться по дороге, на котором я ехала из Утай Шань в Тайюань несколько недель назад. Путь до Гуйлиня оказался неблизкий, но из всех путешествий на поезде это было самое приятное. До этого я ни разу не ездила в купе одна, а вокруг меня не суетилась проводница, зорко следившая, чтобы в моем термосе не кончалась горячая вода. Хотя в том же самом поезде в «сидячке» ехали простые китайцы, с трудом сводившие концы с концами. Китайская транспортная система наглядно демонстрирует, сколько же в этой стране контрастов и противоречий. С каждым новеньким БМВ, сошедшим с конвейера, пропасть между богатыми и бедными все растет.

А за окном мелькали все те же пейзажи. Опять грядки с капустой, снова заливные поля, с которых уже убрали урожай. Буйволы щиплют травку, как и сто лет назад, а мы, герметично запакованные в обертку современности, несемся мимо речек и гор, а потом опять мимо грядок с капустой. Через города с однообразными безликими домами. Через поля сахарного тростника, побеги которого тянутся в небо. И снова, снова мимо капустных грядок.

Мы прибыли в Гуанчжоу. Отель выглядел божественно, но внутри царил ужасный холод. Я несколько минут возилась с обогревателем, а через час, проходя мимо стойки регистрации, сообщила:

— У меня в номере, похоже, не работает отопление. Нельзя ли прислать кого-нибудь

починить?

Администратор удивился:

— Все у вас исправно. Дело в том, что во всем отеле сейчас не топят. Мы включаем отопление, только когда температура упадет до пяти градусов.

Большую часть следующего дня я гуляла и прошла, наверное, в общей сложности километров тридцать. Умоталась так, что уснула бы даже при температуре минус пять.

Гуанчжоу вообще-то довольно уродливый город, но в нем есть и свое скрытое очарование. Вдали от широких проспектов с чудовищными серыми небоскребами и бетонными эстакадами прячутся узенькие мощеные улочки, на которых жмутся друг к другу дома с облупившейся краской. Вот она, настоящая жизнь, в этом лабиринте переулков, где теснятся велосипеды и на каждом углу приветливо распахнуты двери — здесь парикмахерская, там кафешка, тут детский садик.

Я отправилась на юг, взглянуть на Шамянь Дао, удивительный анахронизм на северном берегу Жемчужной реки. Здесь раньше жили иностранцы. Отсюда в восемнадцатом веке вела дела Британская Ост-Индская компания, обладавшая исключительным правом на торговлю с Китаем (это было еще до того, как по условиям Нанкинского договора для иностранных компаний открыли несколько портов).

Иностранцам, а большинство их составляли англичане, было позволено торговать лишь с узким кругом китайских компаний, им не разрешалось держать слуг-китайцев и изучать язык. Пиджин, который, по сути, является смесью английского, китайского и португальского, получил хождение значительно позднее. Более того, иностранцам не дозволялось покидать данную территорию. В 1861 году положение их улучшилось, а вот китайцев, напротив, ухудшилось, поскольку остров Шамянь отошел иностранцам. Начал действовать принцип экстерриториальности, то есть иностранцы жили на китайской территории по собственным законам, как, например, в Шанхае.

Сегодня остров Шамянь — это своего рода оазис посреди каменных джунглей: густая растительность и огромные здания в колониальном стиле, которые существуют словно бы вне времени на этом крошечном клочке земли, который соединен с остальным городом несколькими каменными мостами. Но самое поразительное здесь — это отсутствие копоти. Там, за мостами, город задыхается от пыли и грязи, а здесь царит чистота. Мне Шамянь показался воплощенной сказкой, попыткой иностранцев убедить самих себя, что они вовсе не в Китае, воссоздать на чужбине кусочек родины.

Я и сама уже готова была отправиться домой. До Гонконга рукой подать, меньше двух часов на поезде. Это, конечно, теперь уже не британская колония, да и я там больше не живу, но там полно моих друзей. Хватит с меня шататься по китайским городам, искать, где поесть и где поспать. Я не могла спокойно ходить по Гуанчжоу, зная, что всего в паре часов езды живут мои друзья Шина и Дункан, в доме у которых найдется для меня гостевая комната, а для того, чтобы получить еду и вино, нужно будет просто открыть дверцу холодильника. Меня тянуло туда, словно магнитом. Китай — чудесная страна, спору нет, но, встретив на своем пути немало трудностей, я порядком устала, и теперь пора двигаться дальше.

Я взяла такси до вокзала. Когда водитель припарковался, к машине подошли двое. Первый маленький и коренастый, со злым лицом, на одной ноге. Он передвигался с помощью костылей. Второй, напротив, юркий и проворный, ни минуты не стоявший на месте, подвижный, словно ива на ветру.

Пока мы с водителем доставали багаж, парочка подошла поближе. Одноногий ткнул мозолистой рукой меня в грудь и потребовал:

— *Цянь*. Деньги.

Я сделала вид, что не понимаю.

— Деньги, — повторил он и толкнул меня в плечо.

А его проворный напарник подскочил и попытался взять мой багаж.

— Деньги! — На этот раз одноногий толкнул меня сильнее.

Они подошли ко мне вплотную, чтобы помешать забрать вещи и преградить путь, а водитель стоял в сторонке, как ни в чем не бывало, и посмеивался.

Я достала рюкзак из машины, надела его на плечи и решительно двинулась вперед, едва не сбив одноногого. Он что-то злобно прошипел мне в спину, а его товарищ громко расхохотался.

Пройдя паспортный контроль, я села в поезд. Через полтора часа мы прибыли в Шэньчжень, приграничный город небоскребов, объявленный в 1980 году особой экономической зоной, а потом набрали скорость и понеслись, оставляя позади торговые центры и офисы Китая, по зеленым пригородам Гонконга.

Менее двух с половиной веков назад тропическая растительность покрывала весь Гонконг: поначалу сильные мира сего относились к Гонконгу не как к раю земному или стратегически выгодной торговой точке, а считали его этаким подгнившим яблочком.

Лорд Палмстон, изучая территорию, которая отошла империи по Нанкинскому договору, написал следующее: «Голый остров, почти не застроен». Британская монархия восприняла Гонконг как своего рода курьез: этакий трухлявый пенек в роскошном имперском саду. Недавно коронованная королева Виктория писала своему дяде: «Альберт очень рад, что мы получили этот островок».

Но голым остров оставался недолго. Колонизаторы возвели здесь правительственные учреждения, склады, часовые башни и соборы. Здания росли ввысь, этаж за этажом, а вместе с ними росло и население.

При каждом новом трагическом повороте в истории Китая, — будь то восстание *тайпинов* в середине девятнадцатого века, гражданская война, японская оккупация, голод, последовавший за «Большим скачком», или зверства «Культурной революции», — жители материковой части бежали за границу. Сюда же перебирались преступники, которым британская система правосудия казалась более мягкой. Когда коммунисты развернули борьбу с «*триадами*», то «*триады*» обосновались в Гонконге. Если в 1900 году население Гонконга составляло всего 300 тысяч человек, то в 1962 году — уже 3 миллиона, а в наши дни — около 7 миллионов.

И я тоже не стала исключением: внезапно, как и те китайцы, которые бежали от войны, голода, коммунистического режима, оказавшись в Гонконге, я испытала невероятное облегчение. Я люблю Китай. Эта страна очаровала меня, но там я чувствовала себя одинокой, а здесь я дома, среди друзей. Когда за окном замелькали знакомые виды, я с трудом подавила желание вскочить и побежать по проходу, вопя от радости.

Мы двигались на юг. Застройка становилась плотнее, выше, уродливее. Дома словно бы пытались рассказать историю Китая. Вот Шатин, один из новых районов, который возвели в 1970-х, чтобы переселить сотни тысяч беженцев из материкового Китая. Вот ипподром. Традиционная британская забава нашла отклик в сердцах азартных китайцев. Это единственное место, где можно легально делать ставки, в результате ипподром собирает за один забег больше денег, чем в любой другой точке мира. Мы доехали до Коулуна. Вокруг сияли неоновые вывески, рекламирующие все, что угодно, начиная от часов и заканчивая девушками. Здесь все продается и все покупается. Это уголок Китая, несмотря на годы британского правления. Китайцы, бежавшие с родины в трудные времена, с их удивительным трудолюбием, невероятной энергией, выносливостью и упрямством, попав на благодатную почву, разбогатели. Ни одна другая раса так не сумела. А теперь, когда правительство ослабило хватку, их родственники по ту сторону границы тоже продемонстрировали коммерческую жилку и на огромной скорости несутся к процветанию.

В 1920-х годах китайцы скандировали лозунг, смысл которого сводился к следующему: «Сначала мы будем использовать пули, если пули кончатся, то будем биться штыками, если штыки сломаются, то пустим в ход приклады, а потом кулаки, а если уже и кулаками не сможем махать, то станем кусаться». В этом весь китайский характер. На протяжении десятилетий перед лицом любых напастей китайцы действовали именно так.

Поезд замедлял ход. Мы прибыли на вокзал, расположенный на оконечности полуострова Коулун: это самая южная точка материкового Китая и мой пункт назначения после стольких недель бесконечных переездов. Мне пришлось путешествовать на велосипеде, на самолете и даже верхом на муле. Я ездила по новым автострадам и разбитым проселочным дорогам. На бесчисленных разваливающихся автобусах и на самом быстром поезде в мире. И теперь, со смешанным чувством ностальгии и облегчения, я добралась-таки до конца пути. По крайней мере, пока, ну а дальше будет видно.